

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2024 Том 21 № 3

РАЗМЫКАЯ КРУГ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО ТАТАР В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ДИАЛОГАХ

Научные редакторы:

Марсель Ильдарович Ибрагимов, Венера Рудалевна Аминева

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бакhtикирева Улдая Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки
Канагараджа Суреи, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка, директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аминева Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуццева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламаева Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранская Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулэйменова Элеонора Джусуповна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Илдан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухуну Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 16.09.2024. Выход в свет 30.09.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,53. Тираж 500 экз. Заказ № 1062. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 21 No. 3 (2024)

BREAKING THE CIRCLE: LANGUAGE, LITERATURE, AND ART OF THE TATARS IN INTERCULTURAL DIALOGUES

Scientific Editors:

Marcel I. Ibragimov, Venera R. Amineva

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editors

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA
Suresh Canagarajah, PhD, Professor, Pennsylvania State University, Philadelphia, USA

EDITORIAL BOARD

- Prof. Venera R. Amineva*, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Mar'yan A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan
Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States
Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States
Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Prof. Zuhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus
Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States
Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland
Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation
Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*
Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗМЫКАЯ КРУГ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО ТАТАР В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ДИАЛОГАХ

От научных редакторов выпуска	381
ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА	
Миннуллин Б.К. Особенности структурно-композиционного и лингвостилистического оформления художественно-публицистических жанров на страницах татарской периодической печати начала XX века	385
Фатхутдинова В.Г. Адвербиальное словообразование в русском и татарском языках: этнолингвистический аспект	396
Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительный анализ функционирования предлогов / послелогов и союзов как средств выражения категории предшествования в татарском и русском языках	408
Сулейманова Д.Д. Фонетико-семантические особенности татарской лексики <i>ик</i> и баскской <i>hegi</i> : опыт сопоставительного анализа	428
Сафаров М.А. «Родной язык — татарский». Культура мордвы-каратаев как пример межэтнического взаимодействия	441
Абянов Р.В. Касимовский говор как фактор сохранения этноконфессиональной идентичности татар Рязанской области	450
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ	
Мирхаев Р.Ф. История арабско-татарских языковых контактов в социолингвистическом аспекте	459
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
Загидуллина Д.Ф. Синтетизм в современной татарской прозе	469
Еникеев И.А. Особенности формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана	482
Хабибуллина А.З. «Память жанра» как категория сопоставительной поэтики (на материале элегии в русской и татарской литературе второй половины XX–XXI вв.)	493
Сырысева Д.Ю. Экзистенция смертности в русскоязычной прозе современных татарских писателей	505
Дианова Л.П. Этнопоэтические элементы транслингвальности в поэзии Альбины Абсалямовой	512
Фахрутдинова Л.И. Особенности выражения национального образа мира в произведениях А. Еники	523
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА	
Нагуманова Э.Ф. Сохранение национальной идентичности подлинника при переводе (на материале переводов татарской поэзии на русский язык)	535

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- Шевченко Е.Н.** Зарубежная классика на татарской сцене 547
- Султанова Р.Р.** Поиски обновления театрального языка в современном татарском театре: сценографический аспект 558
- Улемнова О.Л.** Пересечение восточных и западных художественных традиций в графических сериях Баки Урманче 570
- Гилемьянова Г.Г.** *Иляхи* и *мунаджат* в духовной музыкально-поэтической культуре турок и татар: к вопросу общности традиций 583
- Давлетшина Л.Х.** Джинны в турецкой и татарской культуре: невидимое соседство 591

ИНТЕРВЬЮ

- Ибрагимов М.И.** Интервью с Кимом Мугаллимовичем Миннуллиным 601

ПЕРСОНАЛИИ

- Юбилей Дании Фатиховны Загидуллиной 609

CONTENTS

BREAKING THE CIRCLE: LANGUAGE, LITERATURE, AND ART OF THE TATARS IN INTERCULTURAL DIALOGUES

From the Scientific Editors of the Issue 381

LANGUAGE IN SYSTEM

Minnullin B.K. Features of the Structural, Compositional and Linguistic-Stylistic Formation of Artistic and Journalistic Genres on the Pages of the Tatar Periodical Press of the Early Twentieth Century 385

Fatkhutdinova V.G. Adverbial Word Formation in Russian and Tatar Languages: Ethnolinguistic Aspect 396

Lutfullina G.F. Comparative Analysis of the Functioning of Prepositions / Postpositions and Conjunctions as Means of Expressing the Category of Precedence in the Tatar and Russian Languages 408

Suleimanova D.D. Phonetic-Semantic Features of the Tatar Lexeme *ik* and Basque *hegi*: Experience of Comparative Analysis 428

Safarov M.A. “The Native Language is Tatar.” Mordovian-Karatai Culture as an Example of Interethnic Interaction 441

Abyanov R.V. Kasimov Dialect as a Factor in Preserving the Ethnic and Confessional Identity of the Tatars of the Ryazan Region 450

LANGUAGES IN CONTACTS

Mirkhayev R.F. The History of Arabic-Tatar Language Contacts in the Sociolinguistic Aspect 459

LITERARY DIMENSION

Zagidullina D.F. Synthetism in Modern Tatar Prose 469

Enikeev I.A. Features of the Genesis and Formation of Russian-language Literature in Tatarstan 482

Khabibullina A.Z. “Genre Memory” as a Category of Comparative Poetics (Based on Elegy in Russian and Tatar Literature of the 2nd half of the 20th — 21st centuries) 493

Syryseva D.Yu. The Existence of Mortality in the Russian-language Prose of Contemporary Tatar Writers 505

Dianova L.P. Ethnopoetic Elements of Translingualism in the Poetry by Albina Absalyamova 512

Fakhrutdinova L.I. Features of the National Image of the World’s Expression in the Literary Works by A. Yeniki 523

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Nagumanova E.F. Preserving the National Identity of the Original Text in Translation (on the Material of Translations of Tatar Poetry into Russian) 535

CULTURE AND ART

- Shevchenko E.N.** Foreign Classics on the Tatar Stage 547
- Sultanova R.R.** Searching the Renewal of the Theatrical Language in the Modern Tatar Theatre: Scenographic Aspect 558
- Ulemnova O.L.** The Intersection of Eastern and Western Artistic Traditions in Baki Urmanche's Graphic Series 570
- Gilemyanova G.G.** *Ilahi* and *Munajat* in the Spiritual Musical and Poetic Culture of Turks and Tatars: On the Issue of Common Traditions..... 583
- Davletshina L.Kh.** Djinn in Turkish and Tatar Culture: The Invisible Neighborhood..... 591

INTERVIEW

- Ibragimov M.I.** Interview with Kim Mugallimovich Minnullin 601

PERSONALITIES

- Anniversary of Daniya Fatikhovna Zagidullina 609

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-381-384

EDN: UNZYED

ОТ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ ВЫПУСКА

В составе многонациональной России Татарстан занимает особое место. На протяжении многих столетий на территории, где расположена наша республика, проживали различные этносы: татары, марийцы, чувашы, мордва, удмурты, башкиры. Здесь в различные исторические периоды (эпохи Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, Российского государства, советский и постсоветский периоды) складывался особый тип культуры, основанный на диалогическом сосуществовании языков, этносов, религий.

Татарстан — один из широко известных во всем мире центров науки.

В Древнем Болгаре, городах Золотой Орды, Казани в разное время жили и творили знаменитые ученые, богословы. Казанский университет — один из старейших университетов России, подаривший миру немало научных открытий.

Ставшая благоприятным фактором для развития гуманитарных наук в Татарстане множественность этносов, языков, культур в значительной степени определяла направления научных поисков ученых-гуманитариев разных лет. Не случайно одной из тем основателя Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэна де Кутенэ стало смешение языков. Выводу ученого о том, что нет ни одного чистого, несмешанного языка, способствовали и его непосредственные наблюдения над языковыми и культурными взаимодействиями в Казани.

В 1920-е гг. с образованием ТАССР начинается новый период в истории науки Татарстана. В 1921 г. в республике был создан Академический центр Татнаркомпроса, который осуществлял руководство и координацию научно-исследовательской деятельности. За 10 лет, которые просуществовал Академцентр, проделана большая работа по организации научных исследований в области татарского языкознания, литературоведения, истории и этнографии татарского народа, развитию татарского театра и музыки. В работе Академцентра принимали участие известные ученые, такие как: Дж. Валиди, М. Курбангалеев, Г. Рахим, Г. Шараф, Г. Губайдуллин, Н. Воробьев, М. Худяков, А. Самойлович, Н.Н. Фирсов, Г.Ф. Линсцер, П.М. Дульский, Х. Бадиги, Г.Х. Алпаров и др.

Перечисленные исследователи, как и их предшественники (татарские ученые-просветители конца XIX — начала XX в.: Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахретдинова, Х. Атласи и др., а также ученые Казанского императорского университета и созданного при нем Общества археологии, истории и этнографии), сыграли большую роль в развитии татароведения.

Начиная с 1939 г. центром татароведческих исследований становится Татарский НИИ языка, литературы и истории при Совнарком ТАССР (с 1945 г. приобретает статус академического учреждения в составе Казанского филиала Академии наук СССР). На протяжении 85 лет институт (в 1967 г. он был переименован в Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова) является главным академическим учреждением в России, в котором ведутся исследования в области татарского языка, литературы, искусства.

За эти годы учеными института написаны сотни трудов по языкознанию (В.Н. Хангильдин, Л. Заляй, Л. Махмутова, Д. Рамазанова, Г. Ахунзянов, Ф. Ганиев, Р. Ахметзянов и др.), истории татарской литературы (Г. Халит, М. Гайнуллин, Х. Хайри, Н. Юзеев, А. Ахмадуллин, Р. Башкуров, Н. Хисамов, З. Рамеев и др.), фольклористике (И. Надиров, Х. Ярмухамметов, Х. Махмутов, Л. Замалетдинов, Ф. Ахметова), истории татарского народа (Р.Г. Фахрутдинов, А.Х. Халиков, С.Х. Алишев, М.К. Мухарямов и пр.), этнографии (Н.И. Воробьев, Х. Гимади, Н.Ф. Калинин, А.П. Смирнов), искусствознанию (Ф. Гиззатуллин, П. Дульский, И. Илялова, Д. Гимранова, Д. Валеева, Г. Валеева-Сулейманова и др.).

Особое место в этой истории занимает деятельность в рамках созданной в 1991 г. Академии наук Республики Татарстан. На протяжении последних тридцати с небольшим лет татароведческие исследования ведутся в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, Институте истории им. Ш. Марджани, Институте татарской энциклопедии и регионоведения, Институте археологии. За прошедшие годы было реализовано большое количество фундаментальных научных проектов в области татарского языка, литературы, истории, археологии, регионоведения.

В предлагаемом вашему вниманию выпуске журнала представлены статьи ученых-филологов и искусствоведов ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, ряда исследователей из научно-образовательных учреждений республики (Казанского федерального университета, Казанского энергетического университета), отдельных ученых из Москвы и Уфы. Представленные здесь статьи различны по тематике. Они свидетельствуют о многовекторности научных поисков, ведущихся учеными Татарстана в области филологии и искусствознания. Вместе с тем в номере в качестве магистральной можно выделить одну тему: татарский язык, литература и искусство в сопоставительных контекстах. Это свидетельствует о неизменном интересе исследователей к этой актуальной для современной гуманитаристики проблеме.

Авторы, редакторы выпуска, руководство ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ выражают большую благодарность редакции журнала «Полилингвильность и транскультурные практики» за поддержку идеи этого номера и содействие в его подготовке.

Кандидат филологических наук, доцент
Марсель Ибрагимов,
Доктор филологических наук, профессор
Венера Аминева

ENG

FROM THE SCIENTIFIC EDITORS OF THE ISSUE

Tatarstan takes a special place in the multinational Russia. For many centuries, different ethnic groups lived on the territory that our republic now occupies: Tatars, Mari, Chuvash, Mordvins, Udmurts, Bashkirs. Here, in various historical periods (the eras of Volga Bulgaria, the Golden Horde, the Kazan Khanate, the Russian state, the Soviet and post-Soviet periods), a special type of culture was formed, based on the dialogical coexistence of languages, ethnic groups, religions.

Tatarstan is one of the world-famous centers of science. Famous scientists and theologians lived and worked in Ancient Bolgar, the cities of the Golden Horde and Kazan at different times.

Kazan University is one of the oldest universities in Russia, which has given the world many scientific discoveries. The multiplicity of ethnic groups, languages and cultures, which became a favorable factor for the development of the humanities in Tatarstan, largely determined the directions of scientific research by humanitarian scientists of different years.

It is no coincidence that one of the topics of the founder of the Kazan linguistic school, I.A. Baudouin de Coutenay, was the mixing of languages. The scientist's conclusion that there is not a single pure, unmixed language was also facilitated by his direct observations of linguistic and cultural interactions in Kazan.

In the 1920s, with the formation of the TASSR, a new period in the history of science in Tatarstan began. In 1921, the Academic Center of the Tatar Commissariat of Education was created in the republic, which carried out the management and coordination of scientific research activities. Over the 10 years that the Academic Center existed, a lot of work was done to organize scientific research in the field of Tatar linguistics, literary criticism, history and ethnography of the Tatar people, the development of Tatar theater and music. Famous scientists took part in the work of the Academic Center: J. Validi, M. Kurbangaleev, G. Rakhim, G. Sharaf, G. Gubaidullin, N. Vorobyov, M. Khudyakov, A. Samoilovich, N.N. Firsov, G.F. Linszer, P.M. Dulsky, H. Badigi, G.H. Alparov; of the late 19th — early 20th centuries: Sh. Marjani, K. Nasyri, R. Fakhretdinova, H. Atlasi, J. Validi and others, as well as

scientists from the Kazan Imperial University and the “Society of Archeology, History and Ethnography” which played a large role in the development of Tatar studies.

Since 1939, the Tatar Research Institute of Language, Literature and History under the Council of People's Commissars of the Tatar ASSR has become the center of Tatar studies (since 1945, it acquired the status of an academic institution as a part of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences). For 85 years, the Institute (in 1967 it was renamed the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History) has been the main academic institution in Russia, where research is conducted in the field of Tatar language, literature and art.

Over the years, scientists of the institute have written hundreds of works on linguistics (V.N. Khangildin, L. Zalyai, L. Makhmutova, D. Ramazanova, G. Akhunzyanov, F. Ganiev, R. Akhmetzyanov, etc.), the history of Tatar literature (G. Khalit, M. Gainullin, H. Khairi, N. Yuzeev, A. Akhmadullin, R. Bashkurov, N. Khisamov, Z. Rame, etc.), folklore (I. Nadirov, Kh. Yarmukhammetov, Kh. Makhmutov, L. Zamaletdinov, F. Akhmetova), history of the Tatar people (R.G. Fakhrutdinov, A.Kh. Khalikov, S.Kh. Alishev, M.K. Mukharyamov, etc.), ethnography (N.I. Vorobyov, Kh. Gimadi, N.F. Kalinin, Smirnov), art history (F. Gizzatullin, P. Dulsky, I. Ilyalova, D. Gimranova, D. Valeeva, G. Valeeva-Suleimanova, etc.).

A special place in this history is occupied by the activities within the framework of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, established in 1991.

Over the past thirty years, Tatar studies have been conducted at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History, the Sh. Marjani Institute of History, the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies and the Institute of Archeology. Over these years, a large number of fundamental scientific projects have been implemented in the field of the Tatar language, literature, history, archeology and regional studies. The issue of the journal offered to your attention presents articles by philologists and art historians of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History, a number of researchers from scientific and educational institutions of the republic (Kazan Federal University, Kazan Power Engineering University), individual scientists from Moscow and Ufa. The articles presented here are diverse in subject matter. They testify to the multi-vector nature of scientific research conducted by scientists of Tatarstan in the field of philology and art history. At the same time, one topic can be singled out as the main one in the issue: the Tatar language, literature and art in comparative contexts. This testifies to the constant interest of researchers in this problem, which is relevant for modern humanities.

The authors, editors of the issue, the management of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan express their deep gratitude to the editorial board of the journal “Polylinguality and Transcultural Practices” for supporting the idea of this issue and facilitating.

Candidate of Philology, Associate Professor *Marcel Ibragimov*,
Doctor of Philology, Professor *Venera Amineva*

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-385-395

EDN: UEQHAS

Научная статья / Research article

Особенности структурно-композиционного и лингвостилистического оформления художественно- публицистических жанров на страницах татарской периодической печати начала XX века

Б.К. Миннуллин

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ bahtiyar1986@yandex.ru

Аннотация. Начало XX века в Российской империи является периодом роста национального самосознания, в результате которого у народов разных национальностей формируются новые взгляды в вопросах получения образования, определения своей национальной идентичности, изучения истории своего народа и сохранения традиций. Важным результатом таких перемен стало возникновение национальной периодической печати. Первые органы татароязычной арабографической периодической печати, издававшиеся в межреволюционный период 1905–1917 гг., сыграли важную роль в формировании и дальнейшем развитии татарской периодики и татарской журналистики в целом. В первых татарских газетах формировалась жанровая, композиционная, лексико-грамматическая и стилистическая структура современной татарской периодики. Этим обусловлена актуальность настоящей научной статьи. Цель данного исследования — выявление композиционных и лингвостилистических характеристик путевых очерков как самого популярного художественно-публицистического жанра, обнаруживающегося в текстах татарских газет начала XX в. Материалом исследования послужили тексты татарских газет «Борхане таракки» (1906–1911) и «Вақыт» (1906–1918). В ходе работы применен дескриптивно-аналитический метод, а также метод сплошной выборки фактического материала. Выявлено, что тексты путевых очерков представляют собой описание событий, очевидцем которых стал их автор, и характеризуются своей документальностью и художественностью. Такой характер построения текста, с одной стороны, выражается в публицистичности и наличии композиционных и лексико-грамматических структур, а с другой стороны, в активном функционировании средств художественной выразительности.

© Миннуллин Б.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: периодическая печать, татарская газета, газетные жанры, старотатарский язык, композиция текста, лексико-грамматические особенности

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Миннуллин Б.К. Особенности структурно-композиционного и лингвистическо-стилистического оформления художественно-публицистических жанров на страницах татарской периодической печати начала XX века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 385–395. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-385-395>

Features of the Structural, Compositional and Linguistic-Stylistic Formation of Artistic and Journalistic Genres on the Pages of the Tatar Periodical Press of the Early Twentieth Century

Bakhtiyar K. Minnullin^{ORCID}

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*
✉ bahtiyar1986@yandex.ru

Abstract. The beginning of the twentieth century in the Russian Empire is a period of growth of national consciousness. As a result, peoples of different nationalities are forming new views on education, defining their national identity, studying the history of their people and preserving traditions. An important result of such changes was the emergence of a national periodical press. The first organs of the Tatar-language Arabographic periodical press, published in the inter-revolutionary period of 1905–1917, played an important role in the formation and further development of the Tatar periodical press and Tatar journalism. The first Tatar newspapers formed the genre, compositional, lexical, grammatical and stylistic structure of the modern Tatar periodical press. This determines the relevance of this scientific article. The purpose of this study is to identify the compositional and linguistic-stylistic characteristics of travel essays as the most popular artistic and journalistic genre found in the texts of Tatar newspapers of the early twentieth century. The research material was the texts of the Tatar newspapers *Borkhane Tarakki* (1906–1911) and *Vakyt* (1906–1918). In the course of the work, the descriptive and analytical method was used, as well as the method of continuous sampling of factual material. As a result of the research, it was revealed that the texts of travel essays are a description of the events that the author witnessed. The studied texts are characterized by their documentary and artistic nature. On the one hand, this type of text construction is expressed in journalistic character and the presence of compositional and lexicogrammatical structures, and on the other hand, in the active functioning of means of artistic expression.

Key words: periodicals, Tatar newspaper, newspaper genres, Old Tatar language, text composition, lexical and grammatical features

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Minnullin, B.K. 2024. “Features of the Structural, Compositional and Linguistic-Stylistic Formation of Artistic and Journalistic Genres on the Pages of the Tatar Periodical Press of the Early Twentieth Century.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 385–395. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-385-395>

Введение

Как известно, начало XX в. для Российской империи является временем потрясений и перемен, одним из итогов которых принято считать рост национального самосознания. В результате формирования взглядов на национальную идентичность у татар возникает национальная периодическая печать, которая становится своего рода показателем наличия рычага в области организации национального движения и агитационной деятельности. Вместе с тем наличие национальной прессы является наиболее точным маркером высокого уровня грамотности у народов. В период с 1905 по 1907 г. наблюдается активная деятельность по изданию газет и журналов на татарском языке в местах компактного проживания татар: Казани, Уфе, Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Уральске, Астрахани и т.д.

Между тем ввиду еще неустоявшихся языковых литературных норм, в связи с типом и географической локацией редакции печатного органа, хронологическим периодом его издания, в связи с предпочтениями издателей, редакторов, а также авторов газетных текстов, их идеологическими взглядами, целями и задачами, темой публикации, на начальном этапе язык татарской периодической печати начала XX в. представлял собой неоднородное явление. В нем обнаруживаются лексико-грамматические элементы, характерные, как для кыпчакских, так и для огузских языков, в частности для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода, часть газетных текстов характеризуется избытком арабской и персидской лексики, другая же часть отличается близостью к народно-разговорному языку казанских татар. Следует отметить, что подобная ситуация в целом является веянием времени и характеризуется поисками письменного литературного языка у татарской интеллигенции, что, помимо публицистики, находит свое отражение и в текстах художественной литературы рубежа XIX–XX вв. [1. С. 221–222].

Рассматриваемая историческая эпоха является периодом становления и для жанровой структуры татарской газеты. Опубликованные в газетах тексты, исходя из современных тенденций науки, можно разделить на информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. Однако жанровое наполнение данных групп, а также четкость границ между текстами разных жанров к тому времени находится лишь на стадии формирования.

Цель исследования — выявить композиционные и лингвостилистические характеристики художественно-публицистических жанров, обнаруживающихся на страницах татароязычной арабографической периодической печати начала XX в., на примере текстов путевых очерков.

Материалом исследования послужили тексты газет «Борхане таракки» (1906–1911) и «Вақыт» (1906–1918), издававшиеся в межреволюционный период 1905–1917 гг. соответственно в Астрахани и Оренбурге.

В процессе исследования газетных текстов на предмет выявления в них особенностей структурного, лингвистического и стилистического построения были использованы дескриптивно-аналитический метод, а также метод сплошной выборки фактического материала.

Результаты исследования позволят визуализировать становление жанровой системы и языковых характеристик татароязычной арабграфической периодической печати начала XX в. В частности, в работе будут выявлены структурно-композиционные и лингвостилистические характеристики текстов путевых очерков, опубликованных в газетах «Борхане таракки» и «Вақыт».

Обсуждение

В отличие от информационных и аналитических жанров художественно-публицистические жанры характеризуются одновременным наличием в текстах публицистической и художественной основ. Функция информирования либо воздействия в таких текстах реализуется посредством наложения на документальность образного отображения действительности. Сегодня к художественно-публицистическим жанрам, как правило, относят тексты фельетонов, памфлетов, очерков, зарисовок, пародий, эпиграмм и эссе [2. С. 36–55]. Однако, по мнению некоторых исследователей, исходя из имеющегося сегодня на страницах современной периодической печати жанрового многообразия к художественно-публицистическим жанрам также следует отнести тексты сатирических комментариев, житейских историй, легенд, эпитафий, анекдотов и т.д. [3. С. 202–230].

На титульной части газет «Борхане таракки» и «Вақыт» отмечено, что по типу издания они являются политическими и литературными. Однако, если обратиться непосредственно к газетным текстам, становится ясно, что в их номерах преобладают тексты, относящиеся к информационным и аналитическим жанрам, тогда как художественно-публицистические жанры не получили соответствующего распространения. Следует отметить, что такую тенденцию можно считать характерной для преобладающего большинства органов татарской периодической печати начала XX в. соответствующего типа, в которых в качестве приоритетной была определена функция информирования.

Наиболее активным жанром, относящимся к художественно-публицистическим, обнаруживающимся в текстах исследуемых нами газет, является очерк. В настоящее время учеными выделяется три типа очерков: портретный, событийный, путевой. Следует отметить, что наиболее ранним типом принято считать путевой очерк. Одной из характерных особенностей путевого очерка является тот факт, что сам автор текста является героем повествования, а объект

описания имеет плавный характер развертывания [2. С. 43–46]. На первый взгляд, путевой очерк имеет схожие черты с репортажем, относящимся к информационным жанрам: в текстах обоих жанров повествователем является очевидец событий. Однако, в отличие от текстов репортажей, в путевых очерках череда описываемых событий характеризуется своей предопределенностью, а предметом их повествования становятся все ситуации, возникающие на пути очевидца.

Чаще всего тексты путевых очерков обнаруживаются в газете «Вақыт». Одной из важнейших публикаций, сыгравшей определенную роль в становлении татарской журналистики, и в частности художественно-публицистических жанров, является серия очерков «Истанбул мәктүпләре» («Стамбульские письма») Фатиха Карими, которая была опубликована в газете «Вақыт» в период с 1912 по 1913 г. Автор очерка описывает события, происходящие вокруг Балканских войн, им разрушаются стереотипы о Турции как о культурном и религиозном центре мусульманского мира, он отчетливо излагает свои национальные симпатии, а редакция газеты «Вақыт», в свою очередь, начинает отходить от традиционных тюрко-мусульманских взглядов, в ее текстах начинает прослеживаться явное стремление к освещению крепнувшего в обществе того времени чувства национальной идентичности [4. С. 131].

Рассматриваемый нами текст путевого очерка «Истанбул мәктүпләре» начинается с предложения, которое дает понять читателю о факте наличия предыдущей части данного текста, которое было опубликовано в более ранних номерах газеты: *Сугыш мәйданына Чаталжага китәргә рөхсәт сораб Хәрбийә министрлығына мөрәжәгат иткәнлегемне йазган идем* (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘Ранее я писал, что обращался в Министерство обороны с просьбой разрешить мне выезд на территорию военных действий в Чаталджу’.

Далее автором уже в зачине текста вводится личное «Я»: *Берничә васыталар арқылы үткәндән соң ниһайәт 13 нче нойабрда Хәрбийә министрының мөшавире Фуад Паша хозурына кердем. Мин кәргәндә аны көтеб торучы афитсерлар гайәт күб иде. Аларның эшләре бетәб нәүбәт миңа йеткәнче берәр сәгат үтде* (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘После того, как я побывал у нескольких посредников, 13 ноября я, наконец-то, оказался в расположении у Фуада Паши — советника министра обороны. Когда я зашел, то увидел большое количество офицеров, ожидающих его. Пока они закончили дела, и очередь дошла до меня, прошло около часа’.

В указанном примере конкретные временные отрезки, в рамках которых развертываются описываемые события, вводятся в текст при помощи сочетания имени существительного и числительного: *13 нче нойабрда* ‘13 ноября’, *берәр сәгат үтде* ‘прошло около часа’.

Далее автор вводит в текст информацию, как правило отражающую субъективное восприятие увиденных автором фактов реальности: *Фуад Паша қысқа гына буйлы бер кеше. Башында гаскәри бүрек. Күзәндә күзлек. Зур залда*

бер өстэл йанына утырган. Йанында телефон. Минут сайын эле андан эле бундан үзе белән сөйләшә торалар. Афитсерларның қулларында кәғьдлар бар. Үз нәүбәтләре йеткәч шуны китереб бирәләр. Фуад Паша тиз генә уқый да кәғьдның читенә бер нәрсәләр йазыб үзләренә қайтарыб бирә тора. Гич сөйләшү йуқ (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘Фуад Паша — человек невысокого роста. На голове военная шапка. На носу — очки. Сидит в большом зале за столом. Рядом телефон. Ежеминутно звонят то отсюда, то оттуда. В руках у офицеров имеются бумаги. Когда подходит их очередь, дают эти бумаги. Фуад Паша быстро читает, что-то пишет на уголке бумаги и возвращает обратно. Разговоры отсутствуют’.

Как показывает фактический материал, автор на протяжении всего отрывка поддерживает динамический характер повествования при помощи включения в текст форм настоящего времени (*кәғьдлар бар* ‘имеются бумаги’, *китереб бирәләр* ‘приносят’, *сөйләшү йуқ* ‘разговоры отсутствуют’ и т.д.) и формы изъявительного наклонения на *-а тор* (*сөйләшә торалар* ‘продолжают разговаривать’, *қайтарыб бирә тора* ‘продолжает возвращать’). Значение сиюминутности и быстротечности в приведенном отрывке передается при помощи союза *эле* ‘то’ в сочетании с указательными местоимениями (*эле андан эле бундан* ‘то оттуда, то отсюда’) и локализации временного отрезка (*минут сайын* ‘ежеминутно’, *үз нәүбәтләре йеткәч* ‘когда подходит их очередь’). Активное применение в указанном отрывке имен прилагательных (*қысқа* ‘короткий’, *зур* ‘большой’), наречий (*тиз генә* ‘быстро’) и односоставных предложений позволяет автору корректировать эмоциональный и оценочный уровень текста.

Исходя из репрезентативной выборки, чужая мысль в тексте рассматриваемого путевого очерка передается посредством прямой речи, которая вводится в текст при помощи слов автора. При этом грамматические, лексические, фразеологические и интонационные особенности речи лица, которому принадлежит высказывание, сохраняются в первоначальной форме. Кроме того, прямая речь, включенная в структуру текста, являясь показателем разговорного стиля, имеет положительное влияние на достоверность изложенной информации: “*Мөхәбирләргә анда барырга рәхсәт бирелми, элекдән барганларын да қайтардық, затә хәзер анда сугыш йуқдыр, әгәр йаңгыдан баишанса ул вақыт күрермез” диде* (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘Он ответил: «Корреспондентам не разрешается туда ехать, мы вернули и тех, кто уехал раньше, в сущности, сейчас там нет войны, если начнется заново, тогда увидим’.

Исходя из репрезентативной выборки, создается четкое понимание того, что рассмотренный текст путевого очерка характеризуется своей эмоционально-экспрессивной и динамичной природой, наложенной на авторскую субъективность.

Подобная структура построения текста использована и при создании путевого очерка под названием «Иран мәктүпләре» («Иранские письма»)

Бургана Шарафа, опубликованного в газете «Вақыт». Личное «Я» автора текста вводится уже в зачине текста: *Зөлкагдәнең башы (2 нойабр) дүшәнбе иртә торғач да кечкенә генә шире хөршид флағын өстәлемнең өстенә асылындырыб сабыны диуарға қадақға бәйләдем. Теге йақда кечкенә шаһның бийек қыйтғадағы рәсеме бер ничә көндән бирле бүлмәмне бизәб тора. Болар Русийә мөселманларының берсе тарафындан Иранлы қардәшиләрәнә күрсәтелгән дустлык галәмәтләредер* (Вақыт, ноябрь, 1909) ‘После пробуждения утром понедельника в начале месяца зулькагда (2 ноября), я привязал древко флага «солнечного льва», который свисал над моим столом, к гвоздю на стене. На противоположной стороне картина маленького шаха вот уже несколько дней украшает мою комнату. Это — знак дружбы одного из российских мусульман, направленный в адрес иранских братьев’.

Как показал анализ материала, личное «Я» вводится в текст при помощи употребления имен существительных с аффиксом принадлежности (*өстәлем* ‘мой стол’, *бүлмәм* ‘моя комната’) и аффиксов первого лица (*бәйләдем* ‘привязал’). Кроме того, для повышения уровня достоверности вводимой в текст информации, а также для оперативного включения адресата в ход описываемых событий автор указывает в тексте конкретный временной отрезок (*зөлкагдәнең башы (2 нойабр) дүшәнбе иртә* ‘утро понедельника в начале месяца зулькагда (2 ноября)’).

Далее приводится отрывок текста, касающийся ситуации вне комнаты, где находится автор: *Жуынғач кийенгәч дә бақчаға чықдым, жылнең әсәре дә йуқ, қойаш — нойабрдә сирәк була торғанча — қыздыра. Урамға күз салдым, йөрүче күбәйгән, күршемездәге йортдан, бал қортлары кеби таралған балалар һәмәсе «Шәрық» газетасын күтәрәб төрле йақға йөгәраләр* (Вақыт, ноябрь, 1909) ‘Помывшись и одевшись, вышел в сад, нет ни единого порыва ветра, солнце, хотя это нехарактерно для ноября, печет. Посмотрел на улицу, людей прибавилось, дети из соседнего дома, словно пчелки, разбегаются в разные стороны, держа в руках газету «Шәрық»’.

Из материалов видно, что в рассматриваемом тексте, так же как и в тексте путевого очерка «Истанбул мәктүпләре», автором для подчеркивания сиюминутности развертываемых событий, активно используется форма настоящего времени на *-а*, в то время как оценочный и эмоциональный уровень текста регулируется при помощи включения в текст сравнений (*бал қортлары кеби* ‘словно пчелки’).

В сравнении с текстом очерка «Истанбул мәктүпләре» рассматриваемый текст, как правило, отличается неспешным характером повествования, что в грамматическом плане выражается активным использованием формы прошедшего времени на *-ды*: *Магазаның хужасы үзе дә урамдатора икән, сәлам бирде, мин тәбрик итдем, ул бездә кийәүләр жаваб бирә торған гыйбарә илә жаваб бирде, күзгә қараб көлешдек... Менә постаханә урамындан борылдық... Қапудан кергәндә билетны тикиерделәр, ул вақыт мин қапқа*

башын тамаша қылдым (Вақыт, ноябрь, 1909) ‘Как оказалось, хозяин магазина и сам стоит на улице, поприветствовал, я поздравил, он ответил высказыванием, которое у нас используют зятья, посмеялись смотря в глаза... вот мы повернули на улицу, где находится почта... при входе проверили билеты, в это время я смотрел на верх ворот...’.

Как можно наблюдать, в тексте рассматриваемого путевого очерка отчетливо прослеживается одна из характерных особенностей данного жанра, а именно субъективно окрашенное описание увиденных автором во время путешествия ситуаций.

В газете «Борхане таракки» художественно-публицистические жанры, в том числе тексты путевых очерков, обнаруживаются редко. В одном из номеров газеты под псевдонимом «Надан шәкерт» («Безграмотный ученик») опубликована часть путевого очерка «Үткән гомер вә карангылык. Хәзерге хәлем вә шатлык» («Мое прошлое и тьма. Мое нынешнее положение и радость»).

Композиционная структура рассматриваемого текста выстроена таким образом, что его главный тезис выдвигается в зачине. При этом субъективное изложение увиденного автором выражается в тексте посредством цепочки логических аргументов по мере развертывания текста. Главный тезис данного текста сформулирован так: *Әйтәләр иде (Заман! Гәрнәрсәне үзенә таба бөгә).* *Бу сүз бик дәрест икән* (Борхане таракки, декабрь, 1906) ‘Раньше поговаривали, время всё гнет под себя. Это очень правильные слова’. Далее автор включает в структуру текста вспомогательный тезис, задача которого заключается в усилении главного тезиса: *Бара торгач «Шәкерд илә ыстудент» исемле китабдагы йазылган татарның асыл сәйәхәт — йул йөрешен белмәгәнлеген пароходда күзем берлән күрдем, китабда әйлетгән сүзләрнең дәрестлегенә ышана башладым, йазучыга да ачуым қабармый башлады* (Борхане таракки, декабрь, 1906) ‘Вскоре, на пароходе я своими глазами увидел незнание основ путешествия татарина, описанного в книге «Шакирд и студент», начал верить в верность написанных слов, перестал злиться на автора’.

Как показывают материалы, личное «Я», подобно двум предыдущим текстам путевых очерков, также вводится в текст уже на начальном этапе построения текста. В грамматическом плане это отражается в активном использовании аффиксов принадлежности (*күзем* ‘мой глаз’, *ачуым* ‘моя злость’) и аффиксов первого лица (*күрдем* ‘увидел’, *ышана башладым* ‘начал верить’). Между тем тот факт, что основной формой при выражении категории времени глагола в данной части текста является форма прошедшего времени на *-ды*, подчеркивает неспешный характер повествования.

Далее, в целях раскрытия главного тезиса автором вводится в текст ряд аргументов: *Пароходда төрле төрле фикерле кешеләр берлән утырыша торгач, ул кешеләр миндән, айның әвәл башда кечкенә булыб да бара торгач зурайыб, тагын да кечкенә булыб қалуын сорыйлар, безнең әйләнәб әйләнмәшен сорыйлар, өстендә утырыб бардықымыз пароходның, тимердән йасалган булыб да,*

суда батмаучылыгын сорыйлар, пәйгамбәремезнең Мәкәдән Мәдинәгә күчүгә қай йылда булганлығын вә буңа сәбәб нәрсә идекен сорыйлар, дөһияда ничә төрле миләт бар, алар ничә төрле тел берлән сөйләшәләр, аларның қайсыларының телләре дөһияда күб сөйләнмәкдә... вә бәшқә буның кеби нәрсәләр сорыйлар. Бу сорауларга җаваб бирә алмаганлығыма ачуым килеб, үземнең дүрт аяқлы җәнварлардан айырмам фәқат кеше кийеме кийенәб йөрүдән генә ғыйбарәт идегене аңлаб һаман иске тормышқа дошманлана ғына бара идем... (Борхане таракки, декабрь, 1906) ‘Мы располагались на пароходе рядом с людьми, которые имеют на всё свои собственные взгляды, некоторые из них спрашивают у меня, отчего же луна по началу бывает маленькой, потом становится больше, а затем снова мельчает, они спрашивают, опрокинется ли наше судно, спрашивают, почему же, несмотря на то, что наш пароход сделан из металла, он не тонет, спрашивают, когда наш пророк перебрался из Мекки в Мадину, и что послужило причиной этому, спрашивают, сколько разных национальностей существует в мире и на скольких языках они разговаривают, какой из языков самый востребованный... задают такого рода другие вопросы. От того, что я не мог ответить на эти вопросы, я злился на себя, начинал думать, что отличаюсь от четвероногих животных лишь тем, что ношу человеческую одежду, я все больше становился врагом своей прошлой жизни...’.

Приведенный отрывок характеризуется активным употреблением форм настоящего времени на *-а* и прошедшего незаконченного времени на *-а иде*, задача которых заключается в акцентировании на сиюминутности описываемых событий. Между тем принципы последующего развертывания текста нацелены на дальнейшее освещение субъективного авторского восприятия увиденного им, подобно тому как это выражено в последнем отрывке.

Как видно из фактического материала, в лексическом плане рассмотренные тексты характеризуются активностью общеупотребительной лексики (*кәҗыд* ‘бумага’, *кеше* ‘человек’, *булмә* ‘комната’, *тел* ‘язык’, *күзлек* ‘очки’, *өстәл* ‘стол’, *телефон*, *бақа* ‘сад’, *бала* ‘ребенок’, *пароход*, *китаб* ‘книга’, *қапу* ‘дверь’). Также в текстах газет зафиксировано активное употребление арабской и персидской лексики (*нәүбәт* ‘очередь’, *Зөлкәдә* ‘Зулькагда’, *хәрбийә* ‘военная’, *кәҗыд* ‘бумага’, *шире хәршид* ‘солнечный лев’, *шәкерд* ‘ученик’, *дүшәнбе* ‘понедельник’, *диуар* ‘стена’, *шаһ* ‘шах’, *пәгамбәр* ‘пророк’, *әвәл* ‘сначала’, *сәйәхәт* ‘путешествие’). В этом плане язык исследованных газет не выбивается из общей картины, характерной для татарского литературного языка рассматриваемого периода. Кроме того, в текстах газет обнаруживаются заимствования из русского и западноевропейских языков (*пароход*, *нойабр* ‘ноябрь’, *министрлық* ‘министерство’, *минут* ‘минута’, *афитсер* ‘офицер’, *флаг*, *телефон*, *магаза* ‘магазин’, *ыстудент* ‘студент’, *билет*). Следует отметить, что текст путевого очерка, опубликованного в газете «Борхане таракки», по сравнению с двумя другими текстами характеризуется минимальным присутствием русскоязычной и западноевропейской лексики. При этом русские

и западноевропейские заимствования, функционирующие в тексте путевого очерка «Стамбульские письма» Фатиха Карими, как правило, относятся к военной и общественно-политической лексике. Также рассмотренные тексты характеризуются активностью имен собственных, в частности топонимов (*Чаталджа* ‘Чаталджа’, *Мәкә* ‘Мекка’, *Мәдинә* ‘Медина’), антропонимов (*Фуад Паша*), гемеронимов (“*Шарық*” ‘«Шарык»’) и т.д., которые относятся к конкретно-номинативной лексике и подчеркивают высокий документальный характер текста.

Заключение

Таким образом, как показывают материалы, художественно-публицистические жанры, в частности тексты путевых очерков, являются не самыми распространенными в исследованных нами газетах. Прежде всего, данный факт объясняется тем, что начало XX в. является периодом зарождения татарской периодической печати. На раннем этапе формирования жанровой системы татарской периодики редакции печатных органов, как правило, основной своей целью видели функцию информирования. Позже к ней добавляется функция воздействия через информирование. Эстетическая функция, которая и лежит, наряду с функцией воздействия в основе художественно-публицистических жанров, закрепляется в жанровой структуре татарской периодической печати по мере ее развития. Однако основы этой группы жанров начинают закладываться в наиболее ранних татарских газетах, к которым относятся и печатные органы, тексты которых исследованы в данной статье.

Рассмотренные нами тексты являются описанием определенных событий, свидетелем которых во время своего путешествия оказался автор путевого очерка. Как видно, приведенные тексты характеризуются как документальностью, так и художественностью, что в плане построения текста выражается в его публицистичности, наличии определенных композиционных и лексико-грамматических структур, а также в активном употреблении средств художественной выразительности.

Список литературы

1. Гилемшин Ф.Ф. XIX — начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 216–226. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>
2. Бобков А.К. Газетные жанры. Иркутск: Иркутский университет, 2005.
3. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000.
4. Гатин А.А. Фатих Карими и татарское общество в начале XX века // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 1. С. 128–132.

References

1. Gilemshin, F.F. 2023. “XIX — the Beginning of the XX Century as a Special Stage in the History of the Tatar literary language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 216–226. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>

2. Bobkov, A.K. 2005. Newspaper genres. Irkutsk: Irkutskiy universitet publ. Print. (In Russ.)
3. Tertychnyj, A.A. 2000. Genres of periodicals. Moscow: Aspekt Press publ. Print. (In Russ.)
4. Gatin, A.A. 2008. “Fatih Karimi and Tatar society at the beginning of the twentieth century.” Scientific notes of the Russian State Social University, no. 1, pp. 128–132. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Миннуллин Бахтияр Кимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом общей лингвистики, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0009-0002-3624-2848. E-mail: bahtiyar1986@yandex.ru

Bio note:

Bakhtiyar K. Minnullin is a Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Department of General Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 20 Bauman St, 420111, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-3624-2848. E-mail: bahtiyar1986@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-396-407

EDN: UELUGS

Научная статья / Research article

Адвербиальное словообразование в русском и татарском языках: этнолингвистический аспект

В.Г. Фатхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация

✉ favenera@mail.ru

Аннотация. В исследовании рассматриваются производные наречия русского и татарского языков, а именно специфика их структуры, семантики и способов выражения коммуникативно-прагматических смыслов. Цель работы — выявить и описать этнокультурный компонент в деривационно-семантическом пространстве адвербиальных слов типологически дистантных языков. Новаторство работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать адвербиальные дериваты в этнолингвистическом аспекте, позволяющем интерпретировать морфосемантическую структуру слова как лингвокультурологический феномен, а именно охарактеризовать универсальные и дифференциальные признаки, формирующие языковую картину мира каждого этноса. В исследовании констатируется, что словообразовательная структура производных наречий может демонстрировать смысловую организацию слова и соответствующего понятия, а именно указывает, благодаря каким свойствам и признакам в сознании говорящего детерминируется какое-либо действие или состояние. Сопоставительный анализ адвербиальной деривации в русском и татарском языках позволил не только установить сходства и различия в использовании мотивировочных признаков в рамках одного и того же денотативного пространства, но и выявить наиболее значимые, предпочтительные для данного языкового коллектива ментально-культурные смыслы. Особое внимание в работе уделяется фактам межязыковой словообразовательной лакунарности и специфике внутренней формы производных наречий, что дает возможность вскрыть когнитивные механизмы в языковом моделировании окружающей действительности.

Ключевые слова: этнолингвистика, наречие, словообразование, семантика, межязыковая лакунарность, внутренняя форма слова

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Фатхутдинова В.Г. Адвербиальное словообразование в русском и татарском языках: этнолингвистический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 396–407. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-396-407>

© Фатхутдинова В.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Adverbial Word Formation in Russian and Tatar Languages: Ethnolinguistic Aspect

Venera G. Fatkhutdinova

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ favenera@mail.ru

Abstract. The article examines the derived adverbs of the Russian and Tatar languages, namely the specifics of their structure, semantics and ways of expressing communicative and pragmatic meanings. The purpose of the work is to identify and describe the ethnocultural component in the derivational-semantic space of adverbial words of typologically distant languages. The innovation of the work consists in the fact that for the first time an attempt was made to describe adverbial derivatives in an ethnolinguistic aspect, which allows interpreting the morphosemantic structure of a word as a linguistic and cultural phenomenon, namely, to characterize universal and differential features that form the linguistic picture of the world of each ethnic group. The study states that the word-formation structure of derived adverbs can demonstrate the semantic organization of the word and the corresponding concept, namely, it indicates due to which properties and signs any action or state is determined in the speaker's mind. A comparative analysis of adverbial derivation in the Russian and Tatar languages allowed us to establish not only similarities and differences in the use of motivational features within the same denotative space, but also to identify the most significant, preferred mental and cultural meanings for this linguistic collective. Special attention is paid to the facts of interlanguage word-formation lacunarity and the specifics of the internal form of derived adverbs, which makes it possible to reveal cognitive mechanisms in the linguistic modeling of the surrounding reality.

Key words: ethnolinguistics, adverb, word formation, semantics, interlanguage lacunarity, internal word form

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Fatkhutdinova, V.G. 2024. “Adverbial Word Formation in Russian and Tatar languages: Ethnolinguistic Aspect.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 396–407. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-396-407>

Введение

В системе частей речи естественного языка наречия занимают особое место и призваны выполнять две важные категориальные функции: 1) выражать признак действия, что «соответствует симметричности содержательных отношений между ядерными частями речи: существительным и прилагательным (грамматический предмет и его признак), глаголом и наречием (процесс и его признак)» [1. С. 172]: *бежать быстро, петь громко*; 2) обозначать признак другого признака: *идти слишком медленно, очень тихая речь*.

Адвербиальную лексику в разных языках, как правило, составляют номинативные единицы, лишённые форм словоизменения, а следовательно, и традиционных грамматических значений (если не считать образование форм сравнительной степени морфологической категорией). При этом, обладая указанной морфологической общностью, наречия объединяют группы слов с весьма различными семантическими, деривационными и синтаксическими свойствами.

Актуальность нашего исследования обусловлена неослабевающим интересом современной лингвистики к межъязыковому анализу разных подсистем языка с точки зрения их характерологических признаков и этнокультурной маркированности. Несмотря на достаточно полное описание структуры и семантики адвербиальных слов как в русском, так и в татарском языках (В.В. Лопатин, И.С. Улукханов, М.В. Филипенко, О.Н. Калякина, Ю.Н. Гребенева, В.В. Бурцева; А.Г. Акберова, Ф.А. Ганиев, З.К. Ишкильдина, В.И. Якупова и др.), в настоящее время отсутствуют специальные исследования, ориентированные на выявление у данного класса слов универсальных и специфических свойств в аспекте этнолингвистики и лингвокультурологии. В этой связи объектом нашего исследования стали русские и татарские наречия как результат словообразовательной номинации признаков действия, а предметом — специфика их структуры, семантики и способов выражения культурно-прагматических смыслов. Цель работы — выявить и описать этнокультурный компонент в деривационно-семантическом пространстве адвербиальных слов типологически дистантных языков, каковыми являются русский и татарский. Новаторство работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать адвербиальные дериваты русского и татарского языков в этнолингвистическом аспекте, а именно установить их универсальные и дифференциальные признаки, формирующие языковую картину мира каждого этноса. Этнолингвистический подход в нашем исследовании трактуется широко: от «моделей и функций применения языка в различных ситуационных контекстах, свойственных разным культурам» [6. С. 178], до изучения «внутрисистемных индикаторов этнокультурного своеобразия» и «проявления культурной идиоматичности в больших смысловых пространствах» [7. С. 4–5].

Результаты исследования имеют и прикладной характер: они могут быть использованы в практике «этноориентированного» обучения русскому и татарскому языкам, поскольку «обучающийся как представитель конкретного этноса и носитель определенной культуры обладает специфическим этническим сознанием и менталитетом» [8. С. 36].

Методы и материалы. В процессе языкового анализа использовались сопоставительно-типологический, контрастивный и когнитивно-дискурсивный методы. Материалом для исследования послужили «Морфемный словарь наречий русского языка» Ю.Н. Гребеневой [2], «Словарь наречий и служебных

слов русского языка» В.В. Бурцевой [3], «Русско-татарский словарь» под ред. Ф.А. Ганиева [4], «Татарско-русский словарь» [5], а также толковые словари русского и татарского языков.

Результаты и обсуждение

Сопоставительное исследование процессов деривации в разносистемных языках продолжает оставаться одной из актуальных проблем современного языкознания, что обусловлено «интересом к изучению национальной специфики семантики и языкового мышления» [9. С. 6]. В процессе сравнения производных слов неродственных языков выявляются сходства и различия в способах словообразования отдельных частей речи, в типах деривационной семантики, в парадигматических и синтагматических отношениях дериватов в рамках более крупных (комплексных) единиц словообразования.

Русские наречия чаще всего образуются при помощи следующих способов словообразования: префиксального (*всегда* — *на-всегда*), суффиксального (*шаг* — *шаг-ом*), префиксально-суффиксального (*бок* — *с-бок-у*), сложения (*полу-сидя*), сложно-суффиксального (*мимо-ход-ом*), префиксально-сложно-суффиксального (*в-три-дорог-а*). В рамках синтаксической (реже — лексической) деривации русские наречия мотивируются разными частями речи: существительными (*лето* — *лет-ом*), числительными (*два* — *два-жды*), прилагательными (*милый* — *мил-о*), глаголами (*уметь* — *умеј-учи*) и наречиями (*много* — *мног-овато*), см. подробнее [10. С. 756–776].

Татарские наречия также образуются от субстантивных, адъективных, глагольных, адвербиальных основ и от основ имен числительных. Здесь можно выделить четыре основных способа образования адвербиальных слов: суффиксальный: *көз* (осень) — *көзге-чә* (по-осеннему); *ике* (два) — *ике-ләтә* (вдвойне); словосложение: *йөзгә* — *меңгә* (очень редко), *көн* — *төн* (днём и ночью); словосложение как результат лексикализации словосочетаний: *баштүбән* (головой вниз), *шарт* итеп (с треском, громко); конверсия (адвербиализация): *якты* (светлый) и *якты* (светло); *акыртып* (заставив кричать) — *акыртып* (насильно); *өчәү* (трое) — *өчәү* (втроем), см. [11. С. 481–506; 12. С. 74–86; 13. С. 10–16].

Для обоих языков наиболее продуктивным способом образования наречий является суффиксация на базе субстантивных и адъективных основ. В татарском языке, как и в других тюркских языках, например, башкирском [14], отсутствуют префиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования. Эти различия, безусловно, обусловлены принадлежностью сравниваемых языков к разным морфологическим типам: русского — к флективно-синтетическому, татарского — к агглютинативно-аналитическому. Однако структурно-семантический анализ производных слов в языках различного морфологического строя в настоящее время становится явно недостаточным.

Как известно, в современной лингвистике чисто классификационный подход постепенно уступает место направлению, рассматривающему лингвистическую «объяснительную» типологию как средство познания универсальных свойств естественного языка и пределов его варьирования в отдельном лингвокультурном сообществе: «системная лингвистика давно показала, что межъязыковые различия не сводятся к различиям только внешней формы, но во многом определяются различиями внутренней формы, конкретные параметры таких различий требуют более детального теоретического анализа» [15. С. 234].

Следует отметить, что динамика в изменении приоритетов современной лингвистики (от последовательного системоцентризма к многоаспектному антропоцентризму) коснулась и теории деривации, когда на первый план для исследователя выступают когнитивные, прагматические и коммуникативные характеристики производных слов. Можно предположить, что словообразовательные типы наречий в русском и татарском языках формируют культурологически и коммуникативно значимые блоки смыслов и являются необходимыми элементами языковой картины мира, демонстрируя стереотипы номинации и специфику языкового мышления.

По мнению ученых, процесс трансляции элементов понятийно-ментальной картины мира одного этноса в ценностную систему другого осуществляется посредством перекодирования языковых структур, и прежде всего семантической, грамматической и словообразовательной структуры слова. В первую очередь об этом свидетельствует явление межъязыковой лакуарности.

В самом общем виде понятие лакуны сформулировано в лингвистике следующим образом: «лакуна — это отсутствие единицы в одном языке при наличии ее в другом» [16. С. 206]. Однако существующие определения лакунарных языковых единиц свидетельствуют о неоднозначности и определенной диффузности этого термина (ср. также дискуссионность понятия «безэквивалентная лексика»).

В настоящее время этнопсихолингвистика, теория перевода и межкультурной коммуникации трактуют явление лакуарности как «феномен значимого отсутствия номинативных единиц», «слова, не имеющие аналогов в сопоставляемых языках» (Г.В. Быкова), «неотъемлемое и панхроническое свойство языковой системы», «потенциально возможные (латентные) элементы в системе языка и речи» (М.В. Карапетян), «инвариант некоторого вербального и невербального поведения, присущего той или иной локальной культуре» (Л.В. Кульчицкая), «сигналы специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителей некоторой лингвокультурной общности» (И.В. Томашева), «этнолингвистический феномен», «специфические реалии, процессы и состояния, внешние по отношению к узуальному опыту носителя того или иного языка (В.А. Нуриев) [17. С. 20–61, 93–156].

Современная классификация лакун включает в себя следующие их разновидности: абстрактные и предметные, видовые и родовые, внутриязыковые

и межъязыковые, немотивированные и мотивированные, стилистические, номинативные и частеречные лакуны [16. С. 208–209]. Расширение лингвистического знания о лакунарной и безэквивалентной лексике позволяет выделить также лексические, грамматические и словообразовательные лакуны.

Рассмотрим межъязыковые словообразовательные лакуны в области производных наречий русского и татарского языков, компенсация (элиминация) которых осуществляется при помощи следующих способов: заимствование, описательные конструкции (перифрастические обороты, развернутые объяснительные дефиниции), перечислительный (синонимический) ряд соответствий.

Так, лакунарными в татарском языке будут устаревшие производные слова, характеризующие языковую и культурно-историческую картину мира русского этноса. Префиксально-сложное наречие *одвуконь* образовано на базе количественно-именного сочетания *два коня* и означает ‘ехать верхом, держа на поводу второго коня’. Данная лексическая единица обладает прозрачной внутренней формой и этнокультурной маркированностью, однако ее интерпретация вне контекста (в силу отсутствия в толковых словарях) для носителя русского языка представляется затруднительной: *По дороге и лугам тянулись конные башкирцы, иногда на одной лошаденке по два, по три, иные ехали одвуконь, ведя запасного на поводу* (Шишков В. Емельян Пугачев); *Если б хотели ехать одвуконь, так взяли бы четырех — у каждого был бы один конь под верх, другой в запасе* (Алексеев Н. Брат на брата). В татарском языке специальная лексическая единица (наречие образа действия) для обозначения данной ситуации отсутствует, хотя само понятие, без сомнения, существует.

Лакунарными по отношению к татарскому языку часто являются адвербиальные фразеосочетания разной степени устойчивости и близости к универбу (однословной номинации) типа *с горем пополам, от нечего делать, худо-бедно* и др.

Например, наречие *сиднем* в составе фразеологизма *сиднем сидеть* ‘сидеть, не вставая долгое время; находиться где-нибудь безотлучно, никуда не выезжая’ образовано от устаревшего агентива *сидень*: *Когда Ивану сему минуло пять лет, а ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его и мать много стали о том кручиниться и просили Бога, чтоб дал сыну их здоровые ноги; однако сколько ни молились, а сын их не мог ходить и сидел сиднем ровно тридцать лет и три года* (Сказка о тридцати трех летнем сидне Иване-крестьянском сыне..., 1788). Данное адвербиальное сочетание передается на татарский язык развернутыми перифрастическими оборотами: *утырган тавыктай кузгалмый утыру* (букв. сидеть неподвижно, как курица на насесте); *беркая чыкмыйча гел өйдә утыру* (букв. сидеть дома, никуда не выходя); ср. также другое устойчивое сочетание с лингвокультурной коннотацией: *чин чином* ‘так, как следует’ — *тәртипкә туры килеп* (букв. в соответствии с порядком).

Лакунарными для татарского языка являются сложные наречия с разговорной (сниженной) функционально-стилистической окраской. Например, наречие с затемненной внутренней формой *с бухты-барахты* ‘вдруг, без видимой причины, без всяких оснований, необдуманно, ни с того ни сего сделать что-либо’: *Один, самый главный, бог с бухты-барахты решил, другим пришлось соглашаться* (Распутин В. Живи и помни). В татарском языке ему соответствует перечислительный ряд слов *кәтмәгәндә* (неожиданно), *киннәттән* (вдруг, внезапно), *шул ук вакытта, хәзер ук* (в тот же момент, сейчас же), передающий эту семантику в самом общем виде. Однако ни одно из татарских соответствий не содержит эмоционально-экспрессивной коннотации русского слова и оценочных лингвокультурных смыслов, которые возникают в результате опосредованной отсылки к звукоподражательным глаголам *бухнуть* и *барахнуться*, означающим внезапность и неожиданность действия.

Наречие *вкривь и вкось* ‘в разных направлениях, в беспорядке, как попало’ образовано на базе прилагательных *кривой* (в тат. *кәкре*) и *косой* (*кыек*). Однако в татарском языке данному наречию будет соответствовать номинативная единица с другой внутренней формой: *аркылы-торкылы* (букв. попере́к, крест-накрест): *вкривь и вкось сшитая рубашка — аркылы-торкылы тегелгән күлмәк*.

Рассмотрим аналогичное производное наречие, эмоционально-экспрессивная окраска которого усиливает оценочный и прагматический потенциал номинации: *сикось-накось* — ‘косо, вкривь и вкось, кое-как, небрежно, не так, как нужно’: *Перегородка из обломков фанеры и досок, сколоченных сикось-накось, делила вагончик пополам* (Иванов А. Географ глобус пропил). Специфика ассоциативного мышления позволяет употреблять его и в метафорическом значении: *Как помер отец родной, всё сикось-накось пошло* (Корнилов В. Демобилизация). Данная лексическая единица, образованная в результате словообразовательной игры, также является лакунарной и не фиксируется в двуязычных русско-татарских словарях.

В результате сопоставительного анализа установлено, что лакунарными могут быть целые структурно-семантические типы наречий. Так, русские производные наречия, образованные на базе прилагательных — заимствований из латинского или западно-европейских языков, передаются на татарский язык уже вторичными (через русский язык) заимствованиями: *экспрессивно — экспрессив, экстравагантно — экстравагант, эксцентрически — эксцентрик, экспансивно — экспансив* [4. С. 699–701]. В то же время словарь фиксирует и развернутые описания подобных единиц: *экстерн → экстерн-ом: уку йортында укымыйча гына үзлегенән укып сынау бирүче* (букв. сдавать экзамены, не обучаясь в учебном заведении, т.е. подготовившись самостоятельно); *сдать экзамены экстерном — имтиханнарны институтта укымыйча тапшыру; окончить университет экстерном — университетны экстерн булып тәмамлау*. Или: *экспромт → экспромтом — алдан әзерләнмиңә, кинәттән, кәтмәгәндә*,

капыл гына (букв. заранее не подготовившись, вдруг, неожиданно, внезапно); *произнести речь экспромтом* — *алдан эзерләнмичә нотык сөйләу* (букв. говорить без предварительной подготовки) [4. С. 699].

Не представлены в двуязычных словарях и составные наречия с книжной функционально-стилевой окраской типа *мучительно-страстно, равнодушно-устало, томительно-однообразно, удивленно-вопрошающе*, поскольку подобные лексические единицы являются коммуникативно значимыми для художественного дискурса, а для разговорной или нейтрально-книжной речи не характерны.

Явление лакуарности неразрывно связано с понятием внутренней формы слова, под которой понимается «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [18. С. 19]. Подобная трактовка вполне правомерно отождествляет внутреннюю форму с мотивировочным признаком, выраженным производящей (мотивирующей) основой, поскольку в производном слове элементы смысла распределяются между двумя структурными компонентами — корневой и аффиксальной морфемами, а в композите — между двумя корневыми морфемами.

В то же время морфосемантическая структура слова, по мнению ученых, представляет собой и лингвокогнитивную сущность. «Внутренняя форма слова, с позиции теории познания, — это структура знаний, являющаяся результатом концептуальной интеграции представлений об объекте действительности и слове, его обозначающим» [19. С. 211]. Внутренняя форма слова может интерпретироваться и как этнокультурный феномен, как способ выражения культурной информации в слове и специфики этнического языкового сознания. Будучи следствием процесса мотивации, внутренняя форма русских и татарских наречий свидетельствует об универсальных и специфических ассоциациях, лежащих в основе характеристики действия, в том числе передающихся «по наследству» от производящего слова.

Рассмотрим русские и татарские наречия со специфической внутренней формой, которые обусловлены разными мыслительными структурами, т.е. способами категоризации знаний об окружающей действительности (понятиями, образами, стереотипными представлениями, пресуппозициями и пропозициями, коммуникативной ситуацией и т.д.). Они возникают в языковом сознании в процессе вербализации (лексикализации) того или иного признака действия.

Например, обстоятельство наречия причины *сдуру* ‘сделать что-либо по глупости, не сообразив в чем дело’ в русском языке мотивировано существительным *дуры* ‘сумасбродство, блажь; вздор, чепуха’. *А я вот заблудился. Понесся сдуру за глухарем и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревет...* (Астафьев В. Васюткино озеро); *Но если меня кто-нибудь другой пожалеет или сдуру полюбит, я... не знаю, мне будет тяжело и грустно*

(Шукшин В. Калина красная). Ни один из татарских эквивалентов — *ахмаклык белән* (от *ахмаклык* — глупость, дурачество), *аңгыралык белән* (глупость, тупость), *тинтәклек белән* (глупость, сумасбродство, идиотизм), *акылсызланьып* (букв. потеряв ум) [4. С. 550] не передает лингвокультурную специфику русского слова. В татарских соответствиях на первый план выступает семантический компонент ‘глупость’, тогда как для русского языкового сознания важны и другие дифференциальные признаки ‘не сообразив сразу, вовремя’ и ‘осознание / неосознание неправомерности своего поступка’, ‘самоирония’. В русском языке отсутствует резко выраженная отрицательная оценка, она, скорее, носит снисходительно-фамильярный характер.

Приведем в качестве примеров ряд наречий, мотивировочный признак которых указывает на специфичность мотивирующих слов: *украдкой* (от *красться* ← *красть*) — *яшеренеп калу*, *яшертеп генә*, *сиздермичә*, *шым гына* (спрятавшись, скрытно, так, чтобы никто не увидел, не почувствовал, не дав почувствовать, тихо): *взглянуть украдкой* — *сиздермичә генә карап алу*; *невозмоготу* (от *могота* ← *мочь*) — *чыдар хәл калмады*, *чыдар хәл юк* (букв. нет сил терпеть); *осатанело* (от *осатанелый* ← *осатанеть* ← *сатанеть* ← *сатана*) — *котырынган* (от *котырган* — бешеный, буйный), *саташкан* (от *саташу* — бредить, помешаться), *явызлану* (становиться злым, жестоким), *ерткычланган* (от *ерткычлану* — звереть, свирепеть, остервенеть); *очумело* (от *очумелый* ← *очуметь* ← *чуметь* ← *чума*) — *котырган*, *котырып киту* (от *котыру* — беситься, буйствовать, бушевать, яриться, неистовствовать), *акылдан шашу*, *тилеру*, *юләрләну*, *акылдан язу* (сойти с ума).

Проанализируем татарские наречия, внутренняя форма которых указывает на национальное своеобразие мотивировочных признаков и прагматический потенциал лексической единицы. Так, от прилагательного *буш* (пустой) в татарском языке образуется не только наречие *бушка* — впустую, что свидетельствует о совпадении внутренней формы татарского и русского дериватов, но и *бушлай* — бесплатно (в рус. от *бесплатный*), даром (в рус. от *дар*). Специфическую внутреннюю форму имеют и наречия *яланаяк* — босиком (букв. с голыми ногами), *яланбаиш* — без головного убора, *яланкул* — без рукавиц, *ялантән* — голышом (букв. голое тело). «Внутренняя форма слова представляет собой свернутое смысловое содержание объекта (фрагмента) действительности; актуализирует не только предметную соотношенность, но и всю коммуникативно значимую информацию» [18. С. 214]

Татарское наречие *икекуллап* (с радостью) образовано путем лексикализации количественно-именного сочетания *ике кул* (букв. две руки) с одновременным присоединением суффикса *-лап* (ср. в русском языке аналогичное по семантике выражение *двумя руками «за»*). Однако в татарском языке возможны другие лексические варианты данной словообразовательной модели: *дурткуллап* — с большим желанием (букв. четырьмя руками), *бишкуллап* (пятью руками) — с большой охотой [11. С. 500].

О специфике татарского языкового мышления при номинации признаков действия свидетельствуют и другие дериваты: *беравыздан* — одновременно (букв. из одного рта); *берьюлы* — одновременно (букв. одной дорогой); *бара-бара* — немного погодя, с течением времени (букв. идет — идет); *этле-мәчеле* — враждебно, как кошка с собакой (от *эт* — собака, *мәче* — кошка); *егылатора* — торопливо, ср. *егылар-егылмас* — держаться еле-еле, чуть-чуть, быть на грани падения (букв. упадет — не упадет); *бөгелә-сыгыла* — кокетливо, жеманно, заискивающе (букв. наклоняясь и ломаясь); *борычлан-тозлан* — очень сильно ругать (букв. с солью — с перцем); *ваклан* — в розницу, по мелочам, подробно (букв. измельчая); *корып-бөтереп* — досконально (депричастия от глаголов *тереть* — *уничтожать*); *янып-пешип* — старательно (депричастия от глаголов *гореть* — *вариться*); *унга-бергә* — очень редко (букв. на десять — на один); *туяр-туймас* — впроголодь (букв. насытится — не насытится); *икеләнмәстән* — без колебаний (от *икеләнү* — колебаться, букв. раздвигаться); *күптән* — давно (от *күп* — много).

Таким образом, по соотнесенности со словообразовательной структурой слова можно выделить русско-татарские и татарско-русские соответствия разной понятийно-семантической целостности, коммуникативно-прагматической направленности и эмоционально-экспрессивной окраски.

Сопоставительный анализ адвербиальной деривации в русском и татарском языках позволяет не только установить сходства и различия в использовании мотивировочных признаков в рамках одного и того же денотативного пространства, но и выявить наиболее значимые, предпочтительные для данного языкового коллектива ментально-культурные смыслы.

Заключение

Адвербиальная лексика в русском и татарском языках обладает особым номинативным характером, отличающим ее от других классов знаменательных слов. Словообразовательная структура производных наречий может демонстрировать смысловую организацию слова и соответствующего понятия, а именно указывает, благодаря каким свойствам и признакам в сознании говорящего детерминируется какое-либо действие или состояние. Межъязыковая словообразовательная лакунарность, отражающая специфику концептуального осмысления процессов деривации, обусловлена коммуникативно-прагматическим, этнокультурным и стилистическим потенциалом слова. Анализ внутренней формы русских и татарских дериватов позволяет вскрыть когнитивные механизмы в языковом моделировании окружающей действительности.

Этнолингвистический подход в сопоставительном изучении словообразовательных подсистем разных языков дает возможность интерпретировать морфосемантическую структуру слова как лингвокультурологический феномен и один из способов концептуализации процессуальных и непроцессуаль-

ных признаков предмета. Осмысление денотативно-семантического пространства одного языка сквозь призму другого позволяет выявить национальное своеобразие словообразовательной и лексической семантики, а также динамику процессов деривации в целом.

Список литературы

1. *Панова Г.И.* Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: КомКнига, 2010.
2. *Гребенева Ю.Н.* Морфемный словарь наречий русского языка. М.: Мир и Образование, 2022.
3. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М.: Рус. яз. Медиа, 2005.
4. Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. М.: ИНСАН, 1997.
5. Татарско-русский словарь: в 2 томах / под ред. Ш.Н. Асылгараев и др. Казань: Магариф, 2007.
6. *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М.: Флинта: Наука, 2003.
7. *Березович Е.Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.
8. *Большакова Н.Г., Низкошапкина О.В.* Этноориентированная методика обучения китайских учащихся самостоятельному чтению // Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. № 4. С. 36–41.
9. *Стернина М.А., Стернин И.А.* Сопоставление как лингвистическая методология: монография. Воронеж: РИТМ, 2021.
10. *Лопатин В.В., Улханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016.
11. Татарская грамматика: в 3 томах. Т. I. / гл. ред. М.З. Закиев. Казань: Татарское книжн. изд-во, 1993.
12. *Ганиев Ф.А.* Современный татарский литературный язык: словообразование по конверсии. Казань: Изд-во «Дом печати», 2004.
13. *Акберова А.Г.* Структура и семантика наречий в современном татарском литературном языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 1998.
14. *Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 234–244.
15. *Ишкильдина З.К.* Сопоставительное словообразование русского и башкирского языков: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.
16. Лакуны в языке и речи / под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
17. *Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А.* Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 206 – 224.
18. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая рос. энцикл., 2002.
19. *Сидорова Т.А.* Когнитивный анализ традиционных проблем словообразования и морфемике: монография. Архангельск: Изд-во САФУ, 2012.

References

1. Panova, G.I. 2010. Morphology of the Russian language: An encyclopedic dictionary-reference. Moscow: KomKniga publ. Print. (In Russ.)

2. Grebeneva, Ju.N. 2022. Morphemic dictionary of Russian adverbs. Moscow: Mir i Obrazovanie publ. Print. (In Russ.)
3. Burceva, V.V., eds. 2005. Dictionary of adverbs and official words of the Russian language. Moscow: Rus. yaz.-Media publ. Print. (In Russ.)
4. Ganiev, F.A., eds. 1997. Russian-Tatar dictionary. Moscow: INSAN publ. Print. (In Russ.)
5. Asylgaraev, Sh.N., eds. 2007. Tatar-Russian dictionary. In 2 vol. Kazan: Magarif publ. Print. (In Russ.)
6. Isaev, M.I. 2003. Dictionary of Ethnolinguistic concepts and terms. Moscow: Flinta: Nauka publ. Print. (In Russ.)
7. Berezovich, E.L. 2004. "Towards an ethnolinguistic interpretation of semantic fields." *Voprosy jazykoznanija*, no. 6, pp. 3–24.
8. Bolshakova, N.G., and O.V. Nizkoshapkina. 2015. "An ethnically oriented method of teaching Chinese students to read independently". *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 4, pp. 36–41.
9. Sternina, M.A., and I.A. Sternin. 2021. Comparison as a linguistic methodology. Voronezh: RITM publ. Print. (In Russ.)
10. Lopatin, V.V., and I.S. Uluhanov. 2016. Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language. Moscow: Azbukovnik publ. Print. (In Russ.)
11. Zakiev, M.Z., eds. 1993. Tatar grammar. In 3 vol. Vol 1. Kazan: Tatarskoe knizhn. publ. Print. (In Russ.)
12. Ganiev, F.A. 2004. Modern Tatar literary language. Word formation by conversion. Kazan: Dom pečati publ. Print. (In Russ.)
13. Akberova, A.G. 1998. The structure and semantics of adverbs in the modern Tatar literary language. Candidate thesis. G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the TAS. Kazan. Print. (In Russ.)
14. Valentinova, O.I., and M.A. Rybakov. 2021. "The logic of determinant analysis of agglutinative and inflectional languages (part two)." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 3, pp. 234-244. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244>
15. Ishkildina, Z.K. 2012. Comparative word formation of the Russian and Bashkir languages: monograph. Ufa: BashGU publ. Print. (In Russ.)
16. Sorokin, Ju.A., and G.V. Bykova, eds. 2003. Gaps in language and speech. Blagoveschensk: BGPU publ. Print. (In Russ.)
17. Sternin, I.A., Popova, Z.D., and M.A. Sternina. 2003. "Gaps and concepts." *Gaps in language and speech. Blagoveschensk: BGPU publ. Print. (In Russ.)*
18. Jarceva, V.N., eds. 2002. Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya publ. Print (In Russ.)
19. Sidorova, T.A. 2012. Cognitive analysis of traditional problems of word formation and morphemics: monograph. Arkhangelsk: SAFU publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна — доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. eLibrary SPIN-код: 8876-5564. Author ID (SCOPUS): 56242842900. Researcher ID (WoS): E-1437-2015. ORCID ID: 0000-0002-3252-8526. E-mail: favenera@mail.ru

Bio note:

Venera G. Fatkhutdinova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 8876-5564. Author ID (SCOPUS): 56242842900. Researcher ID (WoS): E-1437-2015. ORCID: 0000-0002-3252-8526. E-mail: favenera@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-408-427

EDN: UPDHMD

Научная статья / Research article

Сопоставительный анализ функционирования предлогов / послелогов и союзов как средств выражения категории предшествования в татарском и русском языках

Г.Ф. Лутфуллина^{id}

Казанский государственный энергетический университет,

г. Казань, Российская Федерация

✉ Gflutfullina@mail.ru

Аннотация. Представлен семантико-синтаксический анализ предлогов / послелогов и союзов татарского и русского языков с семантикой предшествования. Цель исследования — определить особенности функционирования предлогов / послелогов и союзов разноструктурных языков, задействованных в репрезентации категории предшествования. Определен круг предлогов и союзов темпоральной семантики, реализующих исследуемое значение. Научная новизна заключается в выявлении доминирующих функций предлога / послелога или союза как неглагольных средств выражения темпоральности, в частности значения предшествования, в определении временного значения высказывания. Полученные результаты показали, что в обоих языках потенциал репрезентации предлогами / послелогами и союзами предшествования детерминирован их сочетаемостью; послелоги / предлоги и послеложные слова отличаются высокой частотностью функционирования; преференция к выражению предшествования к вечернему времени суток, что логически объяснимо. В татарском языке присутствуют и послеложные слова. Семантика предшествования во времени коррелирует с семантикой предшествования в пространстве, третьим добавочным значением является соразмерность, сравнение по размеру. В русском языке предлоги многозначны и имеют крайне высокую частотность функционирования, то есть семантика предшествования является только одним из значений. Они часто реализуют значение степени проявления и многие другие. В обоих языках семантика предшествования в сложных предложениях реализуется союзными выражениями, включающими послелоги и предлоги той же семантики. В татарском языке присутствуют придаточные и спаянные, а в русском языке представлены только придаточные предложения.

Ключевые слова: татарский язык, русский язык, предшествование, темпоральный контекст

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лутфуллина Г.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительный анализ функционирования предлогов / послелогов и союзов как средств выражения категории предшествования в татарском и русском языках // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 408–427. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-408-427>

Comparative Analysis of the Functioning of Prepositions / Postpositions and Conjunctions as Means of Expressing the Category of Precedence in the Tatar and Russian Languages

Gulnara F. Lutfullina^{ORCID}

Kazan State Energy University, Kazan, Russian Federation

Abstract. This article presents a semantic-syntactic analysis of prepositions / postpositions and conjunctions of the Tatar and Russian languages with the semantics of precedence. The purpose of the study is to determine the peculiarities of the functioning of prepositions/postpositions and conjunctions of differently structured languages involved in the representation of the category of precedence. The work defines a range of prepositions and conjunctions of temporal semantics that realize the meaning under study. The scientific novelty is that the dominant functions of preposition/postposition or conjunction have been identified as non-verbal means of expressing temporality, in particular, the meaning of precedence, in determining the temporal meaning of a statement. The results obtained showed that in both languages the potential of representation by prepositions / postpositions and precedent conjunctions is determined by their compatibility. In both languages, postpositions / prepositions and postpositional words are characterized by high frequency functioning. In both languages, there is a preference for expressing precedence towards the evening time of day, which is logically understandable. The Tatar language also contains postpositional words. The semantics of precedence in time correlates with the semantics of precedence in space, the third additional meaning is proportionality, comparison in size. In the Russian language, prepositions are polysemantic and have an extremely high frequency of functioning, that is, the semantics of precedence is only one of the meanings. They often realize the meaning of the degree of manifestation and many others. In both languages, the semantics of precedence in complex sentences is realized by conjunctive expressions, including postpositions and prepositions of the same semantics. In the Tatar language there are subordinate and welded clauses, but in the Russian language only subordinate clauses are presented.

Key words: Tatar language, Russian language, precedence, temporal context

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Lutfullina, G.F. 2024. "Comparative Analysis of the Functioning of Prepositions / Postpositions and Conjunctions as Means of Expressing the Category of Precedence in the Tatar and Russian Languages." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 408–427. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-408-427>

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что сопоставительный анализ функционирования служебных частей речи представляет собой значимое исследование для лингвистики и позволяет определить общие тенденции

в репрезентации темпорального контекста. Сравнительный анализ предлогов / послелогов и союзов в татарском и русском языках поможет выявить различия в их использовании с целью выражения значения предшествования, что является ключевым аспектом данного исследования.

Настоящее исследование проводилось на **материале** практических примеров, обнаруженных в языковых корпусах:

- письменный корпус татарского языка (далее — ПКТЯ);
- национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ).

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- исследовать послелогов / предлоги и союзы, реализующие семантику предшествования;
- определить их особенности в каждом языке;
- провести сопоставительный анализ и выявить общие и различительные черты их функционирования в татарском и русском языках.

Теоретическую базу исследования составили работы, рассматривающие общетеоретические вопросы таксиса, временного порядка и темпоральности. Ф.С. Сайфулина, Л.И. Мингазова считают, что национальный менталитет проявляется через ресурсы родного языка [1]. М.Ю. Кузнецов уточняет необходимость освоения сложнейшего грамматического механизма, ключевого для уверенного владения национальным языком [2].

Статус послелогов татарского языка вызывает большие споры. Согласно И.Ф. Зариповой, большинство исследователей ставят знак равенства между предлогами и послелогов, указывая лишь на то, что предлог находится в препозиции. По ее мнению, история развития тюркских языков свидетельствует о том, что послелогов развились на основе самостоятельных имен, наречий и глагольных форм путем постепенной лексической десемантизации. Категорию послеложных слов традиционно подразделяют на две лексико-грамматические группы: послелог и служебное имя. Однако ряд ученых пользуются термином «послелог» в широком смысле и включают в него понятие «служебных имен» [3]. Мы придерживаемся точки зрения, канонизированной М.З. Закиевым в Грамматике татарского языка, где эти две группы рассматриваются вместе, без разделения на собственно послелогов и служебные слова [4. С. 305–308]. В татарском языке большую степень изученности получает категория следования. М.С. Хасанова отмечает, что в татарском языке значение следования может маркироваться как минимум двумя формами: причастием прошедшего времени в исходном падеже в сочетании с послелогов *башлан*, *алын*, *бирле* «начиная, с тех пор»; сложным предложением с подчинительной связью аналитического типа с относительным словом *шул* (*ул*) в исходном падеже в сочетании с послелогов [5]. М.С. Хасанова указывает также, что в татарском языке в сложноподчиненных предложениях значение следования передается союзным словом [6].

Служебные части речи как средства выражения темпорально-аспектуальных значений рассматриваются в работах С.С. Сай [7] на материале русского языка, в сравнительном аспекте в работах Д.Э. Рахматуллиной [8] и Г.Ф. Лутфуллиной [9].

Проблематика функционирования союзов исследуется в ряде трудов по синтаксису Д.Э. Каримова. Ученый, анализируя синтаксические средства выражения в русском языке, пишет, что предложения со значением предшествования сообщают о таком временном соотношении между двумя событиями, когда явление, названное в главной части, предшествует явлению, названному в придаточной. Отношения предшествования выражаются союзами *до того как, перед тем как, прежде чем, пока не* [10]. А.Н. Каримов уточняет, что союзы как выразители временных отношений в сложном предложении обозначают связь между событиями в общем (недифференцированном) виде, другие имеют частные, специализированные значения, т.е. передают различные оттенки временной соотнесенности двух событий [11].

На материале татарского языка современные исследования по синтаксису проводятся Л.М. Гиниятуллиной, которая утверждает, что синтаксические отношения выражаются интонацией, союзами, союзными словами, которые выступают как аналитические средства, подчиняющие придаточные предложения главному [12].

Для проведения сопоставительного исследования языкового материала в данном исследовании применен описательно-аналитический метод при сборе, систематизации примеров и их анализе, а также использован сравнительно-сопоставительный метод при выявлении особенностей функционирования исследуемых служебных частей речи в татарском и русском языках.

Практическая значимость исследования видится в возможности использования его материалов в дальнейшем изучении проблем функционирования языка, при разработке курсов по теоретической грамматике, сравнительной типологии, проведении практических занятий по сопоставительному языкознанию.

Обсуждение

В статье статус послелогов и послеложных слов определен в соответствии с канонизированной в Татарской грамматике точкой зрения М.З. Закиева, а именно:

– послелогои *кадәр / до, хәтле / вплоть, чаклы / до, тикле / к* «выражают со словами направительного падежа границу времени совершения двух действия или границу какого-то одного действия» [4. С. 328];

– послеложное слово *алдыннан / прежде чем* «обозначает время действия, предшествующего другому действию» [4. С. 318];

– послеложное слово *элек / до* «вместе с сочетаемым словом обозначает действие, совершаемое до другого» [4. С. 329].

К сожалению, мы не рассматриваем послелог *таба / к*, который «употребляется со словами, указывающими на время действия» [4. С. 326].

Все показатели частотности и примеры татарского языка взяты из Письменного корпуса татарского языка.

Количественная дистрибуция и предпочтения сочетаемости каждого послелога и послеложного слова были определены на основе анализа 100 примеров корпуса методом сплошной выборки (1 пример = 1%). Каждая коллокация из таблицы проиллюстрирована соответствующим примером с указанием его порядкового номера, чем подтверждается наличие аналогичных в корпусе. Искомые члены предложения с семантикой предшествования выделены курсивом. Для определения сфер функционирования и потенциала сочетаемости были отобраны как единицы сравнения: 1) сочетаемость с темпоральными субстантивами, обозначающими момент времени (*утро, вечер*), границы интервала (*с утра до вечера*), сам интервал (*один год*); 2) сочетаемость с процессным существительным, имплицитным интервалом времени (*работа*).

Послелог *кадәр / до*

(1) *Моңарчы иртәдән кичкә кадәр* карчыкның үз эше бар иде (А. Әхмәтгалиева) / *До этого с утра и до позднего вечера* у старухи были свои дела [ПКТЯ].

(2) *Кичкә кадәр* турсаеп йөргән балаларны төрткәләп йокларга яткырдылар (А. Гыйләжев) / *Детей, гулявших до позднего вечера*, заставили лечь спать [ПКТЯ].

(3) *Иртәнгә кадәр* күңел ачтык, биедек, жырладык (А. Нәжми) / *До утра* мы веселились, плясали и пели [ПКТЯ].

(4) Көзгә каникул 31 октябрьдән 6 *ноябрьгә кадәр*, кышкы каникул 26 декабрьдә башланып, 8 *январга кадәр* булачак. [agryz-rt.ru] / *Осенние каникулы* стартуют с 31 октября *до 6 ноября*, зимние — с 26 декабря *до 8 января* [ПКТЯ].

(5) Әпә дә, Хәлим дә *иртәннән кичкә кадәр* кара эштә булдылар (Г. Гыйльманов) / *И сестра, и Халим с утра до вечера* занимались черными делишками [ПКТЯ].

(6) *Эшкә кадәр* ул якларны әйләнгәләп кайтырга булды (Г. Исхакова) / *До работы* он решил прогуляться [ПКТЯ].

(7) Шулы мәркәзләрендә *бер елга кадәр* яшерен рәвештә яшәдем. / *В этих центрах до года* проживал в подполье (Л.Х. Хәмидуллин) [ПКТЯ].

Как можно заключить на основе данных табл. 1 (высокая частотность функционирования — 479 873), полученных из корпуса, сочетаемость с вечерним периодом суток в 7 раз больше (4449), чем с утренним (632), при общей предпочтении к темпоральным существительным. Комбинации с процессным существительным (54) и указанием границ интервала (62) представлены относительно равномерно и отличаются низкой частотностью. Относительно одинаково представлены сочетания с определенным интервалом (450) и утренним периодом суток (632).

Показатели частотности сочетаемости послелога *кадәр* /
 Frequency indicators of collocations with the postposition *кадәр* / *until*

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>кадәр</i> / <i>до</i> / <i>before</i> (1)–(6)	479 873
<i>кичкә кадәр</i> / <i>до вечера</i> / <i>until the evening</i> (2)	4449
<i>иртәнгә кадәр</i> / <i>до утра</i> / <i>until the morning</i> (3)	632
<i>январга кадәр</i> / <i>до января</i> / <i>until January</i> (4)	3
<i>иртәннән кичкә кадәр</i> / <i>с утра до вечера</i> / <i>from morning until the evening</i> (1), (5)	62
<i>бер елга кадәр</i> / <i>до одного года</i> / <i>until one year</i>	450
<i>эшкә кадәр</i> / <i>до работы</i> / <i>until work (time)</i> (6)	54

(8) Сине *өеңә кадәр* озатырга буламы? (А. Фәлэх) / Можно ли проводить тебя *до дома*? [ПКТЯ].

(9) *Төшке ашка кадәр* өч йөз, төштән соң ике йөз (А. Алиш) / *До обеда* триста, после обеда — двести [ПКТЯ].

(10) «Ярый, егет, иптәшләр *очрашуына кадәр* чыгып тор», — диделәр аңа (А. Алиш) / «Хорошо, парень, *до встречи* с товарищами подожди за дверью», — сказали ему [ПКТЯ].

(11) *Гагарин очышына кадәр*, аз басымлы кислород тугырылган барокамерада сынау үткәргәндә, янгын чыгып һәлак була (А. Тимергалин) / *До полета Гагарина* уже проводил испытания в барокамере с кислородом [ПКТЯ].

(12) «*Кояш тамам баеп беткәнгә кадәр*» дип күрсәтелә (А. Тимергалин) / Написано, что «*до тех пор, пока солнце не скроется*» [ПКТЯ].

(13) Алдарак әйткәнебезчә, *Гегельгә кадәр* охшаш фикер суфичылыкта ук күзәтелә инде (А. Тимергалин) / Как мы уже говорили, похожее мнение *до Гегеля* уже прослеживается у суффистов [ПКТЯ].

Пространственное и временное значения предшествования реализуются данным послелогом паритетно: 50 % сочетаний с пространственным маркером *өеңә кадәр/ до дома* (8), 50 % — с разными темпоральными маркерами (1)–(7), включая специфичные только для татарского языка *төшке ашка кадәр/ до вечернего супа (дословно) = обеда* (9). Частотным является сочетание *безнең эрага кадәр/ до нашей эры*. Часто временная вежа идентифицируется именем собственным известного человека (13).

Из 100 примеров только 4 были со свернутой предикацией, представленной именами действия *очышына/ полета* (10), *очрашуына/ встречи* (11).

Предложение с причастием прошедшего времени на *-ган* с контекстуальной субстантивацией (ТГ 2 том 1997:302) *баеп беткәнгә/ захода* классифицируется как спаянное предложение времени (12).

Таблица 2 / Table 2

**Показатели частотности сочетаемости послелого *хэтле* / *вплоть* /
Frequency indicators of collocations with the postposition *hätle* / *till***

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>хэтле</i> / <i>вплоть</i> / <i>till</i>	33 074
<i>кичкэ хэтле</i> / <i>вплоть до вечера</i> / <i>till the evening</i> (15)	327
<i>иртэнгэ хэтле</i> / <i>вплоть до утра</i> / <i>till the morning</i> (17)	52
<i>иртэдэн кичкэ хэтле</i> / <i>с утра вплоть до вечера</i> / <i>from morning till the evening</i> (16)	97
<i>бер елга хэтле</i> / <i>вплоть до одного года</i> / <i>till the year</i> (19)	1
<i>январга хэтле</i> / <i>вплоть до января</i> / <i>till January</i> <i>мартка хэтле</i> / <i>вплоть до марта</i> / <i>till March</i> (18)	0 24
<i>эшкэ хэтле</i> / <i>вплоть до работы</i> / <i>till the work</i>	5

Послелог *хэтле* / *вплоть*

(14) Башымда *ат дагасы хэтле* мина кыйпылчыгы утыра бит (А.Б. Хэсэнов) / Ведь в голове сидит у меня осколок мины *размером с конскую подкову* [ПКТЯ].

(15) *Кичкэ хэтле* казарма тэмам аяктан егылып өлгерэ. (А. Толстой) / *До вечера* казарма успевае́т сбиться с ног [ПКТЯ].

(16) Дусларыңның һәммәсе *иртэдэн кичкэ хэтле* эшли бит? (А. Гыймадиев) / Все ваши друзья работают с *утра до вечера?* [ПКТЯ].

(17) *Иртэнгэ хэтле* жырлаштык. (Д. Гыйсметдин) / *До утра* мы пели [ПКТЯ].

(18) Без *5 мартка хэтле* эшләдек. (Х. Ярми) / Мы работали *до 5 марта* [ПКТЯ].

(19) Хэрам айны күчерүне *бер елга хэтле* хэлэл санарлар / Они будут считать правильным перенос запретного месяца *до истечения одного года* (Ногмани) [ПКТЯ].

(20) *Эшкэ хэтле* тиз генэ апага барып кайтыйм дип киттем. [matbugat.ru] / Я сказал, что быстренько схожу к тете *до работы* [ПКТЯ].

Как можно заключить на основе данных табл. 2 (невысокая частотность функционирования — 33 074), полученных из корпуса, сочетаемость с вечерним периодом суток в 7 раз больше (327), чем с утренним (52), при общей преференции к темпоральным существительным. Комбинации с процессным существительным (1) и с определенным интервалом (5) практически отсутствуют. Достаточно широко представлены сочетания с указанием границ интервала (97) и менее частотны сочетания с месяцами (24).

(21) Йомыш белән унбердән *сэгать бергэ хэтле* килегез... (А. Толстой) / По делу приходите, с одиннадцати часов *до часу дня* [ПКТЯ].

(22) Бу төштә *Икенде намазы на хэтле* бер хэл булыр, диелгән (А. Тимергалин) / Здесь что-то произойдет *до молитвы намаза Икенде* [ПКТЯ].

(23) Артур Леви нык ашыктырганга күрә кичке караңгы төшкәнчегә хәтле бардылар. (А. Толстой) / Так как Артур Леви сильно торопил всех, шли до наступления темноты [ПКТЯ].

(24) Тау хәтле өелеп торган китапларны күрде (А. Тимергалин) / Он увидел книги, наваленные высотой с гору [ПКТЯ].

(25) Ишкәкчеләр мәктәбенә хәтле жәяү бардылар (А. Толстой) / До школы гробцов добирались пешком [ПКТЯ].

Из 100 примеров 80 % реализуют значение сравнения, соразмерности с чем-либо (24), (14), 15 % примеров выражают пространственную локализацию (25) и только 5 % актуализируют значение предшествования интервалу времени (15), (16), эксплицируемому иногда специфическим для татарского языка темпоральным маркером *йкенде намазы на хәтле / до молитвы намаза Икенде*. Интервал времени может имплицироваться средством свернутой предикации (23) *караңгы төшкәнчегә хәтле / до наступления темноты* причастием прошедшего времени на *-ган* с контекстуальной субстантивацией, которое классифицируется как спаянное предложение времени.

Послелог чаклы

(26) Кичкә чаклы күлнең бу ягын бетермәбезме әле... (В. Имамов) / Мы еще до вечера не уберем эту сторону озера... [ПКТЯ].

(27) Мин яхтада иртәнгә чаклы булам... (А. Толстой) / Я буду на яхте до утра... [ПКТЯ].

(28) Иртәдән кичкә чаклы көйчеләр төрле уен коралларында уйныйлар (А. Нәжми) / До вечера музыканты играют на разных инструментах [ПКТЯ].

(29) 10 январга чаклы район МЧС, ДНД штабы һәм «Форпост» чылар белән бергә көчәйтелгән эш режимында эшләделәр [apastovo.ru] / До 10 января совместно с ООО, штабом ДНД и с представителями «Форпоста» работали в особом режиме [ПКТЯ].

(30) 5 мартка чаклы Бакуда I Бөтенсоюз тюркологлар съезды үткәрелә («Эхо веков» журналы) / До 5 марта проходил первый всесоюзный съезд тюркологов [ПКТЯ].

(31) Бер елга чаклы Александр хатларны еш язды (З. Хөснияра) / До года Александр часто писал письма [ПКТЯ].

На основе данных табл. 3 (относительно низкая частотность функционирования — 22 018), полученных из корпуса, можно утверждать, что сочетаемость с вечерним периодом суток в 2 раза больше (244), чем с утренним (112), при общей преференции к темпоральным существительным. Комбинации с процессным существительным (0) и с определенным интервалом (14) практически отсутствуют. Достаточно широко представлены сочетания с указанием границ интервала (87) и с месяцами (53).

Показатели частотности сочетаемости послелого *чаклы* /
 Frequency indicators of collocations with the postposition *chakly* / *before*

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>чаклы</i> / <i>до</i> / <i>before</i>	22 018
<i>кичкэ чаклы</i> / <i>до вечера</i> / <i>before evening</i> (26)	244
<i>иртэнгэ чаклы</i> / <i>до утра</i> / <i>before morning</i> (27)	113
<i>иртэдэн кичкэ чаклы</i> / <i>с утра до вечера</i> / <i>from morning till the evening</i> (28)	87
<i>бер елга чаклы</i> / <i>до одного года</i> / <i>before a year has passed</i> (31)	14
<i>январга чаклы</i> / <i>до января</i> / <i>before January starts</i> (29)	1
<i>мартка чаклы</i> / <i>до марта</i> / <i>before March begins</i> (30)	53
<i>эшкэ, укуга чаклы</i> / <i>до работы, учебы</i> / <i>before work, study start</i>	0

(32) Ахырга таба бер чилэктэн *бармак башы чаклы* фарфор китеге дә килеп чыкты (А. Тимергалин) / Наконец-то из ведра вышел фарфоровый осколок *размером с палец* [ПКТЯ].

(33) Бу чокырның халык телендә ике исеме бар: *сугышка чаклы* аны «Жен ярган чокыр» дисэләр, сугыш вакытында аңа НКВД (А. Хәлим) / На народном языке у этой ямы два названия: *до войны* ее называли «Ведьмина яма», во время войны ее стали называть «НКВД» [ПКТЯ].

(34) Шуннан да арзанын таба алмассыз: бу бит *сугышка чаклы* эшлэнгән, буяулы фотография... (А. Толстой) / И вы не сможете найти дешевле: это ведь *до войны* сделанная цветная фотография... [ПКТЯ].

(35) Әйе, без туганнан *үлгәнгэ чаклы* балалар булып калабыз (А. Нәжми) / Да, мы останемся детьми от рождения *до смерти* [ПКТЯ].

(36) Бу игезәкләр *туганга чаклы* булган вакыйга. (А. Нәжми) / Это произошло *до рождения этих близнецов* [ПКТЯ].

(37) Садрины *ярга чаклы* житкерделәр (А. Вергазов) / Садри довели *до берега* [ПКТЯ].

Из 100 примеров 65 % составляют с семантикой сравнения и соразмерности (32), 20 % выражают пространственную локализацию (37) и только 5 % — временную локализацию. С данным послелогом выражается предшествование с участием процессных субстантивов *сугышка чаклы* / *до войны* (33), (34).

Предложение с причастием прошедшего времени с субстантивацией *туганга чаклы* (36), имплицитующим интервал времени, классифицируется как спаянное предложение времени.

Данный послелог никогда не сочетается просто с названием месяцем, а только с датой. Нельзя не заметить паритетное функционирование в сочетании с предикатами в форме настоящего и прошедшего времени.

Послелог *тикле* / *до*

(38) *Кичкә тикле* бик хутлы эшли. (М. Кәрим) / *До вечера* работает очень усердно [ПКТЯ].

(39) *Каз иртәнгә тикле* тозлы суда торып суына [shahrikazan.ru] / Гусь остывает в соленой воде до утра [ПКТЯ].

(40) Ел әйләнәсе *иртәдән кичкә тикле* эштә булдылар [beznen.ru] / Круглый год работали с утра до вечера [ПКТЯ].

(41) *Бер елга тикле* грипптан саклый [aktanysh-rt.ru] / Защищает от гриппа до года [ПКТЯ].

(42) *3 мартка тикле* без видеога төшереп оештыру комиссиясенә жибәрдек [matbugat.ru] / До 3 марта мы снимали на видео и отправляли в организационную комиссию [ПКТЯ].

Таблица 4 / Table 4

Показатели частотности сочетаемости послелога *тикле* /
Frequency indicators of collocations with the postposition *tikle* / *till*

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>тикле</i> / <i>до</i> / <i>till</i> (38)–(42)	5091
<i>кичкә тикле</i> / <i>до вечера</i> / <i>till the evening</i> (38)	41
<i>иртәнгә тикле</i> / <i>до утра</i> / <i>till the morning</i> (39)	16
<i>мартка тикле</i> / <i>до марта</i> / <i>till the March</i> (42)	2
<i>иртәдән кичкә тикле</i> / <i>с утра до вечера</i> / <i>from morning till the evening</i> (40)	13
<i>бер елга тикле</i> / <i>до одного года</i> / <i>till the year</i> (41)	1
<i>эшкә, укуга тикле</i> / <i>до работы, учебы</i> / <i>before the work, study starts</i>	0

Как можно заключить на основе данных табл. 4 (очень низкая частотность функционирования — 5091), полученных из корпуса, сочетаемость с вечерним периодом суток в 2 раза больше (41), чем с утренним (16), при общей преференции к темпоральным существительным. Комбинации с процессным существительным (0) и с определенным интервалом (1) и названием месяца (2) практически отсутствуют. Сочетания с указанием границ интервала (13) отличаются низкой частотностью. Относительно одинаково представлены сочетания с границами интервала (13) и утренним периодом суток (16).

(43) *Ачылганга тикле* алар тик кенә ятканнармыни? (А. Тимергалин) / *До открытия* они тихо лежали? [ПКТЯ].

(44) *Раслауга тикле* бу документ барып житә (А. Тимергалин) / Этот документ дошел до утверждения [ПКТЯ].

(45) *Агыйделнең аръягына тикле* барып эзлисе юк (А. Тимергалин) / Нет необходимости искать вплоть до того берега Волги [ПКТЯ].

(46) *Язга тикле* аның канаты төзәлеп житә, ул иркенләп кагына башлый (А. Тимергалин) / К весне у него сформировалось крыло, которое начало свободно двигаться [ПКТЯ].

Пространственное и временное значения предшествования реализуются данным послелогом паритетно: 50 % сочетаний с пространственным маркером, 50 % — с разными темпоральными маркерами (46).

Из 100 примеров только 4 были со свернутой предикацией, представленной именами действия (44).

Таблица 5 / Table 5

**Показатели частотности сочетаемости послеложного слова *алдыннан* /
Frequency indicators of collocations with the postposition word *aldynnan* / *before***

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>алдыннан</i> / <i>прежде</i> / <i>before</i>	85 734
<i>кич алдыннан</i> / <i>до вечера</i> / <i>before the evening</i> (48)	7
<i>иртэ алдыннан</i> / <i>до утра</i> / <i>before the morning</i>	0
<i>8 март алдыннан</i> / <i>до марта</i> / <i>before March</i> (47)	225
<i>иртэ кич алдыннан</i> / <i>с утра до вечера</i> / <i>from morning till the evening</i>	0
<i>бер ел алдан</i> / <i>до одного года</i> / <i>before a year has passed</i> (49)	320
<i>эш, уку алдыннан</i> / <i>до работы, учебы</i> / <i>before work, study start</i> (50) и (51)	96 и 22

Предложение с причастием прошедшего времени на *-ган* с контекстуальной субстантивацией (ТГ 2 том 1997:302) *баеп беткэнгэ тикле* / *до захода* (43) классифицируется как спаянное предложение времени.

Послеложное слово *алдыннан* / *прежде*

(47) *8 Март алдыннан* без сөйләшөп утырабыз. (Р. Могыйнов) / *Перед 8 марта* мы сидим и разговариваем [ПКТЯ].

(48) *Кич алдыннан* эчөн пошар (И.Ш. Биектаулы) / *Перед наступлением вечера* охватывает тревога [ПКТЯ].

(49) *Бер ел алдан* Апрель аенда этиенне жирләдек (Н. Кәримова) / *Мы похоронили твоего отца в апреле год назад* [ПКТЯ].

(50) *Эш алдыннан* тамак ялгап алдык (Р. Батулла) / *Перед работой* мы перекусили [ПКТЯ].

(51) Укучыларны, студентларны уку алдыннан бер — ике айга кохозларга, урып — жыю эшләрэнә жибәрэләр иде [yanarish 72.ru] / *Студентов и студентов отправляли на уборку урожая за месяц или два перед началом учебы* [ПКТЯ].

Как можно заключить на основе данных табл. 5 (относительно высокая частотность функционирования — 85 734), полученных из корпуса, сочетаемость с вечерним и утренним периодом суток, как и с границами интервала, отсутствует. Комбинации с процессным существительным (96 и 22) и с названием месяца (320) частотны. Сочетания с определенным интервалом частотны (320), но с условием изменения формы на *алдан*.

(52) *Вагонга керер алдыннан* мине кочагына алды (А.Б. Хәсәнов) / *Перед входом в вагон* он обнялся со мной [ПКТЯ].

(53) Кичкэ таба, гудок *булыр алдыннан*, инженер Гуревич төзелеш эшлэрен тикшерергэ чыккан иде (А. Алиш) / *Вечером, перед тем как раздался гудок*, инженер Гуревич вышел проверить строительные работы [ПКТЯ].

(54) *Үлэр алдыннан* ул газапланып саташа (А. Тимергалин) / *Перед смертью* он бредит [ПКТЯ].

(55) *Намаз алдыннан* эшлэнэ: битне, терсәккэ чаклы кулларны һәм аякларны юу тиеш (А. Тимергалин) / *Перед молитвой* нужно: омыть лицо, руки до локтя и ноги [ПКТЯ].

(56) *Операция алдыннан* анестезиолог авыруның авызына резин көпшә кертә алмыйча интегә (А. Тимергалин) / *Перед операцией* анестезиолог не мог ввести резиновую трубку в рот больного [ПКТЯ].

(57) Бүген кичке аштан соң клуб янында, *кино алдыннан* безне Мурзаев көтеп торачак... (А. Тимергалин) / *Сегодня после ужина у клуба, перед киносеансом* нас ждет Мурзаев... [ПКТЯ].

(58) *Намаз укучы алдыннан* үтеп — сүтеп йөрү мәкруһ гамәлдән хисаплана (А. Тимергалин) / *Перед молящимся человеком* проходить запрещено [ПКТЯ].

(59) Коръэндә (21:96) әйтелгәнчә, *кыямәт көне алдыннан* йәэжүж — мәэжүжләр буаны жимерәчәкләр (А. Тимергалин) / *В Коране (21:96)* говорится, что *перед Днем скорби* черти разберут запруду [ПКТЯ].

Из 100 примеров 40 % составляют сочетания с процессными субстантивами (56), (57), 5 % с существительными темпоральной семантики (59). Остальные 40 % приходятся на свернутую предикацию, представленную в основном причастиями на *-ыр* или *-эр* (52)–(54). Пространственная локализация выражается крайне редко (58).

Послеложное слово *элек* / *прежде*

Таблица 6 / Table 6

Показатели частотности сочетаемости послеложного слова *элек* /
Frequency indicators of collocations with the postposition word *elek* / *before*

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>элек</i> / <i>до</i> / <i>before</i>	211 305
<i>көн элек</i> / <i>за день</i> / <i>before a day</i>	4343
<i>ай элек</i> / <i>за месяц</i> / <i>before a month</i>	4083
<i>ел элек</i> / <i>за год</i> / <i>before a year</i>	4455

Для данного послеложного слова (211 305) основной является сочетаемость с указанием интервала предшествования, при этом продолжительность интервала представлена количественно равномерно: день (4343), месяц (4083), год (4455) (табл. 6).

(60) Әйе, ул *элек* биредә тора иде, ә хәзер күчте. Абдулла Алиш / *Да, раньше он жил здесь*, а теперь переехал [ПКТЯ].

(61) Элек атаң, мескенем, байга эшлэп көн күрде, Абдулла Алиш / *Раньше* твой отец, бедняк, работал на богача [ПКТЯ].

(62) Синен мәрхәмәтең белән элек кылганнарымны кичер. (А. Тимергалин) / *С твоей милостью я прошу простить то, что делал раньше* [ПКТЯ].

(63) Элек заманда этнең хужасы булмаган, берәү дә аның тормышы өчен кайгырмаган (А. Алиш) / *Раньше у собаки не было хозяина*, никто не заботился о ней [ПКТЯ].

(64) Элек ул теория бик тирән тамыр жәйгән иде (А. Алиш) / *Раньше* эта теория была широко распространена [ПКТЯ].

(65) Мин шушындый ук сорауны моннан 30–35 еллар элек бер фантастик хикәямдә куйган идем (А. Тимергалин) / *Я уже задавался этим вопросом 30–35 лет назад* в одном своем фантастическом рассказе [ПКТЯ].

(66) Рафаилнең күршесендә яшәүче Мәликә әбинең ике көн элек югалган кәжә бәтиен кочаклап тоткан иде (А. Фәлэх) / *Бабушка Малика, живущая в пуле Рафаила, держала в руках козленка, пропавшего два дня назад* [ПКТЯ].

(67) Белүегезчә, сигез ай элек этисен жирлэгән идек (А. Хайртдинова) / *Знаете, восемь месяцев назад мы похоронили отца* [ПКТЯ].

Анализ 100 примеров показал, что преимущественным является сочетание с определенным (65), (66), (67) или неопределенным (*берничә ел элек*) интервалами времени, которое составляет 70 %. 10 % примеров приходится на придаточные (60), (62) или в составе главного (61). Нами было отмечено функционирование как прилагательного *элек заманда* (63) и автономное употребление *элек* (64). Данное послеложное слово сочетается только с темпоральными интервальными существительными (*день, год, месяц*). Основная его функция — это репрезентация интервала, то есть интервальное предшествование.

Придаточные и спаянные предложения времени татарского языка

Средства связи с семантикой предшествования:

1) Для придаточных времени:

- (пример номер 69) шуна кадәр (17 примеров всего),
- (пример номер 68) аңа кадәр (6561 пример в корпусе),
- (пример номер 70) шуна чаклы (3 примера всего в корпусе),
- (пример номер 71) аңарчы (3110 примеров в корпусе),

2) Для спаянных времени:

- ганга хәтле (примеры номер 12, 23),
- ганга чаклы (пример 36),
- ганга тикле (пример номер 43), (пример номер 72) -ып житәрәк (3187 примеров в корпусе), (пример номер 73) -ып житәр-житмәс (8 примеров в корпусе) [12. С. 490].

(68) Безгэ аңа кадэр үзебезнең элекке профильлэргэ барып житэргэ кирэк: анда качу өчен юллар күбрэк, — диде Равил. (И. Хужин) / Нам прежде всего нужно дойти до него в прежних профилях: там больше путей для побега, — сказал Равиль [ПКТЯ].

(69) Хэтта шуна кадэр без барып життек, Фәхерниса белән сүз берләшеп. «Казан утлары» / До этого мы дошли, объединившись с Фәхернисой [ПКТЯ].

(70) Анын фикере узгәрер, ләкин шуна чаклы районны сакларга кирак (А. Алиш) / Его мнение изменится, но до тех пор район нужно защищать [ПКТЯ].

(71) Дөрөс, аңарчы немецлар аны тикшергән, ләкин кирэк чакта алар киресен дә әйтә беләләр ич (Г. Әпсәләмов) / Правда, до этого его проверяли немцы, но при необходимости они умеют говорить и наоборот [ПКТЯ].

(72) Буага килеп житэрэк, Өлфәт шып туктады (А. Тимергалин) / Дойдя до запруды, Альфат вдруг остановился [ПКТЯ].

(73) Килеп житэр житмәс ишекләр ачылды (Казан утлары) / Едва дошли вроде, и двери отворились [ПКТЯ].

По количественным данным можно предположить, что придаточные времени с семантикой предшествования более частотны, хотя нет возможности учесть все спаянные предложения.

Русский язык

Предлог *до*

Это предлог очень обширной семантики.

(1) Если я начну, то это *до* утра... [Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (21.12.2007) [НКРЯ].

(2) Потом тушили свет, в блаженной тишине засыпали, а мыши где-то сражались, отважно выживали *до утра* [Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001] [НКРЯ].

(3) Я наблюдал, как она торгует билетами, и просидел *до вечера* [Кио И.Э. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)] [НКРЯ].

(4) Он нашел талантливого архитектора Юлиана Шварцбрейма и занимался делами строительства *с утра до вечера* [Кио И.Э. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)] [НКРЯ].

(5) Клинтона оставили на посту *до января* 2001 года [Вирабов И.Н. Андрей Вознесенский (2015)] [НКРЯ].

(6) Вплоть *до марта*-апреля сравнительно неплохую динамику демонстрировала промышленность [Ивантер А., Клепач А. Длинные, эмиссионные, меченые // Эксперт. 2015] [НКРЯ].

(7) В Усть-Кутском, Братском, Нижнеилимском и Бодайбинском районах, в г. Бодайбо, 20–25 малышей из 1000 родившихся (по области — 15) не дожили *до одного года* и умерли [Север Приангарья: проблемы, тенденции, перспективы развития (2004) // Вопросы статистики. 25.03.2004] [НКРЯ].

(8) Это, впрочем, и не мудрено, ибо *до работы* в театре Антон служил в пожарной команде, где играл на трубе [Булгаков М.А. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937)] [НКРЯ].

Таблица 7 / Table 7

Показатели частотности сочетаемости предлога *до* /
Frequency indicators of collocations with the preposition *do* / *before*

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>до</i> / <i>before</i> , <i>till</i> , <i>until</i>	793 940
<i>до вечера</i> / <i>until the evening</i> (3)	5788
<i>до утра</i> / <i>until the morning</i> (2), (1)	4452
<i>с утра до вечера</i> / <i>from morning till the evening</i> (4)	2228
<i>до января</i> / <i>until January</i> (5), <i>до марта</i> / <i>until March</i> (6)	216, 195
<i>до одного года</i> / <i>till one year</i> (7)	228
<i>до работы</i> / <i>to the workplace</i> (8), <i>часто означает место работы</i> / <i>means the place of the work</i>	371

Как можно заключить на основе данных табл. 7 (очень высокая частотность функционирования из-за многозначности — 793 940), полученных из корпуса, сочетаемость с вечерним периодом суток на 100 больше (5788), чем с утренним (4452), при общей преференции к темпоральным существительным. Комбинации с определенным интервалом (228) и названием месяца (216) представлены одинаково в количественном отношении, тогда как с процессным существительным немного превосходят (371). Сочетания с указанием границ интервала (2228) отличаются высокой частотностью.

(9) Было так весело, драйвово, успевали и учиться, и гулять *до пробуждения всего города* [Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011)] [НКРЯ].

(10) Знакомство Лаврова с Ершовым состоялось еще *до появления Алгола-60* [Дубова Н. Орбита Лаврова // Computerworld. 2004] [НКРЯ].

(11) Как же я был счастливо волен на потрепанной «Десне», преодолевая путь от станции метро «Войковская» *до Красной площади!* [Форум: Горный двухподвесочный (2010)] [НКРЯ].

(12) Немного слов о Сергее и Вере. Их история зацепила *до слез* [Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008–2011)] [НКРЯ].

Анализ 100 примеров показал, что пространственная локализация составляет 60 % (11), выражение степени — 30 % (12), временное значение — 10 %. Нами отмечено частое функционирование в составе союзов и с процессными существительными (9), (10).

Предлог *перед*

Это предлог очень обширной семантики.

(13) На охоту поехал я один и *перед вечером* завернул к Хорю [Тургенев И.С. Хорь и Калиныч (1847)] [НКРЯ].

(14) *Перед утром* Пашута, не раздеваясь, прилегла ненадолго, чтобы обмануть отдыхом тело, особенно ноги, которые придется в этот день таскать без жалости [Распутин В. В ту же землю... (1995)] [НКРЯ].

(15) *Перед январем* (1817 года) я осмелилась напомнить Императрице относительно пенсии, назначенной ею г-же де Бомон [Шумигорский Е.С. Записки Н.В. Головиной [перевод с французского] (1900)] [НКРЯ].

(16) Петрова подозревала, что они пьют *перед работой* что-нибудь седативное или курят траву всем коллективом [Сальников А.Б. Петровы в grippe и вокруг него // Волга, 2016] [НКРЯ].

(17) Осенью 1899 года, *перед годом* нашего отсутствия из Петербурга, Д.С. говорил с людьми, дружелюбно к нему относящимися [Гиппиус З.Н. Он и мы (1943)] [НКРЯ].

Таблица 8 / Table 8

Показатели частотности сочетаемости предлога *перед* /
Frequency indicators of collocations with the preposition *перед* / *before*

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>перед</i> / <i>before</i>	235 104
<i>перед вечером</i> / <i>before the evening</i> (13)	868
<i>перед утром</i> / <i>before the morning</i> (14)	153
<i>перед январем</i> / <i>before January</i> (15)	2
<i>перед годом</i> / <i>before the year</i> (17)	1
<i>перед работой</i> / <i>in front of the workplace</i> (16), часто означает место работы / <i>means the place of the work</i>	172

Согласно данным табл. 8 (высокая частотность функционирования — 235 104), полученным из корпуса, сочетаемость с вечерним периодом суток в 6 раз больше (868), чем с утренним (153), при общей преференции к темпоральным существительным. Комбинации с процессным существительным (172) и с определенным интервалом (1) и названием месяца (2) практически отсутствуют.

(18) Хотя проект «Лафет» мог бы быть их звездой: *перед выходом* Аватара, по-моему, я был один на стороне стерео [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)].

(19) Обычный человек в Германии имеет панический страх *перед Россией* [Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008–2011)].

Анализ 100 примеров показал, что функционирование *перед* процессным существительным встречается часто — до 50 % (18), а с темпоральными существительными — до 20 %.

Предлог *к*

(20) Да и Младшенький «прикурить» больше дает, *к вечеру* все устаем: -). (с транслита) [Наши дети: Подростки. 2004] [НКРЯ].

(21) *К утру* Ирина приняла решение: Алю — к матери [Токарева В. Своя правда // Новый Мир. 2002] [НКРЯ].

(22) Только *к январю* 1919 года обозначился решительный перелом операции в нашу пользу [Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. IV: Вооруженные силы Юга России. 1922] [НКРЯ].

(23) *К концу года* комбеды упразднили и восстановили советы [Бару М.Б. Таракан на канате // Волга. 2016].

(24) Студенты *к началу работы* завершили изучение дисциплин «Рынок ценных бумаг» [О структуре и содержании учебного курса «статистика фондового рынка» // «Вопросы статистики», 28.10.2004].

Таблица 9 / Table 9

**Показатели частотности сочетаемости предлога *к* /
Frequency indicators of collocations with the preposition *K* / *to***

Послелог и его коллокации с семантикой предшествования / Postposition element and its collocations with the semantics of precedence	Показатели частотности / Frequency indicators
<i>к</i> / <i>to</i>	2 149 432
<i>к вечеру</i> / <i>to the evening</i> (20)	12 334
<i>к утру</i> / <i>to the morning</i> (21)	3103
<i>к январю</i> / <i>to January</i> (22)	144
<i>к году</i> (только в значении возраста или срока) / <i>to the year</i> (in the meaning of age or time)	169
<i>к концу года</i> / <i>to the end of the year</i> (23)	569
<i>к работе</i> (только в непроцессном значении) / <i>to the work</i> (in non-process meaning)	3998
<i>к началу работы</i> / <i>to the work</i> (in non-process meaning)	23

Согласно данным табл. 9 (высшая частотность функционирования — 2 149 432), полученным из корпуса, сочетаемость с вечерним периодом суток в 4 раза больше (12 334), чем с утренним (3103), при общей преференции к темпоральным существительным. Комбинации с процессным существительным как выражение начала процесса (23) отличаются низкой частотностью, тогда как сочетания с определенным интервалом как его концом представлены широко (569), им уступают сочетания с названием месяца (144).

Анализ дистрибуции крайне сложно сделать ввиду многозначности.

**Придаточные предложения с семантикой
предшествования в русском языке**

Количественное распределение союзных выражений предшествования в русском языке выглядит следующим образом: *до тех пор, пока* (25) — 8285, *до того, как* (26) — 3958; *перед тем, как* 3904.

(25) Так было *до тех пор, пока* Ванг не нашел «свою тему» [Черняк Л. Три ошибки Доктора // Computerworld. 2004].

(26) Хотя она умерла *до того, как* я родился [Гришковец Е. ОдноврЕ-мЕнно (2004)].

(27) *Перед тем как* отрабатывать технику пересадки донорского сердца человеку, Барнард прилетал в Москву [Маева А. Дар на всю жизнь // Здоровье. 1999.03.15].

(28) Очень хороший армянский художник рисовал мой портрет, и в ночь *перед тем, как* он должен был его закончить, мой папа получил первый инфаркт [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

(29) Юрий Рост сделал потрясающие фотографии, и *перед тем, как* он начал снимать, Иегуди закричал [Спивакова С. Не всё (2002)].

После союзного выражения *перед тем, как* всегда следует инфинитив — 80 %, далее по частотности 20 % — простые придаточные.

Заключение

В обоих языках послелогои / предлоги и послеложные слова отличаются высокой частотностью функционирования. В обоих языках преференция к выражению предшествования к вечернему времени суток, что логически объяснимо.

В татарском языке присутствуют и послеложные слова. Семантика предшествования во времени коррелирует с семантикой предшествования в пространстве, третьим добавочным значением является соразмерность, сравнение по размеру. *Послелог кадар* сочетается с процессными существительными и с темпоральными существительными, эти сочетания представлены относительно равномерно. *Послелог тикле / до* реализует пространственное и временное значения предшествования паритетно. *Послелогои хәтле / вплоть, чаклы / до* реализуют значение сравнения, соразмерности с чем-либо (80 %), и только 5 % актуализируют значение предшествования интервалу времени. *Послеложное слово элек / прежде* в основном сочетается с темпоральными субстантивами с указанием интервала предшествования, при этом продолжительность интервала представлена количественно равномерно. *Послеложное слово алдыннан / прежде* демонстрирует преференциальную сочетаемость с причастиями на *-ыр* или *-эр* (40 %).

В русском языке предлоги многозначны и имеют крайне высокую частотность функционирования, то есть семантика предшествования является только одним из значений. Они часто реализуют значение степени проявления и многие другие. *Предлог до* одинаково сочетается с темпоральными субстантивами с указанием интервала и с названием месяца, вместе с тем немного более частотны. Пространственная локализация составляет 60 %, выражение степени — 30 %, временное значение — 10 %. *Предлог перед* функционирует перед процессными существительными с частотой до 50 % (18), а с темпоральными существительными — до 20 %. *Предлог к* демонстрирует общую преференцию к темпоральным существительным.

В обоих языках семантика предшествования в сложных предложениях реализуется союзными выражениями, включающими послелого и предлоги той же семантики. В татарском языке присутствуют придаточные и спаянные, а в русском языке представлены только придаточные предложения.

Список литературы

1. Сайфулина Ф.С., Мингазова Л.И. Стратегии перевода татарской литературы на тюркские языки: история и современное состояние // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 659–672. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-4-659-672>
2. Кузнецов М.Ю. Определение основы татарского глагола по его инфинитиву // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 249–260. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-249-260>
3. Зарипова И.Ф. Роль послелогов в системе подчинительной связи слов в татарском языке // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 14–17.
4. Татарская грамматика: в 2 томах. Т. 2. Казань: Матбураг йорты, 1998.
5. Хасанова М.С. Таксис следования в русском и татарском языках: функционально-семантические соответствия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 96–100.
6. Хасанова М.С. Средства выражения независимого таксиса следования в разноструктурных языках (на материале русского и татарского языков) // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 11. № 3. С. 123–126.
7. Сай С.С. Динамика развития обстоятельств времени со значением предшествования на интервал в русском языке // Избыточность в грамматическом строе языка / под ред. М.Д. Воейковой [Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, том VI, часть 2]. СПб.: Наука, 2010. С. 131–183.
8. Рахматуллина Д.Э. Референциальные особенности английских предлогов с фразовыми глаголами в высказывании с семантикой временного следования // Вестник ННГУ. 2009. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/referentsialnye-osobennosti-angliyskih-predlogov-s-frazovymi-glagolami-v-vyskazyvanii-s-semantikoy-vremennogo-sledovaniya> (дата обращения: 11.01.2024).
9. Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительное исследование категории квантификационно-детерминированной полиситуативности в неродственных языках (на материале французского и татарского языков): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дис. ... ученой д-ра филол. наук. Казань, 2011. 531 с.
10. Каримова Д.Э. Выражение отношения предшествования в СПП с придаточной частью времени в русском языке (на материале художественных произведений русских писателей) // Science and innovation. Vol 1. No. 7. UIF-2022: 8.2 | ISSN: 2181-3337
11. Каримов Н.А. Способы связи предложения в СПП с придаточным времени в русском языке (на материале повестей и рассказов И.А. Куприна) // Вестник Педагогического университета. 2020. № 7. С. 45–55.
12. Гиниятуллина Л.М. Функция союзов в сложном синтаксическом целом в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1434–1438.

References

1. Saifulina, F.S., and L.I. Mingazova. 2023. “Strategies for translating Tatar literature into Turkic languages: history and current state.” Polylinguality and Transcultural practices, vol. 20, no. 4, pp. 659–672. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-4-659-672>

2. Kuznetsov, M.Yu. 2023. “Determining the stem of a Tatar verb by its infinitive.” *Polylinguality and Transcultural practices*, vol. 20, no. 2, pp. 249–260. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-249-260>
3. Zariipova, I.F. 2009. “The role of postpositions in the system of subordinating connections of words in the Tatar language.” *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 14, no. 4., pp. 14–17. Print. (In Russ.)
4. Tatar grammar. In 2 vols. 1998. Vol 2. Kazan: Matburag Yorty publ. Print. (In Tatar).
5. Khasanova, M.S. 2013. “Taxis of following in the Russian and Tatar languages: functional-semantic correspondences.” *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, vol. 301, no. 10. *Philology. Art history*, issue 76, pp. 96–100. Print. (In Russ.)
6. Khasanova, M.S. 2010. “Means of expressing independent taxis of succession in differently structured languages (based on the Russian and Tatar languages).” *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 11, no. 3, pp. 123–126. Print. (In Russ.)
7. Sai, S.S. 2010. “Dynamics of development of time circumstances with the meaning of precedence by interval in the Russian language.” In *Redundancy in the grammatical structure of the language [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, vol. VI, part 2]*. Edited by M.D. Voeykova. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 131–183. Print. (In Russ.)
8. Rakhmatullina, D.E. 2009. “Referential features of English prepositions with phrasal verbs in statements with semantics of temporal sequence.” *Bulletin of UNN*, vol. 2, no. 6, pp. 333–337. Print. (In Russ.)
9. Lutfullina, G.F. 2011. “Comparative study of the category of quantification-deterministic poly-situationalism in unrelated languages (based on the French and Tatar languages).” *Dis. Dr. Philol. Sciences. Kazan*. Print. (In Russ.)
10. Karimova, D.E. 2022. “Expression of the relation of precedence in complex sentences with the subordinate part of time in the Russian language (based on the material of literary works of Russian writers).” *Science and innovation*, vol. 1, no. 7. Print. (In Russ.)
11. Karimov, N.A. 2020. “Ways to connect a sentence in complex sentences with subordinate tenses in the Russian language (based on stories and Russian stories by I.A. Kuprin).” *Bulletin of the Pedagogical University*, no. 7, pp. 45–55. Print. (In Russ.)
12. Giniyatullina, L.M. 2022. “The function of conjunctions in a complex syntactic whole in the Tatar language.” *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, vol. 15, issue 5, pp. 1434–1438. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет, Российская Федерация, 420066, Казань, ул. Красносельская, д. 51. eLibrary SPIN-код: 9879-1962. AuthorID: 688897. Scopus: 5611463120. Web of Science: O-8604-2015. ORCID: 0000-0003-1572-5314. E-mail: Gflutfullina@mail.ru

Bio note:

Gulnara F. Lutfullina is a Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Kazan State Energy University, 51 St. Krasnoselskaya, Kazan, 420066, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 9879-1962. AuthorID: 688897. Scopus: 56114631200. Web of Science: O-8604-2015. ORCID: 0000-0003-1572-5314. E-mail: Gflutfullina@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-428-440

EDN: QUYVYS

Научная статья / Research article

Фонетико-семантические особенности татарской лексемы *ик* и баскской *hegi*: опыт сопоставительного анализа

Д.Д. Сулейманова

Издательский дом «Республика Башкортостан», г. Уфа, Российская Федерация

✉ dilbar.bulatova@yandex.ru

Аннотация. Для выяснения возможных этимологических связей татарской лексемы *ик* ‘край, конец’ и выявления диахронических закономерностей в синхронии автор рассматривает ряды лексем, близких по семантическим и фонетическим признакам (парные *ик-чик* ‘конец и край’, *жсек* ‘шов, стык’, *иң* (**egin*) ‘плечо’, *жиң* ‘рукав’ и др.), обозначив их как «фонетико-семантические сближения» и объединив в «фонетико-семантическую группу» (ФСГ). Отсутствуют специальные работы, изучающие происхождение, причины происхождения подобных групп лексем, типы отношений между их элементами. Исследование ФСГ могло бы содействовать анализу этимологически сложных лексем и выявлению системных связей в лексике, что обуславливает актуальность работ по данной проблематике. В целях изучения вопроса о существовании ФСГ в других разноструктурных языках привлечен материал баскского языка (лексемы *hegi* ‘край, граница’, *hegal* ‘крыло, край’, *magal* ‘крыло, склон’ и др.). На материале из этимологических и других словарей татарского, башкирского, русского, баскского, тюркских, алтайских языков были рассмотрены основы типа VK- и часть дериваций структуры CVK- с начальными /й-/жс-, м-, ч-, т-/ в татарском и анлаутными /h-, т-/ – в баскском языках. Выдвигается гипотеза о том, что фонетико-семантические сближения в татарском языке могут представлять собой установившиеся в виде самостоятельных лексем родственные основы. В результате применения комплекса методов, совмещающего приемы сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического анализа, автор приходит к выводу, что в развитии фонетико-семантических групп, кроме семантических дериваций, принимали существенную роль фонетические способы словообразования. Это тюркский аблаут, сингармонический параллелизм (палатализация основы), редупликация, представляющие собой реликты доагглютинативного периода развития тюркских языков.

Ключевые слова: татарский язык, баскский язык, тюркский аблаут, сингармонический параллелизм, этимология, лексика, семантика, словообразование, морфонология, фонетико-семантическая группа (ФСГ)

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сулейманова Д.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сулейманова Д.Д. Фонетико-семантические особенности татарской лексемы *ик* и баскской *hegi*: опыт сопоставительного анализа // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 428–440. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-428-440>

Phonetic-Semantic Features of the Tatar Lexeme *ik* and Basque *hegi*: Experience of Comparative Analysis

Dilbar D. Suleimanova^{ORCID}

Publishing House “Republic of Bashkortostan”, Ufa, Russian Federation

✉ dilbar.bulatova@yandex.ru

Abstract. To clarify possible etymological connections of the Tatar lexeme *ik* ‘edge, end’ and identify diachronic patterns in synchrony, the author considers a series of lexemes that are similar in semantic and phonetic characteristics (paired *ik-şik* ‘end and edge’, *żek* ‘seam, joint’, *iŋ* (**egin*) ‘shoulder’, *żiŋ* ‘sleeve’, etc.), designating them as “phonetic-semantic convergences” and combining them into a “phonetic-semantic group” (FSG). There are no special works studying the origin, reasons for the origin of such groups of lexemes, types of relationships between their elements. FSG research could contribute to the analysis of etymologically complex lexemes and the identification of systemic connections in vocabulary, which determines the relevance of work on this issue. In order to study the question of the existence of FSG in other differently structured languages, material from the Basque language was used (lexemes *hegi* ‘edge, border’, *hegal* ‘wing, edge’, *magal* ‘wing, slope’, etc.). Using material from the etymological and other dictionaries of the Tatar, Bashkir, Russian, Basque, Turkic, Altai languages, the basics of the VK- type and part of the derivations of the CVK- structure with initial /j-/ż-, m-, ş-, t-/ in Tatar and anlaut /h-, m-/ in Basque languages. The hypothesis is put forward that phonetic and semantic convergences in the Tatar language may represent related bases established in the form of independent lexemes. Because of the application of a set of methods combining techniques of comparative historical and comparative typological analysis, the author concludes that in the evolution of phonetic and semantic groups, in addition to semantic derivations, phonetic methods of word formation played an essential role. These are Turkic ablaut, synharmonic parallelism (palatalization of the base), reduplication, which are relics of the pre-agglutinative period of the development of the Turkic languages.

Key words: Tatar language, Basque language, Turkic ablaut, synharmonic parallelism, etymology, vocabulary, semantics, word formation, morphonology, phonetic-semantic group (FSG)

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Suleimanova, D.D. 2024. “Phonetic-Semantic Features of the Tatar Lexeme *ik* and Basque *hegi*: Experience of Comparative Analysis.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 428–440. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-428-440>

Введение

Этимология татарской лексемы *ик* ‘край, конец’ затруднена ввиду ее односложной структуры и абстрактной семантики. Р.Г. Ахметьянов указывает на возможные связи *ик* с соматизмом *иң* (< пратюркское **egin*) ‘плечо’, частицей суперлатива *иң* ‘наиболее, самый’, лексемой *жик* ‘стык; щель на стыке; шов’,

однако данные предположения и факт наличия ряда других близких по структуре и семантике лексем требуют более детального рассмотрения.

Для обозначения подобных лексических единиц введены понятия «фонетико-семантических сближения» и «фонетико-семантическая группа» (ФСГ). Их исследование направлено на выявление диахронических закономерностей в синхронии и опирается на следующие положения: фонетико-семантические сближения¹ — это близкие по фонетическим и семантическим характеристикам генетически связанные между собой реликтовые основы, установившиеся в результате старых (доагглютинативных) способов словообразования (тюркский аблаут, сингармонический параллелизм, префиксация, редупликация и др.). Обращение к фонетико-семантическим сближениям встречается в этимологических словарях, когда, кроме анализа межъязыковых и междиалектных соответствий, для сравнения используется собственный (синхронический) материал языка. В отличие от лексико-семантических групп ФСГ позволяют использовать для анализа различные части речи, реконструировать словообразовательные парадигмы и цепочки.

В исследовании ставится цель обзора ФСГ, включающей татарскую лексему *ик* ‘край, конец’ и ее фонетико-семантические сближения в значениях ‘верхняя часть туловища’, ‘направление’, ‘склон’, ‘кромка ткани’ и др. Применен комплекс методов, совмещающий приемы сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического анализа. Сопоставление с баскской лексемой *hegi* ‘край, граница’ и ее фонетико-семантическими сближениями дает возможность проследить пути развития соотносительных по семантике и структуре лексем на примере разноструктурных языков.

Материалом выступили лексемы, извлеченные из этимологических и других словарей татарского, башкирского, русского, баскского, тюркских языков. Частое обращение к примерам из башкирского языка основано на близком родстве и тесных языковых контактах с татарским языком.

В современном литературном татарском языке лексема *ик* ‘край, конец’ употребляется в составе парного слова *иксез-чиксез* ‘бесконечный, бескрайний; неисчислимый’ и фразеологических оборотах *иге-чиге юк* ‘нет конца-края’, *иге дә юк, чиге дә юк* ‘нет ни конца, нет ни края’. Алтайскими соответствиями тат. *ик* ‘край, конец’ (тур. *а́к, е́к* ‘край, шов; край раны; воротник’, турк. диал. *эк, эң* ‘даль, горизонт’) выступают монгольское *ег* ‘край, передний, граница, к которой стремятся’ ~ корейское *jek*², что свидетельствует об устойчивости структуры (VK), взаимосвязи абстрактных и конкретных значений, структуре корня типа CVK.

В татарском языке изменение $k > ɣ$ характерно для стыка морфем: *ик* ‘край’ — *иге* ‘его (ее) край’; тат. *һ* ~ башк. *ɣ* спорадически на стыке морфем:

¹ В тексте выделены курсивом и полужирным шрифтом.

² Эхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 296.

тат. *аңа* ~ башк. *уға* ‘ему, ей’. С учетом сосуществования форм *эк*, *эң* ‘даль, горизонт’ в туркменских диалектах необходимо рассматривать проблему соответствий в С₂ средне- и заднеязычных (*к*, *ç*) и сонантов (*н*, *ң*), характерных для ряда фонетико-семантических сближений тат. *ик* ‘край, конец’: *ян* ‘бок’ — *яңак* ‘щека’ — *як* ‘сторона’, *иң* ‘плечо’ — *жиң* ‘рукав’ — *жик* ‘шов’. Так, в настоящей статье для допратюркского состояния тат. *ик* реконструируются гипотетическая праформа *CVN-V-K и ее возможные рефлексy в виде сингармонических параллелей: **-an* -K - > **-en* -K - (-*ең* -/-*ек* -; -*иң* -/-*ик* -; -*әң* -/-*әк* -); аблаутных основ **-on* -K -/**-un* -K - (-*оң* -/-*ок* -; -*уң* -/-*ук* -; -*ың* -/-*ык* -); сингармонических аблаутных основ -*өң* -/-*өк* -; -*үң* -/-*үк* -. Также рассмотрены основы с начальными *й* -/*ж* -, *м*-, *ч*-, *т* -, по мнению автора, являющимися начальными морфофонемами (реликтовыми префиксами) в составе тюркских основ.

Результаты и обсуждение

Татарское *ик* ‘край, конец’

Тюркский аблаут. А.Ю. Гаджиева, опираясь на исследования Н.А. Баскакова и Б.А. Серебренникова, отмечает аблаутные изменения *ī* ~ *i*, *a* ~ *i*, аффиксальный аблаут, фузионные элементы *-l* и *-t* в тюркских языках и считает, что тюркские языки “в ранний период своего развития демонстрируют относительное изобилие внутрифлективных и фузионных элементов” [1. С. 314].

Промежуточный аблаутный рефлекс тат. *ик* ‘край, конец’, объяснимый деривацией ‘край, окраина’ > ‘движение с одного края (конца) в другой’, мог сохраниться в татарском *ык*³: ‘1) течение, движение сплошной массы, укрытие, направление по ветру; 2) укромное место; место в отшибе’, ср. башкирское диалектное (далее — БД, с указанием страницы в словаре⁴) БД₄₀₄ *ык* ‘направление’; ДТ₃₆₃ *оурау* ‘место, куда стремятся, цель; изгиб, седловина’; башк. глаголы *уктал*-, *ынтыл*- ‘стремиться’.

Корень *ак*- вычленяется в составе семантически близкого тат. *актык* ‘крайний, последний, конечный’ в БД₁₈ *акый заман* ‘давным-давно’; тат. *аулак* < пратюркское (далее — ПТ, с указанием страницы в словаре⁵) ПТ₂₇₆ **aglak* ‘укромное, уединенное, далекое место’, ср. БД₄₂₄ *әкәл* (*сиккә етеү*) ‘дойти до предела’.

Корни с назальным сонантом и аблаутом могут быть представлены в тат. *уң* < ПТ₃₀₅ **oŋ* ‘правый; лицевой’. В сочетании *куз уңында тот*- ‘иметь в виду’, досл. ‘держат перед глазами’ сохранилось значение ‘передняя сторона, перед’.

³ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 502.

⁴ Башкорт теленең диалекттары һүзлеге = Диалектологический словарь башкирского языка. Өфө: Китап, 2002.

⁵ Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Brill Academic Pub, 2003.

Значение ‘направление, сторона’ получило развитие в тат. **уңай**, татарском диалектном (далее — ТД, с указанием страницы в словаре⁶) ТД₇₉₈ **ыңгай**, ТД₅₀₄ **оңгай**, БД₉₉ **иңгай** ‘попутный, направление’.

Еще одним ранним способом словообразования в тюркских языках выступает **сингармонический параллелизм или палатализация основы**, различные аспекты которого обсуждаются в трудах А.М. Щербака, Дж.Г. Киекбаева, Ф.А. Ганиева и др. К примеру, в башкирской топонимии зафиксированы сингармонические варианты оронимов *Бакал* ~ *Бәкәл*, *Бакай* ~ *Бәкәй* [2. С. 191].

К сингармоническим параллелям тат. **уң** можно отнести тат. **юнь** ‘направление; толк’ < ПТ₁₀₅₅ **öŋ*/**oŋ* ‘перед, восток; внешняя сторона; цвет; лицо’, **уңгә** ТД₆₉₁ ‘другой’, БД₃₆₂ ‘кроме’ (ПТ₁₁₆₂ **öŋi*) (ср. семантическую деривацию рус. *кроме* и *край*).

Глаголы движения. ТД **ык-7** ‘идти или лететь по ветру, плыть по течению’ содержит идею направления движения по наклонной плоскости. Включение тат. **редупликатов ык-мык** в зн. ‘колебаться’, **икеле-микеле** ‘уклончивый; двойственный’ в рассматриваемую ФСГ возможно при допущении дериваций ‘край’ > ‘бросаться в крайности’ и ‘край’ > ‘два края’ > число *ике* ‘два’. (Ср. парные баск. *aiko-maiko* ‘нерешительность, неопределенность’.)

Семантика нижеследующих глаголов структуры *VK-/VG-* связана с идеей движения вверх-вниз: **ау-** ‘валиться’, ТД₂₀ **агын-** ‘подниматься, взбираться; перелезть через забор, валяться на спине’, древнетюркское (далее — ДТ, с указанием страницы в словаре⁸) ДТ₁₆ **ау-** < ПТ₄₉₄ *(*i*)*āg-* ‘подниматься’. Произошло объединение глаголов в значениях ‘восходить’ и ‘заходить’ “в один корень-основу **a:γ-*, означающий (первоначально) движение через горы с подъемом/восхождением и спуском/схождением”⁹.

С учетом соответствий срединных среднеязычных и носовых фонем, анлаутных, аблаутных изменений, в искомой ФСГ можно рассматривать тат. **югары**, ДТ₂₇₃ **joqaru**, ДТ₂₈₄ **jügärü** ‘вверх, наверх’ < ПТ₆₁₄ **jüg-* ‘вверх, наверх; подниматься; холм; высокий’; тат. **йөген-** < ПТ₈₇₈ **jükün-* ‘склонять колени’ < ПТ₁₁₆₈ **ök-* ‘падать, склоняться’ и др.

В словарных статьях **a:γ-* ‘подниматься’ и **a:γ-* ‘свешиваться’ в качестве первичных приводятся основы с сонантом: *a:ŋ-* ‘поднимать(ся)’ и ‘сваливаться’. Сонант в С₂ дает возможность привлечь следующие аблаутные и палатальные основы: тат. **уң-** ‘уродиться, удаваться’, **иң-**, ДТ₁₇₃ **ep-** ‘спускаться, падать (о снеге)’; **жиң-** ‘побеждать, взять верх’.

⁶ Татар теленең зур диалектологик сүзлеге = Большой диалектологический словарь татарского языка. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.

⁷ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 502.

⁸ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

⁹ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 69–70.

Естественными ориентирами границ в местности могли выступать высокие сооружения: узб. диал. *о̣к* ‘колонна, столб’, сравниваемая с тат. *у̣кча* ‘пятка, каблук’, при этом БД₃₆₂ *у̣ңса* ‘каблук’.

Парные слова. На первый взгляд, парное слово *иксез-чиксез* содержит ч-редупликат лексемы *ик*. Однако тат. *чик* (чув. *чикё*, тат. уст. *чигәрә* > *чек ара*¹⁰ < ПТ₄₂₆ **čigir*) ‘граница’ относится к активной лексике.

На этимологическую *n* в С₂ указывают ТД₅₇₅ *сиңер* ‘мыс, предгорье, холм’ (ср. БД₃₆₂ *у̣ңер* ‘холм’), БД₂₇₆ *сиң* ‘граница, край; около’, ср. также тат. *соң* ‘конец’, *сул*, ТД *суң* ‘левый (север, зад)’¹¹.

Выявляется ряд соматизмов, соотносимых с тат. *чик* ‘граница’: башк. *соңка* ‘затылок’ (ср. ТД₂₁₃ *иңса* в том же зн.); ТД₇₅₆ *чогыр* ‘плечо’; тат. *чигә* < ПТ₄₃₈ **čeke* ‘щека’.

Соответствия типа VN ~ CVN указывают на такое явление в тюркских языках, как начальные морфофонемы [З. С. 116–122].

Модели основ с первичными и производными основами наиболее отчетливо выявляются в парных словах с редупликатами. Реликты начальных морфофонем находят отражение в системе указательных местоимений: *анда* ‘там’, *монда* ‘здесь’, *шунда* ‘там’, *анда-монда* ‘там-сям’. Вопрос о связи указательных местоимений с лексемами в зн. ‘сторона, направление’ требует специального изучения.

Упомянутая в работе Г.К. Валеева башк. *бәкәл* ‘бабка, щиколотка’, имеющая множество диалектных сингармонических вариантов *йәкәл*, *шәкәл*, *бакай*, *сакалак* и др. [2. С. 190], ср. тат. *чәкән*, также имеет отношение к рассматриваемой ФСГ. В их развитии важную роль играли начальные морфофонемы как реликт доагглютинативной системы словообразования.

Послелог. Аблаутным вариантом тат. *чик* может являться тат. *чак* ‘время, момент; предел’, от которого, по мнению Р.Г. Ахметьянова, были образованы послелог тат. *чаклы*, ТД *чикле* ‘до (кого, чего, какого времени)’¹². Ср. тат. *чагыл* ‘холм, склон горы’, БД₂₆₉ *саңгайа* ‘высокая голая гора’.

ТД₇₄₉ *чикле* также можно рассматривать в связи с тат. *тикле* (ТД *тин*, *тиң*, *тийёнтён*, ср. ДТ *tegi*, *teki*, *tegin*, *mägru*) ‘до (самого)’, по мнению Р. Ахметьянова, восходящим к некому общему существительному, однокоренному с *тий-* ‘достичь, дотрагиваться, касаться’¹³. Вероятно, что этот же корень сохранился в ТД *тәңкәл* ‘терраса’, тат. *төкәтмә* ‘пристройка’, тат. *текмә* ‘забор из кольев’, ср. ДТ₁₆₆ *egtä* ‘арка, свод дома’.

Соматизмы. Рассматривая историю соматизма *иң* (< ПТ₄₉₅ **egin* ‘плечо’), сиб. тат. *ән*, *ән* ‘плечо, загривок; ширина’, Р. Г. Ахметьянов предполагал, что

¹⁰ Ахметьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 434.

¹¹ Там же. С. 168, 163.

¹² Там же, с. 403, 435.

¹³ Там же, с. 263.

он может представлять собой окаменевший инструментальный падеж *ик* ‘край, границ’¹⁴. Древний характер соответствия $\eta \sim g$ подтверждают ДТ₁₆₆ *egin*, ДТ₁₆₆ *egnin*, ДТ₁₇₅ *ejin* ‘плечо’.

Э.В. Севортян считает, что тюрк. *egin* ‘плечо (лопатка, рука, рукав); задняя сторона (спина, хребет); тело; одежда; кровля, крыша’ образовано от глагола *eg-* ‘гнуть(ся)’, в более старой форме *eη-*, основываясь на узб. диал. *eñil*, уйг. *añil* ‘плечо’; тур. диал. *eğa, eje* ‘ребро’ (ПТ₁₁₄₁ **ejekü* ‘бок, верхнее ребро’) < *eğ-* ‘гнуть’ отмечая, что: “старейшими... из форм следует считать *ejin*”¹⁵.

С учетом того, что тюркская срединная η восходит к сочетаниям **ny, ng, nq, nk* (М. Ряснен; Г.И. Рамстедт), еще более ранней следует считать основу, сохранившуюся в узб. *engil-бош* ‘одежда’ (тат. *иңбаш* ‘плечо’, дословно — ‘плеча-голова’), как элемент старого безаффиксного изафета, ср. также баск. *hegi-buru* ‘верхняя часть склона’, дословно ‘склона-голова’.

О корне типа *VN- свидетельствуют тат. уст. *өңгәл, үңгән* ‘холка (лошади)’, БД₃₆₂ *үңгән* ‘шея’ < ПТ₅₀₅ **ötgen* ‘верхняя часть груди’. Ср. горно-марийское *онг* ‘грудь’.

Семантическая деривация ‘грудь’ > ‘холм’ зафиксирована в БД₃₆₂ *үңер* ‘горловина (рубашки у платья), полы одежды; холм’, БД₃₆₂ *үңер һөйәк* ‘грудная кость’. Типологические параллели: рус. *грудь* — *гряда* ‘цепь гор’.

Об аффиксах -к и -н. Об аффиксальном характере элемента *k(g)* как реликтового показателя двойственного числа свидетельствуют татарские соматизмы: *аяк* ‘нога’, *беләк* ‘предплечье’, *колак* ‘ухо, уши’ и др. Вероятно, что *иң* < **ен-к* ‘плечи’ — это двойственное число от гипотетического **ен*, соответствующего БД₉₈ *ин* ‘плечо; ширина; метка; самый, в высшей степени’ (ср. баск., венгерское *-k* — аффикс мн. ч.).

Конечная *-n* присуща для ряда татарских соматизмов: *муен* ‘шея’, *ирен* (< *eger*¹⁶) ‘губы’ и может представлять собой показатель местного падежа, ср. ДТ₂₂₄ *jaçır* ‘лопатка’ и башк. *яурын* ‘плечо’. В баскском языке конечная *-n* присуща для глаголов, однако имеется лексема *idun (igun, irun)* ‘шея, горло, воротник (хомут)’, сравниваемая с баск. *igun, irun, idun, hugun, ugi* ‘рукоять (плуга)’.

Не исключено, что начальная *e-* могла установиться в результате протезирования общевразийского сонанта или метатезы (*nek-in* > *enek-in/enk-en* > *ejin/egin* > *eη/ek*), ср. эвенкийское *nikimna* ‘шея’ и английское *neck* ‘шея’. Далее последовала фрикатизация анлаута: турк. *чигин* ‘плечо’¹⁷.

¹⁴ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 306.

¹⁵ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 225–226.

¹⁶ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 310.

¹⁷ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 227.

Тат. иң ‘самый, наи-’. В словарной статье тат. *ик* ‘край, конец’ Р.Г. Ахметьянов делает отсылку к тат. *иң* (ПТ₃₀₀ **ең*) ‘самый, наи-’, сравнивая с монгольским *ең* ‘широкий, очень’, эвенским *энги, энгне*¹⁸ (ср. также кумыкское *ingde* ‘очень’, ‘сильный, самый’), по-видимому, основываясь на семантической деривации ‘край’ > ‘крайний’ > ‘широкий’ > ‘самый, очень’. Соответствие *ң ~ г* характерно и для данной подгруппы ФСГ: тат. уст. *иңез* ‘высь’ ~ уйг. *egiz* ‘высокий’.

Г. Вамбери рассматривает частицу тюркского суперлатива *ең* в составе своего рода ФСГ палатализированных основ *öң, öng, önd, ün, eng, ең* ‘перед, передний, высокий, передняя часть туловища, повышаться, расти’¹⁹.

Авторы ЭСТЯ допускают форму *аң* (по ранним текстам) и ранние корни вида **ан-г, *ен-г*, начальный согласный (по начальным фонемам *h-, j-, n-* в материале туркменского (*heң*), гагаузского (*heң*) и сарыг-югурского (*jeң*), хакасского (*niң*) языков)²⁰.

По их же мнению, уральские соответствия тюркской частицы суперлатива *ең* представлены удмуртским *ипо* ‘очень, много’, вогульскими *jäni, jenug* ‘великий, большой’²¹. При этом возможные тюркские аблаутные формы: алтайское *йаан, даан*, шорское *наан* ‘большой, великий’, ДТ₄₃ *анча* в зн. ‘так много’, парное ДТ₄₃ *анча-тунча* ‘много, очень’ остаются вне поля зрения. Редупликация лексем подобного значения прослеживается в баск. *handi* ‘большой, высокий’, *handi-mandi* ‘важный’; *anitz, hagitz* ‘много; очень’, *hagitz eta anitz* ‘много’.

Тат. й-основы в значении ‘бок, сторона, щека, склон, чужой’. Одной из производительных лексем является тат. *ян* ‘бок; сторона, место вблизи кого-чего’. Значение ‘склон’ содержится в ТД *яңгырак* ‘предгорье, отроги’ [З. С. 549]. О развитии тат. *янши(ә)* ‘рядом’ в результате палатализации основы свидетельствует БД₉₅ *йанаши* ‘парный’, об аблаутных изменениях — БД₁₂₆ *йунай* ‘боковые стороны позвоночника’, о палатализации — ТД₂₄₇ *йен* ‘затылок’.

Древний показатель мн.ч. -к обнаруживаются в тат. *яңак*, БД₁₀₅ *йагак* (ПТ₁₅₁₇ **јајһак*) ‘щека; наличник; челюсть, сторона’, ДТ₂₆₇ *јһақ* < ПТ₉₉₈ **јһақ* ‘сторона, направление’; БД₉₉ *иңәк* ДТ₁₇₄ *еңәк* ‘нижняя часть щеки; подбородок’, тат. *ияк* > ПТ₅₁₁ **ең* ‘подбородок’.

Следует считать более поздними тат. *як* < ПТ₁₅₄₂ **јәк* ‘бок, край, сторона’ (ср. ДТ₁₆₇ *ејәгү* ‘бок; склон горы’), тат. *якын* (**јауиқ*) ‘близкий’. Парные *ян-як* ‘окрестность’, *чит-ят* ‘чужой’ подчеркивают тенденцию использования в парных конструкциях родственных лексем со смежными значениями. Тат. уст.

¹⁸ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 306.

¹⁹ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 366.

²⁰ Там же. С. 366.

²¹ Там же.

ягы < ПТ₄₅₇ **jagi* ‘враг’ и тат. *ят* ‘чужой’, ТД *jaγit* ‘враг’ < ПТ₁₅₂₀ **jāt* ‘чужой’ относятся к гомогенным основам.

Тат *жәк* ‘шов’, *жиң* ‘рукав’. В словаре Р. Г. Ахметьянова приводится сравнение тат. *ик* ‘край, конец’ (ср. тур. *ек* ‘край, шов; край раны; воротник’) с тат. *жәк*²², ср. ТД₁₈₇ *жик*, ТД₂₄₆ *йек*, ТД₂₀₆ *ик* (< ПТ₈₇₇ **jīk*) ‘стык; щель на стыке; шов’.

Взаимосвязь значений ‘шея’, ‘край’, ‘стык, шов’, ‘воротник’ подтверждается рус. *край* ~ *крой* ~ *кроить* и *шить* > *шея* (Фасмер) и отражается в семантике лексем: БД₃₆₂ *үңер* ‘1) горловина (рубашки, платья), полы одежды; 2) холм’, БД₉₈ *иңербау*, БД₉₉ *иңгербау* ‘завязка, тесемка (у воротника рубахи)’.

Тат. *жәк* также коррелирует с тат. *жиң* (долганское *hieκ, hien*, ПТ₁₅₁₈ **jegn*) ‘рукав’, *жәй* ‘шов’, *жәп* ‘нить’, ТД *йү, йөй*, чув. *çěвё* ‘шить’ (ПТ₁₅₂₂ **jib*).

Аблаутное соответствие — *яка*, ТД₂₂₄ *яга* ‘ворот, воротник; сторона; край’, сравниваемое с древнеиранским *jax* > персидским *жуг* ‘хомут’ (рус. *уго*). Уст. *янка*²³ ‘воротник’ указывает на аффиксальный характер *-ка* (*янка* > *яка* > *яга*). Схожие аффиксы вычленяются в соматизмах *жшлкә* ‘плечо, холка’, *чөңкә* ‘затылок’, названиях одежды: ДТ₂₂₅ *јауқи* ‘плащ’. Рефлекс *-KV* типа *-SV* присутствует в ряде основ: тат. *иңсә* ‘часть спины между плечами’, *жиңсә* ‘рукав; шейка’, *үкчә* ‘пятка, пята’; в названиях одежды, украшений: *муенса* ‘ожерелье’, *чигәчә* ‘украшения на висках’, *изүчә* ‘нагрудник’.

В баскском языке имеются схожие словообразовательные модели: *idun* ‘шея, горло, воротник (хомут)’ — *iduneko* ‘бусы, ожерелье; воротник’; *hegi* ‘край’ — *hegitxo* ‘юбка’.

Баскское *hegi* ‘край, граница’

В баскском языке присутствует лексема, сопоставимая с тат. *ик* по семантике и фонетической структуре: *hegi* 1) край, граница, окраина, крайний, берег, предел; линия из гор; 2) склон холма; 3) гора; 4) угол, ребро, оконечность, перекресток; 5) вершина; 6) (*hegira, hegirat, hegian, hegiala*) возле, к, в; 7) место, площадь; 8) карниз, навес; 9) (*hei*) колонна, крыльцо, навес. Примеры из баскского языка и их значения здесь и далее приводятся по “Общему словарю баскского языка” (“Orotariko euskal hiztegia”)²⁴.

Этимология баскской анлаутной фонемы *h-* не установлена (интервокальная *h* < **n*) и является наиболее обсуждаемой. По мнению А. Мартине, анлаутная *h-* в баскском языке может являться рефлексом этимологических **p-*, **t-*, **k-* (цит. по [4. С. 244]). В пиренейских диалектах общепиренейская *h-* в части основ соответствует *g-*, *k-*²⁵. В заимствованиях латинская начальная *f-*

²² Ахметьянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 265.

²³ Ахметьянов Р.Г. Там же. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 535.

²⁴ Orotariko euskal hiztegia. URL: <https://www.euskaltzaindia.eus>. (дата обращения: 02.03.2024).

²⁵ Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque. University of Sussex, 2008.

отражается как *h-*. Баскская лексема *hegi* имеет конечный гласный, что характерно для фонотактики данного языка.

Производные основы баск. *hegika* ‘угол, край’, *hegipe* ‘галерея, убежище’, *hegiz-hegi*, *hegitik* ‘бок о бок’, *hegika(tu)* ‘отойти в сторону, приблизиться, закрыться’; *hegira(tu)* ‘согнуться’ свидетельствуют об устойчивости структуры корня и объяснимых семантических переходах.

Баскологи связывают происхождение баск. *hegi* с лексемой *tegi* ‘место’. К. Мичелена приводит ряд топонимов с *-(h)egi/-tegi*: *Arzanhegi*, *Gelhegieta* и *Berroztegieta*, *Salurtegi* [4. С. 246]. Р. Траск в словарной статье лексемы *hegi* делает отсылку к *tegi*²⁶. При этом баск. суффиксы *-toki*, *-oki* ‘место’ не включаются в сравнение.

М. Морван различает лексемы *(h)egi* ‘холм, хребет, край, место’ (< **eg*) и *hegi* ‘отвращение, ссора, вражда’ (< *hegi* ‘край, сторона, угол, уклон’)²⁷.

Возможные фонетико-семантические сближения. Семантика баск. *hegi* имеет сходства с комплексом значений баск. *hegal*: ‘1) защита, убежище; (*hego*, *ega*, *egaa*) крыло, плавник; 2) подошва горы, склон; 3) выступающая часть, карниз, край стола, поля шляпы (*hego* ‘парус’); 4) (*ega*) кромка, подол (одежды); 5) край, конец, бок, сторона; 6) крыльцо, выступ, фасад; 7) крылья носа; 8) *hegalak* две стороны ниже талии (бедра); 9) страница’. Р. Траск считает, что лексемы с *-l* в данном ряде образованы с помощью второй морфемы (сравнивая с баск. *egatz*, *egats* ‘длинные перья (у птиц), плавник’), и обращает внимание на семантическое развитие ‘крыло’ > ‘край’ > ‘подол’²⁸. М. Морван считает, что слово *hegal* возникло от глаголов *hega-/heda-* ‘расширять, увеличивать’²⁹.

Сходство значений омонимов *hego* ‘юг, южный ветер’ и *hego* ‘крыло; плавник, парус’, обусловленное тем, что крылья, как и ветер, позволяют парить, двигаться, позволяет отнести их к единому пракорню. Также объяснима взаимосвязь значений ‘юг’ (*hego*) и ‘сторона’ (*hegi*, *hegal*) (ср. типологическую параллель тат. *уң* ‘правый (о стороне)’ ~ якутское *иҥа* ‘южный’³⁰).

Заметим, что в упомянутых работах не учитывается возможное влияние лексемы *ala* (*aile*) ‘крыло’ из романских языков. Об аффиксальном характере конечного элемента *-l* могут свидетельствовать баск. соматизмы: гипусконское *ukal* ‘предплечье’, где *uka-* (*ukaai*, *ukare*, *ukai*) (обозначение руки или ее части); *bigel*, *gibel* ‘печень; поясница, задняя часть’.

²⁶ Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque. University of Sussex, 2008. С. 163.

²⁷ Morvan M. Dictionnaire étymologique de la langue basque. 2024. URL: http://projetbabel.org/basque/basque_dictionnaire_etymologique.pdf (accessed: 29.02.2024).

²⁸ Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque. University of Sussex, 2008. С. 162.

²⁹ Morvan M. Dictionnaire étymologique de la langue basque. 2024. URL: http://projetbabel.org/basque/basque_dictionnaire_etymologique.pdf (accessed: 29.02.2024). С. 211.

³⁰ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 457.

Редупликация. По единому мнению баскологов, *m*-редупликатом баск. *hegal* является *magal* в зн. ‘1) юбка, 2) (*madal*) лоно, колени, 3) (*madal*) грудь, 4) угол, убежище, защита; 5) склон, подошва горы, 6) (*hegal, hego*) крыло; 7) (*maal*) свисающая часть кожи у животных; 8) (*madal, maal*) ветвь дерева’.

Заметим, что антропоморфная метафоризация по типу ‘юбка’ — ‘подошва горы’ произошла в татарском языке: *tau utage* ‘подошва горы’, дословно ‘горы юбка’.

В целом все три рассмотренных баскских слова выступают синонимами в сочетаниях с *tendi* ‘гора’) в зн. ‘склон горы’: *tendi-hegi, tendi-hegal, tendi-magal*, подтверждая ранние связи значений ‘край’ — ‘склон (горы)’.

Р. Траск обращает внимание на деривацию ‘крыло’ > ‘край’ > ‘подол’ > ‘юбка’ > ‘убежище’ и подчеркивает отсутствие варианта **mago-*, тогда как слово-основа (*hegal*) может использоваться в вариантах *ega, ego*³¹.

Грамматикализацию баск. *hegi* отражают **послелог** *hegira, hegirat, hegian, hegiala* ‘возле, к, в’, используемые в падежных формах локатива (*tendi hegira* ‘возле горы’).

К. Мичилена отмечает соответствие *hegi* > (**h**)*igitu* > *ihitu* ‘двигаться’ [4. С. 64]. М. Морван соотносит баск. *higitu* с *tubitu* ‘двигаться’ и считает его заимствованием из романского *mover* в том же значении³².

В данном отношении баск. *magal* ‘склон горы’ можно было бы сравнить с близким по значению и структуре баск. *muga* ‘граница, барьер; ограничение; час, время, этап, повод; конец, предел; (*mua*) ограничение на территории, срок; в пределах; цель; (*mua*) возвышенность’, предположив словообразовательные пары: *hegi* ‘край’ — *hegitu* ‘двигаться’, *muga* ‘граница’ — *mugitu* ‘двигаться’.

Заключение

Обнаруживается множество фонетико-семантических сближений тат. *ик* ‘край, граница’, установившихся в сложных условиях межъязыковых, межтюркских связей. Соответствия гласных типа *a ~ y ~ ы; u/e ~ y/ø* в предполагаемых гомогенных основах можно объяснить аблаутными изменениями, соответствия *a ~ ə, y ~ y, o ~ ø, ы ~ e/u* — сингармоническим параллелизмом. Данные морфонологические явления, а также соответствия *н/ң ~ к/г* на стыке морфем требуют подтверждения на материале других ФСГ и развернутого теоретического обоснования. Начальные морфофонемы *й-/жç-, м-, ч-, т-* в татарских примерах и *h-, m-* в баскских словах, парные слова с редупликатами в составе рассмотренных ФСГ могут являться реликтами префиксального способа словообразования.

³¹ Trask R.L. *Etymological Dictionary of Basque*. University of Sussex, 2008. С. 162.

³² Morvan M. *Dictionnaire étymologique de la langue basque*. 2024. URL: http://projetbabel.org/basque/basque_dictionnaire_etymologique.pdf (accessed: 29.02.2024). С. 311.

Направленность развития семантических дериваций ('ребро, грудь, плечо, бок' > 'холм, склон, вершина' > 'край (чужой)' > 'двигаться' > 'убежище, укрытие' > 'часть одежды' и др.), грамматикализация в виде послелогов, тенденция к образованию парных конструкций в целом являются типологически схожими в тюркских и баскском языках. Если на примере исследованной части татарской ФСГ можно установить явный антропоцентрический характер развития дериваций ('шея, грудь, холка, плечи, бок' > 'край, сторона' > 'подниматься/спускаться'), то в баскском материале прослеживается связь значений 'бок, грудь' > 'крыло' > 'край' > 'летать'.

В следующих этапах исследования предполагается реконструкция моделей основ с начальными *б-/м-, к-, т-, с-* в татарском языке. Исследование ФСГ может являться перспективным направлением при изучении системных связей в лексике и морфонологии тюркских языков.

Список сокращений

- БД — башкирский диалектный
- ДТ — древнетюркский
- ДТ — древнетюркский
- ПТ — пратюркский
- ТД — татарский диалектный
- ФСГ — фонетико-семантическая группа
- баск. — баскский
- башк. — башкирский
- в зн. — в значении
- диал. — диалектный
- рус. — русский
- ср. — сравните
- тат. — татарский
- тур. — турецкий
- турк. — туркменский
- узб. — узбекский
- уйг. — уйгурский
- уст. — устаревший
- чув. — чувашский

Список литературы

1. Гаджиева А.Ю. О роли внутренней и внешней флексии в слово- и формообразовании тюркских языков (о хронологии процесса вовлечённости флективных механизмов) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т. 26 (65). № 1. Ч. 1. С. 313–317.
2. Валеев Г.К. Сингармонический параллелизм башкирского языка и некоторые проблемы уральской топонимии // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 188–194.
3. Сулейманова Д.Д. Историческая фонетика тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков: сравнительно-сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. Уфа, 2016.
4. Michelena K. *Fonetica historica vasca*. San Sebastian: Diputación Foral de Gipuzkoa, 1990.

References

1. Gadzhieva, A.Yu. 2013. “The role of internal and external inflection in word- and form formation of Turkic languages (on the chronological process of the involvement of inflectional mechanisms).” *Scientific notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky*, vol. 26 (65), no. 1 (1), pp. 313–317.
2. Valeev, G.K. 1996. “Synharmonic parallelism of Bashkir language and some problems of Uralic toponymy”. *Etymological studies*, vol. 6, pp. 188–194. Ekaterinburg. (In Russ.)
3. Suleimanova, D.D. 2016. *Historical phonetics of Turkic (Bashkir, Tatar) and Basque languages: comparative and comparative analysis: dissertation*. 10.02.20. Ufa. (In Russ.)
4. Michelena, K. 1990. *Fonetica historica vasca*. San Sebastián: Diputación Foral de Gipuzkoa.

Сведения об авторе:

Сулейманова Дильбар Данисовна — кандидат филологических наук, редактор отдела журнала «Тулпар», Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан Издательский дом «Республика Башкортостан», Российская Федерация, 450079, Уфа, ул. 50-летия Октября, 13. AuthorID: 1107250. eLibrary SPIN-код: 7496-7723. ORCID: 0009-0004-3995-6146. E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru

Bio note:

Dilbar D. Suleimanova is a Candidate of Philological Sciences, Editor of the Department of the magazine “Tulpar” of the Publishing House “Republic of Bashkortostan”, 13 50th Anniversary of October St, Ufa, 450079, Russian Federation. AuthorID: 1107250. eLibrary SPIN-code: 7496-7723. ORCID: 0009-0004-3995-6146. E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-441-449

EDN: QIGRSM

Обзорная статья / Overview

«Родной язык — татарский». Культура мордвы-каратаев как пример межэтнического взаимодействия

М.А. Сафаров

Радиостанция ВЕСТИ ФМ Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК), Москва, Российская Федерация

✉ safarov84@mail.ru

Аннотация. Каратаи — этнографическая группа мордвы, исторически проживающая в Камско-Устьинском районе Татарстана, родным языком которых является татарский. Многовековая история этой локальной группы является примером активного межэтнического взаимодействия в Поволжье. В этнографической и диалектологической литературе рассмотрены различные аспекты истории, материальной и духовной культуры, языка каратаев. В их числе — анализирующие гипотезы происхождения каратаев, учитывая очевидную мишарскую лексику их языка; изучающие современный ареал расселения; особенности самоидентификации. Особое внимание уделяется материалам Мордовской этнографической экспедиции, изучавшей быт и традиции каратаев в 1950-х годах под руководством известного ученого В.Н. Белицер.

Ключевые слова: каратаи, мордва, татары, язык, диалект, мишари, мокша

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сафаров М.А. «Родной язык — татарский». Культура мордвы-каратаев как пример межэтнического взаимодействия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 441–449. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-441-449>

“The native language is Tatar.” Mordovian-Karatai Culture as an Example of Interethnic Interaction

Marat A. Safarov

VESTI FM radio station of the All-Russian State Television
and Radio Broadcasting Company (VGTRK), Moscow, Russian Federation
✉ safarov84@mail.ru

Abstract. The Karatai are an ethnographic group of Mordvins, historically living in the Kamsko-Ustinsky district of Tatarstan, whose native language is Tatar. The centuries-old history of this local group is an example of active interethnic interaction in the Volga region. Various aspects of history, material and spiritual culture, and the Karatai language are considered in ethnographic and dialectological literature. Among them are those analyzing hypotheses of the origin of the Karatai, taking into account the obvious Mishar vocabulary of their language; studying the modern area of settlement; features of self-identification. Special attention is paid to the materials of the Mordovian ethnographic expedition, which studied the life and traditions of the Karatai in the 1950s under the guidance of the famous scientist V.N. Belitzer.

Key words: Karatai, Mordvins, Tatars, language, dialect, Mishars, Moksha

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Safarov, M.A. 2024. “The Native Language is Tatar.” Mordovian-Karatai Culture as an Example of Interethnic Interaction.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 441–449. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-441-449>

Введение

Происхождение и этническая история особой группы мордвы — каратаев, исторически и компактно расселенных в Камско-Устьинском районе Татарстана, уже со второй половины XVIII в. изучаются этнографами, диалектологами, фольклористами. Особый интерес ученых вызван этноязыковой спецификой — сохранением у мордвы-каратаев мордовского самосознания при восприятии родным языком татарского в его западной (мишарской) диалектной форме. Именно татароязычность каратаев, невладение ими мокшанским или эрзянским языками, сохранение обособленности от мордвы соседних районов Татарстана (прежде всего мокши в Тетюшском районе) — способствуют непрерывному научному интересу к этой группе.

Впервые о каратаях упомянул еще в 1768 г. ученый-энциклопедист, путешественник академик И.И. Лепехин, выделивший их в самостоятельное, хотя и немногочисленное, мордовское колено (племя) наряду с эрзей и мокшей [1. С. 165]. Востоковед Х.Д. Френ, преподававший в 1807–1815 гг. в Казанском университете, глубокий знаток многонациональной истории края, приводя

свидетельства арабских средневековых географов (Шамсуддина ад-Димашки и Ибн аль-Варди) о народах, обитающих в Поволжье, высказал предположение, что в народе Keratijan, упоминаемом рядом с двумя мордовскими племенами, возможно определить каратаев. Эти взгляды повлияли на П.И. Кеппена, определившего целую эпоху в развитии отечественной географии, этнографии, демографии и статистики, составителя знаменитой Этнографической карты Европейской России (1875). Кеппен считал каратаев, равно как и мокшу и эрзю, отдельным мордовским племенем. Схожих взглядов на обособленность каратаев придерживался и крупнейший дореволюционный знаток мордовской этнографии П.И. Мельников (Мельников-Печерский).

Несколько иное мнение относительно каратаев было у другого (наряду с Кеппеном) основоположника этнической картографии в России А.Ф. Риттиха, считавшего каратаев скорее локальной группой, а не особым мордовским племенем, а сам термин «каратаи» — во многом случайным, привязанным к местной топонимике, что ученый аргументировал частотностью схожих названий селений в Среднем Поволжье [3]. Аналогичное мнение о случайном появлении этнонима доминировало в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, прежде всего у известного этнографа С.К. Кузнецова, опубликовавшего работу, посвященную каратаям [4. С. 8].

Вклад в изучение каратаев внесли и финские ученые во второй половине XIX — начале XX в., интенсивно проводившие свои экспедиции в различные финно-угорские ареалы Северо-Запада и Поволжья и в духе национального романтизма искавшие архаику у родственных им народов. Так, А.О. Хейкель, побывавший у каратаев в 1883 г. в ходе своего путешествия в Поволжье, указал на сильное влияние татар, фактически обозначив каратаев отатарившейся мордвой. Х. Паасонен посвятил каратаям специальное исследование (не переведенное до настоящего времени на русский язык), собрав значительный лексический материал [5].

Несмотря на значительный объем накопленного полевого и архивного материала, аргументированных мнений относительно этногенеза каратаев так и не появилось. Более того, в краеведческой литературе высказывались предположения об изначально татарском происхождении каратаев, о том, что они являются крещеными татарами, смешавшимися с мордвой. В пользу этой версии приводилось обозначение татарами-мусульманами Тетюшского уезда каратаев экзоэтнонимом керэшен. Под влиянием этого татарского обозначения каратаи также зачастую соглашались с обозначением себя кряшенами. Гипотезы об изначально татарском происхождении каратаев безапелляционно придерживался финский филолог, финно-угровед А. Алквист, побывавший в Тетюшском уезде Казанской губернии в 1856 г.

Как известно, богатый пласт этнографического материала, посвященного народам Поволжья, был накоплен в трудах представителей казанской миссионерской школы, последователей Н.И. Ильминского. Каратаи также оказались

в орбите интересов миссионеров. Так, в 1914 г. была опубликована весьма содержательная статья татарина-кряшена — священника Гурия Филиппова «Мордва-христиане. Из жизни села „Мордовские Каратаи“ и деревни „Менситово“ Тетюшского уезда Казанской губернии (историко-этнографический очерк)» [6; 7]. В своей статье, в основном посвященной обрядам каратаев, Филиппов указывает, что их язык отличается от казанского-татарского, приводит предание о том, что каратаи платили ясак казанским ханам, то есть фиксирует расселение татароязычной мордвы в Поволжье еще в эпоху Казанского ханства. Эти важные наблюдения, указывающие на переселение предков каратаев на берег Волги еще до середины XVI в., и особенности их локального языка по отношению к доминирующей лексике соседних татарских сел получают глубокое научное рассмотрение в советское время.

Обсуждение

Системное изучение каратаев приходится на 1950-е гг., когда в ходе проведения Мордовской этнографической экспедиции [8] под руководством В.Н. Белицер были осуществлены две (в 1956 и 1958 гг.) экспедиции в их ареал расселения. Глубокий знаток истории и культуры финно-угорских народов (коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов) [9], доктор исторических наук Вера Николаевна Белицер (1903–1983), внесла особый вклад в полевое исследование двух групп мордвы, испытавших масштабное языковое влияние соседних народов — терюхан в Нижегородской области и каратаев в Татарстане. И если терюхане к середине XX в. практически полностью ассимилировались среди русского населения, жители ряда деревень Дальнеконстантиновского района Горьковской области лишь помнили о своих «мордовских» корнях, сохраняя элементы быта, то каратаи, к моменту приезда к ним В. Белицер, обладали определенной мордовской этноидентичностью. И все же, как и в случае с терюханами (общепринятое отнесение к мордве сталкивается с мнением о них как об осколке иного автохтонного финно-угорского населения, возможно потомках мешеры или муромы, чьи языки остались неизвестными), каратаи определялись в качестве мордвы под влиянием внешних факторов. Учитывались элементы мордовских языков в их татарской лексике, формы народной одежды. Примечательно, что, отвечая на вопрос о своей национальности, каратаи скорее отмечали то, как другие народы (русские и татары) называют их — «мордва», «мукшы», «керэшен». Само понятие «каратаи» в качестве этнонима у них не бытовало, считаясь больше названием сел (Мордовские Каратаи, Заовражные Каратаи), чем этнической особенностью.

Как показано выше, татары зачастую считали их кряшенами, а также именовали «мукшы» (мордвой). Здесь следует отметить, что в татарском языке нет разграничений мордвы на субэтносы мокши и эрзи — в силу ранних и проч-

ных контактов татар именно с мокшей их самоназвание и вошло в татарский язык в качестве обозначения мордвы в целом.

В.Н. Белицер отмечает, что деревни Менситово и Шершаланы являются более поздними выселками из старинного села Мордовские Каратаи. К моменту приезда этнографа к каратаям деревня Менситово уже не существовала — в 1954 г. в связи с работами по наполнению Куйбышевского водохранилища на Волге и постройкой плотины эта деревня была затоплена, а некоторые жители ее переселены в соседнее русское селение Заовражные Каратаи. Ликвидация деревни Менситово очевидно повлияла на ускорение ассимиляционных процессов среди каратаев, поскольку многие ее бывшие жители уехали в различные города Татарской АССР, а прежде брачные контакты в среде каратаев концентрировались именно в своих деревнях. Каратаи не вступали в брак с мордвой-мокшей (отмечая, что не знают мокшанского языка) и русскими, а семейные связи с татарами-мусульманами были невозможны в дореволюционной России по конфессиональным причинам.

В.Н. Белицер изучила и ныне не существующую каратайскую деревню Шершаланы, которую местные жители называли Алан, или Шалан, то есть по-татарски «поляна». Первоначально же название этой деревни звучало как Чыршыалан, то есть еловая поляна. К моменту приезда Белицер деревня Шершаланы делилась глубоким оврагом на две части — русскую и каратайскую. В 1977 г. эту деревню исследовал известный казанский фольклорист Г.М. Макаров.

Примечательно, что в качестве наиболее старого из поселений каратаев, В.Н. Белицер выделяет Мордовские Каратаи, указывая что каратаи соседних деревень называют его также Искевеле. Первая часть этого топонима в переводе с татарского означает «старый»; вторая часть — частотное мордовское слово означающее и на мокшанском и на эрзянском деревню, селение. Ныне именно это село сохранилось в качестве места компактного проживания каратаев.

Учитывая, что информантами Белицер были крестьяне, заставшие хозяйство и уклад дореволюционной деревни, важным становится проведенная ученым фиксация земледельческой терминологии, почти полностью бытовавшей у каратаев на их родном татарском языке. Так, основными культурами, возделываемыми каратаями, были рожь — «арыш» и овес — «сылы»; сеяли также горох — «брчак», чечевицу — «дзясмык», гречу — «карабдай». Этнограф отмечает, что просо («тары») каратаи возделывали сравнительно редко, а пшено покупали на базаре в Тетюшах. Сеяли также полбу — «брай», которая заменяла каратаям пшеницу. В значительном количестве каратаи сажали картофель — «береньги».

Распространение столь базовых понятий на татарском языке указывает на раннее и длительное влияние татар, возможно — проживание предков каратаев в господствующей татарской языковой среде. Белицер предполагает, что это языковое приобщение могло произойти даже в эпоху Волжской Булгарии.

Однако, будучи знатоком финских языков, а не тюркологом, Белицер не учитывала особенности лексики каратаев, относимой не к среднему (литературному) диалекту татарского языка, а к западному (мишарскому) диалекту. Более того, известный диалектолог Л.Т. Махмутова в своей фундаментальной монографии «Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка» отмечает, что каратаи «еще на старой территории обитания восприняли один из мишарских говоров. Судя по некоторым морфологическим особенностям, им был, видимо, говор, распространенный в современных юго-западных районах (например, Атюрьевском) Мордовии и смежных с ними районах (например, Кадомском) Рязанской области [10. С. 80]. На приобщение к татарскому языку не на Волге, а в ином ареале, смежном с татарами-мишарями, указывает и Л.Ш. Арсланов, отмечая, что «говор мордвы-каратаев сформировался в условиях тесного взаимодействия с говорами западного диалекта, расположенными на территории Мордовии и Пензенской области, а мордовские лексические элементы в говоре мордвы-каратаев занимают по отношению к общетюркской лексике сравнительно небольшое место. Они относятся в основном к терминам родства, названиям вышивок и лишь незначительная часть их — к бытовой лексике. [11. С. 397–398]. Л.Ш. Арсланов подчеркивает, что даже многие языковые русские заимствования в лексике каратаев относятся, по-видимому, «к периоду до переселения мордвы-каратаев на современную территорию их обитания. Это подтверждается сравнением русских элементов с соответствующими заимствованиями в других говорах западного диалекта. Они усвоены по тем же фонетическим законам, что и в говорах западного диалекта» [11. С. 400]. Более того, в языке каратаев, исповедующих православие, фиксируются арабо-персидские слова, в форме, употребляемой именно в мишарском диалекте: мазарка — кладбище, гона — грех, умер — жизнь, айып — вина. Сохранение каратаями в качестве родного языка именно мишарского диалекта происходило при посещении несколькими поколениями местной советской школы, где преподавание с 1920-х до конца 1950-х гг. велось на татарском литературном языке, а также проживании и совместной работе по соседству с казанскими татарами.

Белицер также отмечает, что среди терминов родства у каратаев встречаются и мордовские, что указывает именно на финно-угорское происхождение данной группы. К примеру, отца каратаи, как и эрзяне, называют «тетяй», деда — «пушчай», близким к эрзянскому названию дед — «покштя». Свекровь каратаи называют «авай» — в мокшанском и эрзянском языках «авай» также означает «мать», «свекровь». При обращении к жене старшего брата жены младших братьев употребляют термин «вреш», близкий к эрзянскому термину «уряж» [12].

В.Н. Белицер зафиксировала и местное предание том, что предки каратаев переселились на правый берег Волги, будучи язычниками, а в правление Ивана Грозного приняли крещение в озере близ деревни Менситово. Здесь следует

отметить, что нарратив о Крещении (а также походах на Казань, что иногда воспринимается тождественно) в эпоху Ивана IV — весьма частотный у народов Поволжья. Очевидно, что события 1552 г., присоединение Казанского ханства к Русскому государству воспринимались рубежным, эпохальным событием в исторической памяти не только татар, но и других народов, прежде подвластных ханам. Первый этап христианизации в Среднем Поволжье, в ареале расселения казанских татар, также пришелся на вторую половину XVI в., в отличие от Мещеры (территории Касимовского ханства), Кадома, Темникова, где ликвидация татарского феодального землевладения и массовое крещение мурз приходится на эпоху первых Романовых и продолжается в начале XVIII в.

Мордовская этнографическая экспедиция зафиксировала в 1950-е гг. у каратаев разрозненные воспоминания о «старой мордовской вере», в частности о молениях, которые устраивались в лесу у деревень. На этих молениях, по словам стариков-информантов, приносили в жертву домашних животных и птиц. Старики-каратаи слышали от своих отцов о том, что существовало даже специальное рыбное моление, во время которого обращались с молитвами к богине воды, прося ее способствовать удачному лову на Волге, и приносили в жертву рыбу. В 1950-е гг. в татарском языке каратаев сохранялось эрзянское слово «паз», что означает верховное божество — Бог. Очевидно, что пласт воспоминаний о «старой вере» мог быть тогда и более глубоким, но, как известно (на это указывает, в частности, фольклорист Н.В. Морохин применительно к марийцам Нижегородской области), для финно-угров характерно приватное бытование элементов язычества, скрытое, неманифестируемое сохранение своего природосообразного мировоззрения. Учитывая, что В.Н. Белицер и ее коллеги вели исследования в период хрущевской антирелигиозной кампании, по нашему мнению, многое, еще сохранявшееся тогда в духовной культуре, не было открыто жителями деревень в ходе бесед с этнографами.

Заключение

Изучение мордвы-каратаев продолжилось и в дальнейшем. Так, широкий пласт фольклора был опубликован в 1991 г. благодаря экспедициям сотрудников Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР [13], вновь подтвердив принадлежность языка этой мордовской группы к мишарскому диалекту и предположив преимущественно мокшанский генезис. Вместе с тем остался открытым вопрос о времени и обстоятельствах основания сел каратаев, возможно связанный с татарским феодальным землевладением эпохи Казанского ханства и перемещением зависимого населения из междуречья Цны и Мокши на Волгу (на это указывал еще мордовский просветитель М. Евсевьев [14]).

Учитывая ассимиляционные процессы (согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. в Камско-Устьинском районе Татарстана

насчитывается лишь 58 человек, обозначивших себя мордвой), необходимо осуществить новое полевое экспедиционное исследование, фиксирующее современное состояние языка каратаев, их самоидентичности, влияние русского и татарского литературного языков на лексику.

Список литературы

1. *Лепехин И.И.* Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее Президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. Т. 3, ч. 1, 2. Записки путешествия академика Лепехина. СПб., при Императорской Академии наук, 1821. Т. 3. 540 с.
2. *Көппен П.И.* Каратаи, мордовское колено // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 268.
3. *Риттих А.Ф.* Мордва // Материалы для этнографии России. Казанская губерния: в 2 ч. Казань: Типография Казанского императорского университета, 1870. Ч. 1. № 14. С. 223–224.
4. *Кузнецов С.К.* Сообщение о мордвях-каратаях // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань: Типография Казанского университета. 1886. Т. 6, вып. 1.
5. *Raasonen H.* Die sogenannten karataj-mordwinen oder karatajen // J. de la Socié'te' finno-ougrienne. Helsingfors. 1903. Vol. 1–51.
6. *Филиппов Г.А.* Мордва-христиане. Из жизни села «Мордовские Каратаи» и деревни «Менситово» Тетюшского уезда Казанской губернии (историко-этнографический очерк). Казань: Центральная типография, 1914. 10 с.
7. *Батыршин Р.Р.* Традиционная обрядовая культура мордвы-каратаев в начале XX века (на основе историко-этнографического очерка Гурия Филиппова «Мордва-христиане. Из жизни села Мордовские Каратаи и деревни Менситово Тетюшского уезда Казанской губернии» (1914 г.)) // Наследие и современность. 2023. № 6. С. 367–375.
8. *Федянович Т.П.* Мордва: этнографический альбом // Материалы Мордовской этнографической экспедиции 1953–1969. М.: Наука, 2011. 166 с.
9. *Федянович Т.П.* Исследования В.Н. Белицер финно-язычных народов Поволжья и Приуралья // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 112–125.
10. *Махмутова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 271 с.
11. *Арсланов Л.Ш.* Некоторые особенности говора мордвы-каратаев // Этногенез мордовского народа: (Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1965. С. 396–401.
12. *Белицер В.Н.* Мордва-каратаи и их культура (к вопросу о происхождении) // «Забывшие» тексты полевых экспедиций В.Н. Белицер: в 2 частях. / сост.: Т.Ю. Задкова, Т.И. Янгайкина. Саранск: НИИГН, 2023. Ч. 1. С. 156–188.
13. *Арсланов Л.Ш.* Мордва-каратаи: язык и фольклор. Казань: ИЯЛИ, 1991. 152 с.
14. *Евсеев М.Е.* Мордва Татреспублики. Казань: [б. и.], 1925. 196 с.

References

1. Lepekhin, I.I. 1821. "Travel notes." In The complete collection of scientific travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences, at the suggestion of its President: with notes, explanations and additions. Vol. 3, part 1, 2. Travel notes of Academician Lepekhin. St. Petersburg., at the Imperial Academy of Sciences. Print. (In Russ.)
2. Köppen, P.I. 1845. "Karatai, Mordovian knee." In St. Petersburg Vedomosti, no. 268. Print. (In Russ.)

3. Rittikh, A.F. 1870. “Mordva”. Materials for ethnography of Russia. Kazan province: at 2 a.m. Kazan. Printing house of Kazan Imperial University, part, no. 14, pp. 223–224. Print. (In Russ.)
4. Kuznetsov, S.K. 1886. “Message about the Mordvins.” Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. Kazan, Printing house of Kazan University. Vol. 6, issue 1. Print. (In Russ.)
5. Paasonen, H. 1903. “Die sogenannten karataj-mordwinen oder karatajen.” J. from the Finno-Ugric Society. Helsingfors, vol. 1–51. Print. (In German).
6. Filippov, G.A. 1914. Mordvins — Christians. From the life of the village “Mordovian Karatai” and the village “Mensitovo” of the Tetyushsky district of the Kazan province (historical and ethnographic essay). Kazan: Central Printing House. Print. (In Russ.)
7. Batyrshin, R.R. 2023. “The traditional ceremonial culture of the Mordvins-Karatai at the beginning of the XX century (based on the historical and ethnographic essay by Guriy Filippov “Mordvins are Christians. From the life of the village of Mordovian Karatai and the village of Mensitovo, Tetyushsky district, Kazan province” (1914).” Heritage and modernity, no. 6, pp. 367–375. Print. (In Russ.)
8. Fedyanovich, T.P. 2011. “Mordva. An ethnographic album.” Materials of the Mordovian ethnographic expedition 1953–1969. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
9. Fedyanovich, T.P. 2004. “V.N. Belitzer’s studies of the Finno-linguistic peoples of the Volga region and the Urals.” Ethnographic review, no. 5, pp. 112–125. Print. (In Russ.)
10. Makhmutova, L.T. 1978. The experience of studying Turkic dialects: the Mishar dialect of the Tatar language. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
11. Arslanov, L.S. 1965. “Some features of the Mordovian-Karatai dialect.” In Ethnogenesis of the Mordovian people: Materials of the scientific session (December 8–10, 1964). Saransk: Mordovian Book Publishing House, pp. 396–401. Print. (In Russ.)
12. Belitzer, V.N. 2023. “Mordvins and their culture (on the question of origin).” “Forgotten” texts of field expeditions by V.N. Belitzer: in 2 parts. Composed by T.Y. Zadkova. Saransk: NIIGN publ. Print. (In Russ.)
13. Arslanov, L. Sh. 1991. Mordvinian-Karatai: language and folklore. Kazan: IYALI publ. Print. (In Russ.)
14. Evseeviev, M.E. Mordovia Tatrepublica. 1925. Kazan. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Сафаров Марат Абясович — кандидат педагогических наук, политический обозреватель радиостанции ВЕСТИ ФМ Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании, Российская Федерация, 125040, Москва, 5-я ул. Ямского Поля, д. 19–21. ORCID: 0000-0003-3009-4055. E-mail: safarov84@mail.ru

Bio note:

Marat A. Safarov is a Candidate of Pedagogical Sciences, Political Observer of the VESTI FM Radio Station of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company, 19–21 5th street Yamskogo Poly, Moscow, 125040, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3009-4055. E-mail: safarov84@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-450-458

EDN: UXDWLR

Научная статья / Research article

Касимовский говор как фактор сохранения этноконфессиональной идентичности татар Рязанской области

Р.В. Абьянов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
✉ silver-bars@mail.ru

Аннотация. В восточных районах Рязанской области исторически расселены две группы татар — касимовские татары и татары-мишари общей численностью 3071 человек (на 2021 год). Данные группы, при сохранении общетатарской идентичности, контактов имеют существенные отличия в этногенезе, традиционном быте, и особенно в лексике. Большая часть касимовских татар ныне русскоязычны, при этом для данной этнографической группы характерен свой архаичный говор, заметно отличающийся от бытующего в соседних с Касимовским районом мишарского диалекта. Проведенные нами глубинные интервью с касимовскими татарами показывают, что они воспринимают свой говор как важный фактор этноидентичности, полное или частичное владение им отмечают в качестве признака коренного жителя Татарской слободы города или местных сел, основанных еще в эпоху Касимовского ханства. Локальная лексика используется и в обрядовых практиках, став неотъемлемой частью религиозной повседневности. Обеспокоенность у касимовских татар вызывает передача лексики молодежи, процесс обучения ей. В рамках городского Татарского культурного центра возможно лишь обучение на литературном языке, который касимовские татары воспринимают слабо. Вместе с тем благодаря совместной деятельности общинных активистов и исследователей из Москвы и Татарстана появилась возможность фиксации лексики с перспективой подготовки словаря говора и дальнейших разработок по его обучению. В работе рассматривается и значение исследования касимовского говора татарского языка, проведенного выдающимся казанским диалектологом, научным сотрудником ИЯЛИ Л.Т. Махмутовой в ее диссертации 1952 г. В рамках статьи предпринимается попытка анализа роли говора как фактора этноконфессиональной идентичности локальной группы татар, а также работы общины по фиксации и обучению говору.

Ключевые слова: Касимов, татары, говор, лексика, обряды

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Абьянов Р.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Абянов Р.В. Касимовский говор как фактор сохранения этноконфессиональной идентичности татар Рязанской области // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 450–458. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-450-458>

Kasimov Dialect as a Factor in Preserving the Ethnic and Confessional Identity of the Tatars of the Ryazan Region

Renat V. Abyanov

Federal State Budgetary Institution of Science of the Order of Friendship of Peoples
The Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS), *Moscow, Russian Federation*
✉ silver-bars@mail.ru

Abstract. Two groups of Tatars have historically been settled in the eastern regions of the Ryazan Region — Kasimov Tatars and Mishari Tatars, with a total population of 3,071 people (as of 2021). These groups, while maintaining a common Tatar identity, close contacts (and family and marriage ties) have significant differences in ethnogenesis, traditional life, and especially in vocabulary. Most of the Kasimov Tatars are now Russian-speaking, while this ethnographic group is characterized by its archaic dialect, which differs markedly from the Mishar dialect found in neighboring Kasimov districts. Our in-depth interviews with Kasimov Tatars show that they perceive their dialect as an important factor of ethnoidentity, full or partial possession of it is noted as a sign of an indigenous inhabitant of the Tatar settlement of the city or local villages founded back in the era of the Kasimov Khanate. Local vocabulary is also used in ritual practices, becoming an integral part of religious everyday life. The Kasimov Tatars are alarmed by the transfer of vocabulary to young people, teaching them. Within the framework of the urban Tatar cultural center, it is only possible to study in the literary language, which the Kasimov Tatars perceive poorly. At the same time, thanks to the joint activities of community activists and researchers from Moscow and Tatarstan, it became possible to fix vocabulary with the possibility of preparing a dictionary of the dialect and further developments in its teaching. The article also examines the significance of the study of the Kasimov dialect of the Tatar language, conducted by the outstanding Kazan dialectologist, researcher and researcher L.T. Makhmutova in her 1952 dissertation. The article attempts to analyze the role of the dialect as a factor of the ethno-confessional identity of a local group of Tatars, as well as the work of the community in fixing and teaching the dialect.

Key words: Kasimov, Tatars, dialect, vocabulary, rituals

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Abyanov, R.V. 2024. “Kasimov Dialect as a Factor in Preserving the Ethnic and Confessional Identity of the Tatars of the Ryazan Region.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 450–458. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-450-458>

Введение

За последние годы заметно активизировался интерес к изучению и сохранению не только литературных языков народов России, но и локальной среды — диалектов и говоров. Находясь за рамками нормативного развития

языков (в школьном курсе преподается литературный язык), диалекты и говоры представляют значительный пласт живой народной культуры, и для многих (особенно дисперсно расселенных) этносов диалектная лексика является подлинным и первым родным словом, во многом определяет картину мира, понимание природы, традиционных занятий, местной истории. Очевидно и значение диалектов для развития национальных литератур, когда в прозе и поэзии авторы подпитываются лексическим многообразием различных субэтнических групп.

В восточных районах современной Рязанской области расположен традиционный ареал расселения татар. Двухсотлетняя эпоха существования в Мещере Касимовского ханства (XV–XVII вв.) отразилась в расширении пределов тюрко-татарского цивилизационного пространства, элементы которого сохранились и сейчас. Именно с эпохой Касимовского ханства связывают в народной памяти и современной научной литературе [1. С. 61] основание существующих и ныне татарских сел. При этом в Рязанской области расселены представители двух групп татар — субэтнуса татар-мишарей (в Сасовском, Ермишинском, Кадомском районах) и этнографической группы касимовских татар. Именно старинная Татарская слобода Касимова — один из примеров существования феномена татарского урбанизма, где население фиксируется непрерывно — начиная с XV в., а также ряд исторических сел Касимовского района (Болотце, Ахматово, Торбаево) остаются зоной распространения особого касимовского говора татарского языка. Языковой фактор, наряду с определенными различиями этноисторического характера (наличие у касимовских татар в прошлом разветвленной социальной структуры, восходящей к феодальным статусам и землевладению эпохи ханства), выделяет современных носителей говора среди остальных татар Рязанской области.

Здесь следует также учитывать, что до начала 1920-х гг. значительная часть востока современной Рязанской области (где и расселены мишари) входила в состав Елатомского, Темниковского и Шацкого уездов Тамбовской губернии и, несмотря на прошедшее столетие, эта часть региона и теперь заметно выделяется своим самосознанием, сохранением памяти о былом плотном татар-мордовском ареале. Именно малоизученность истории татар-мишарей Рязанской области повлияла на распространенное мнение применительно и к тюркоязычному населению Рязанщины и к истории ислама в этом регионе — как об ареале расселения лишь касимовских татар. Между тем за пределами Касимовского района — в окрестностях Сасово, Кадома, Ермиша — еще сохранились поселения татар-мишарей, связанные с Касимовым, но имеющие свою культуру, свои говоры. Все они — фронтир татарского расселения в Центральной России: восток Рязанщины становится западом татарского ареала.

Касимовские татары традиционно тяготели к своему уездному центру (город Касимов входил в состав Рязанской губернии). Слобода (бисти — на местном говоре), с сохранившимися памятниками средневековой архи-

тектуры (Ханской мечетью, мавзолеем (текие) хана Шах-Али), стала символом местной истории и сакральным центром для касимовских татар. Изолированный в приокских селах касимовский говор стал также частью идентичности, маркером разделения на «свои» села и слободу, и татарское присутствие вне касимовского ареала — в мишарских селах. Как отмечала наш информант из села Ахматово (тат. Карлар), один из наиболее глубоких знатоков и носителей говора касимовских татар Диляра Батманова (1965–2022):

«Наш язык отличается от того, на котором разговаривают татары в Азеево или в Бастаново [татаро-мишарские села], можно даже сказать, что мы их с трудом понимаем. Ведь получается, что мы будто бы „проглатываем“ первый слог, не произносим начало слова. И хотя наш говор относят к среднему, казанскому, диалекту, трудно мы понимаем и литературный язык, хотя у многих в домах есть подключение на телевизионные каналы из Татарстана, канал ТНВ-татарча. Например, мы говорим о сметане айма', а в Казани — каймак, утку называем урди', а татары в Сасово — үрдэк. Есть отличия в произношении, но мы свой говор считаем именно татарским языком, это есть и наш родной язык. Если мы его сохраним, значит останемся касимовскими татарами»¹.

Научное изучение касимовского говора татарского языка началось в 1920-х гг. и связано с именем выдающегося лингвиста Е.Д. Поливанова (1891–1938). Именно ему принадлежит выявление и анализ наиболее характерной особенности фонетики касимовских татар. В своей брошюре «Фонетические особенности касимовского диалекта» Поливанов детально разбирает «переход заднеязычных в гамзу с общefonетической точки зрения» [2]. Благодаря библиографическим изысканиям А.В. Андронova удалось обнаружить единственный, сохранившийся, экземпляр этой брошюры в фонде Узбекской государственной библиотеки им. А. Навои в Ташкенте [3. С. 8–16].

Фундаментальный вклад в изучение касимовского говора внесла казанский диалектолог Л.Т. Махмутова, защитившая в 1952 г. в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию на данную тему [4]. Свои сплошные полевые исследования Л.Т. Махмутова проводила в татарских деревнях Касимовского района в первое послевоенное десятилетие, когда ее информантами были носители говора, родившиеся еще во второй половине XIX в. Благодаря этому (и специальному характеру работы) удалось зафиксировать лексику данной примечательной, но все же периферийной этнографической группы татарского народа. Фиксировала Махмутова и фольклор касимовских татар [5]. Необходимо подчеркнуть, что говор другой, схожей по этнической истории группы татар — костромских, ученым не удалось собрать, за исключением небольшого словаря обрядовой лексики [6. С. 162–185].

В последующем Л.Т. Махмутова перешла к изучению мишарского диалекта, который она соотносила и с касимовским говором [7; 8], а исследо-

¹ Полевые материалы автора.

вание касимовского говора было продолжено другим известным диалектологом Л.Ш. Арслановым [9], который вслед за Поливановым рассматривал генезис ключевой фонетической особенности данного говора — гортанно-смычной фонемы.

В настоящее время готовится научный проект, направленный на сочетание полевого и архивного изучения касимовского говора — фиксацию лексики носителей говора и анализ архивных, неопубликованных материалов экспедиций Л.Т. Махмутовой.

Целью данной статьи является рассмотрение данного говора как фактора сохранения этноконфессиональной идентичности касимовских татар. В качестве объекта исследования выступает татарское население Касимовского района Рязанской области, предмета — этноконфессиональная идентичность касимовских татар.

В ходе экспедиционной работы использованы анкетирование, включенное наблюдение, глубинные интервью.

Обсуждение

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. численность татар на территории Рязанской области составляла 3071 человек, в том числе в Касимовском районе — 295 и в городе Касимове — 191 человек. Родным языком татарский в Касимове и сельских поселениях района считают 215 человек. Однако наши полевые исследования, проведенные в 2020–2022 гг., показали, что носителей собственно касимовского говора насчитывается в слободе и пригородных селах лишь около 20–25 человек. Большая часть касимовских татар русскоязычна, или их лексика подвержена влиянию мишарских говоров. При этом именно широкое бытование касимовского говора в прошлом, соотнесение своих семейных нарративов с памятью об этом архаичном, локальном языке — непонятном местному русскому населению и весьма трудном для понимания иными группами татар, превращает языковую среду в один из факторов самосознания касимовских татар.

В научной литературе [10] касимовских татар традиционно относят не к субэтносу, а к этнографической группе татар вследствие их обособленности от основного этнического массива в течение длительного времени, а также бытования архаичного говора. Кроме того, касимовские татары настаивают на отличии от казанских татар, мишарей, связывая свое происхождение с эпохой Касимовского ханства.

В этой связи актуальным представляется обозначить особенности идентификации местного татарского населения, что позволит детально представить границы ареала татар Поволжья и Приуралья и структуру современных субэтнических групп татар. Здесь следует учитывать, что татары Рязанской

области — один из редких примеров сохранения исторического, а не переселенческого ареала татар в Центральной России.

Из числа информантов, с которыми мы работали в ходе экспедиций, наиболее свободно владели говором Вильдан Таканаев — староста села Болотце (Джаубаш), Марьям Александровская из села Торбаево (Татарбай) и Диляра Батманова из села Ахматово. Для них — язык касимовских татар — родной с детства, они воспитывались еще в плотной татарской языковой среде, в которой сохранялась не только бытовая, но и обрядовая лексика, тесно связанная с мусульманскими религиозными практиками. Обозначение предметов культа, похоронно-поминальных обрядов, сакрального ландшафта на татарском языке делает говор важным элементом этноконфессиональной идентичности:

Вильдан Таканаев: «Сейчас в селе только я свободно разговариваю по-татарски, язык всегда жил в нашем доме, передался мне от родителей и родственников. Все обряды и праздники мы обозначали по-касимовски. Конечно, наш язык — часть татарского, но имеет свои слова, а точнее, их произношение, не всегда понятное другим татарам. Все праздники в домах мы проводили на татарском, поэтому религия и язык в моем понимании — едины»².

В ходе проведенных интервью мы пришли к выводу, что наиболее устойчивым и заметным проявлением идентичности, определяющим характер субэтнической дифференциации татар Рязанской области, является обособление касимовских татар. Восприятие себя в качестве особой группы подкрепляется бытованием (ныне редким, единичным) особого касимовского говора татарского языка, традиционно относящегося к среднему (казанскому) диалекту татарского языка, а не к мишарскому.

Для татарских жителей Касимова также важным является соотнесение себя с Татарской слободой, что демонстрирует еще сохранившиеся элементы феномена татарского слободского урбанизма. Родственные связи (и шире — практически поименное знание о каждом татарском жителе окрестных сел), забота о местных кладбищах, включенность (пока достаточно слабая ввиду небольшого количества соблюдающих мусульман) в религиозную жизнь способствует восприятию касимовских татар как целого, в противопоставлении другим группам татар, живущим за пределами Касимовского района.

Несмотря на возрожденные и действующие мечети, именно кладбища выполняют здесь функцию ключевого признака религиозности, пространства публичного проявления мусульманской обрядности, сохраняя для местных татар особое значение мест памяти о родственниках, односельчанах, и плотном слое обрядности, которая соблюдалась ранее. Кладбища определяют и ландшафт местности, маркируют деревни в качестве татарских, даже если собственно мусульмане составляют в них явное меньшинство. Однако не всегда нарративы о почитаемых местах выражаются в говоре. В некоторых селах

² Полевые материалы автора.

говор уже фактически не бытует, и местное татарское население перешло на мишарский диалект. Например, в селе Подлипки (Шырын) на вытеснение говора повлияло и проживание, в нескольких поколениях, выходцев из села Анда Сергачского района Нижегородской области. Именно в окрестностях села Подлипки на местном кладбище находится могила муллы Хасана Минеева, посещение которой является одним из проявлений локальной сакральной культуры.

В то же время в селе Ахматово говор еще бытует. На это влияет сама социальная структура этого крупного села — в прошлом — центра преуспевающего колхоза. В ходе кампании по ликвидации «неперспективных деревень» 1970-х гг. в Ахматово переселились жители окрестных малодворных татарских поселений, разговаривавшие на касимовском говоре. И сейчас уроженцы Мунтово, Шегашаново, Темгенево, Алишево, живущие в селе Ахматово, владеют своим говором. Носители говора проживают и в Татарской слободе Касимова.

Здесь следует добавить, что несколько веков в Касимове существовал «город в городе» — Татарская слобода, часть феномена татарского урбанизма XVI — начала XX в., когда в Поволжье и Приуралье стали формироваться и развиваться особые торгово-ремесленные поселения. При проживании подавляющего большинства татар в сельской местности именно татарские слободы сохраняли для мусульман внутренней России городской уклад, выразившийся в овладении профессиями, постепенном отрыве от занятия земледелием, формировании общинной инфраструктуры, определяющей роли купечества, возникновении с конца XIX в. реформированного конфессионального образования. При этом генезис Татарской слободы Касимова существенно иной, чем в городах Поволжья и восходит к эпохе ханства, компактному проживанию татарской элиты вокруг Ханской мечети и ханского двора. Фактически применительно к этой слободе можно говорить о непрерывном присутствии татар в одном локальном пространстве с середины XV в. и вплоть до наших дней. Касимовские татары, формировавшиеся в качестве своеобразного конструкта, вбирая в себя выходцев из разных частей ордынского и постордынского мира — Казанского, Крымского и Сибирского ханств, Ногайской орды, образовали и свой особый говор, на котором в слободе широко разговаривали вплоть до второй половины XX в.

Следует особо подчеркнуть, что как касимовские татары, так и татары-мишари разделяют общетатарскую идентичность. Земляческие и субэтнические деления не противоречат базовой идентичности — восприятию себя татарами, частью одного народа. В целом структура идентичности касимовских татар не иерархична, а сочетает одновременное наличие разных компонентов: для опрошенных информантов из числа татар Рязанской области важно не только соотнесение себя как жителей своей деревни, касимовских татар как особой группы, но и приобщение к татарской нации и исламу.

Большое значение для касимовских татар, ввиду их малочисленности и стремительной утраты родного языка, имеет желание организовать обучение, создать образовательные условия для его передачи. Однако ныне в Татарском центре культуры и искусств им. А.М. Ишимбаева города Касимова и в отделе культуры, истории и быта касимовских татар филиала Елатомского краеведческого музея в селе Подлипки преподается именно литературная форма языка, а не лексика говора. Очевидно, это обусловлено наличием учебно-методической литературы, поступающей из Татарстана, в целом — уровнем методического обеспечения преподавания татарского языка, престижем, популярностью литературной формы. Носители говора, однако, стремятся передать локальную лексику и, прежде всего, связывают эту возможность с составлением словаря касимовского говора, работа над которым уже начата.

Заключение

Таким образом, архаичный говор касимовских татар служит одним из важнейших факторов сохранения этой небольшой этнографической группы. Обособленный ареал расселения касимовских татар способствовал сохранению локальной лексики, относимой лингвистами к среднему диалекту татарского языка, что существенно отличает языковую картину Поочья от широкого примыкающего ареала распространения мишарского диалекта. Несмотря на переход большей части касимовских татар на русский язык, пласт обрядовой лексики способствует связи языка с этноконфессиональной идентичностью. Касимовские татары воспринимают свой говор в качестве ключевой составляющей локальной идентичности.

Важную роль для касимовских татар играют сохранение и передача своего говора. Так, большие надежды татарская община Касимова возлагает на составление словаря местной лексики и возможное использование собранного материала в обучении.

Список литературы

1. Брундуков А.А., Ермолаев Ю.Н. Историческая родословная касимовских татар. М.: Б. и., 2022. 636 с.
2. Поливанов Е.Д. Фонетические особенности касимовского диалекта М.: Институт востоковедения. Серия турецких языков. Вып. I. 1923. 28 с.
3. Андронов А.В. Е.Д. Поливанов о касимовском диалекте: возвращая в научный обиход библиографическую редкость (к 130-летию со дня рождения) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.): тр. и матер.: в 2 томах / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. Т. 2. 280 с.
4. Махмутова Л.Т. Особенности касимовского говора татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л. Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1952. 10 с.
5. Махмутова Л.Т. Старинная свадебная песня у касимовских татар // Известия КЗДН СССР, серия гуманитарных наук. 1957. Вып. 2. С. 217–221.

6. Костромские татары: очерки по истории и традиционной культуре. М.: Буки Веди, 2022. 188 с.
7. *Махмутова Л.Т.* Бастанский говор татарского языка // *Материалы по татарской диалектологии*. Т. 3. Казань: Татарское книжное издательство, 1974. С. 29–47.
8. *Махмутова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 272 с.
9. *Арсланов Л.Ш.* К вопросу о возникновении гортанно-смычной фонемы в касимовском говоре татарского языка // *Советская тюркология*. 1976. № 6. С. 60–65.
10. *Шарифуллина Ф. Л.* Касимовские татары. Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. 127 с.

References

1. Burundukov, A.A., and Yu.N. Ermolaev. 2022. Historical pedigree of the Kasimov Tatars. Moscow. Print. (In Russ.)
2. Polivanov, E.D. 1923. Phonetic features of the Kasimov dialect. Moscow: Institute of Oriental Studies. Turkish Languages Series, issue I. Print. (In Russ.)
3. Andronov, A.V. 2021. “E.D. Polivanov on the Kasimov dialect: the return to scientific use of bibliographic rarity (to the 130th anniversary of his birth).” I.A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics: international conference: VIII Baudouin readings (November 17–20, 2021): tr. and mater.: in 2 volumes under the general editorship of R.R. Zamaletdinova, E.A. Gorobets, E.A. Islamova. Kazan: Kazan Publishing House. Print. (In Russ.)
4. Makhmutova, L.T. 1952. “Features of the Kasimov dialect of the Tatar language.” Abstract. dis. for the degree of Candidate of Philology. Sciences. Leningrad: Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. Print. (In Russ.)
5. Makhmutova, L.T. 1957. “The ancient wedding song of the Kasimov Tatars.” *Izvestiya KZNO of the USSR Academy of Sciences, Series of Humanities*, issue 2, pp. 217–221. Print. (In Russ.)
6. Kostroma Tatars. Essays on history and traditional culture. 2022. Moscow: Buki Vedi publ. Print. (In Russ.)
7. Makhmutova, L.T. 1974. “Bastan dialect of the Tatar language.” *Materials on Tatar dialectology*, vol. 3. pp. 29–47. Kazan: Tatar Book Publishing House Print. (In Russ.)
8. Makhmutova, L.T. 1978. The experience of studying Turkic dialects. Mishar dialect of the Tatar language. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
9. Arslanov, L.Sh. 1976. “On the question of the origin of the guttural-bowed phoneme in the Kasimov dialect of the Tatar language.” *Soviet Turkology*, no. 6, pp. 60–65. Print. (In Russ.)
10. Sharifullina, F.L. 1991. Kasimov Tatars. Kazan: Tatar Book Publishing House. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Абянов Ренат Ваисович — соискатель Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а. ORCID: 0000-0002-1959-3083. E-mail: silver-bars@mail.ru

Bio note:

Renat V. Abyanov is a PhD candidate at the Center for Asian and Pacific Studies at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1959-3083. E-mail: silver-bars@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

LANGUAGES IN CONTACTS

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468

EDN: KOMGGC

Научная статья / Research article

История арабско-татарских языковых контактов в социолингвистическом аспекте

Р.Ф. Мирхаев^{ORCID}

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ mirhaev77@mail.ru

Аннотация. В процессе своего развития татарский язык на протяжении многих веков контактировал с арабским языком и в той или иной мере испытывал на себе его влияние. Результатом явилось достаточно большое количество заимствований, которые в определенной своей массе уже давно укоренились в словарном составе татарского языка и не воспринимаются даже простым обывателем как чужеродные. В настоящее время с уверенностью можно сказать, что в лексико-семантическом плане они изучены досконально. В то же время все еще ждут своего научного осмысления в социолингвистическом аспекте арабско-татарские языковые контакты, которые во многом способствовали формированию указанного генетического пласта татарского языка. Этим и определяется актуальность настоящей работы. Ее целью является исследование культурно-исторических факторов, способствовавших проникновению арабского языка в татарский языковой ареал, социальной среды его бытования и сфер применения в татарском обществе в диахроническом аспекте. В качестве материала послужили работы по истории татарского народа, татарской литературы и татарского литературного языка. В процессе их анализа были применены методы социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации. В результате исследования было выявлено, что становлению и развитию арабско-татарских языковых контактов во многом способствовали факторы религиозного характера, а именно принятие и исповедование предками татар ислама. Далее были определены границы социальной среды бытования и сфер применения арабского языка в татарском обществе. В историческом плане первая формировалась внутри сообщества духовенства, ученых и учащихся религиозных учебных заведений, а в качестве вторых выступали религия, образование, наука и художественная литература. По мнению автора, именно в их рамках и происходили многовековые арабско-татарские языковые контакты.

Ключевые слова: арабский язык, татарский язык, социальная среда бытования языка, сферы применения языка, социолингвистическая реконструкция, социолингвистическая интерпретация

© Мирхаев Р.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: *Мирхаев Р.Ф.* История арабско-татарских языковых контактов в социолингвистическом аспекте // Полилингвистическая и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 459–468. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468>

The History of Arabic-Tatar Language Contacts in the Sociolinguistic Aspect

Rifat F. Mirkhayev^{ORCID}

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

✉ mirhaev77@mail.ru

Abstract. In the process of its development, the Tatar language has been in contact with the Arabic language for many centuries and, to one degree or another, has been influenced by it. The result of all this was a fairly large number of borrowings, which, to a certain extent, have long been rooted in the vocabulary of the Tatar language and are not perceived even by the common man in the street as alien. At present, we can say with confidence that in lexical and semantic terms they have been studied thoroughly. At the same time, Arabic-Tatar language contacts, which largely contributed to the formation of the indicated genetic layer of the Tatar language, are still awaiting their scientific understanding in the sociolinguistic aspect. This determines the relevance of this work. Its goal is to study the cultural and historical factors that contributed to the penetration of the Arabic language into the Tatar linguistic area, the social environment of its existence and areas of application in Tatar society in a diachronic aspect. The material used was works on the history of the Tatar people, Tatar literature and the Tatar literary language. In the process of their analysis, methods of sociolinguistic reconstruction and sociolinguistic interpretation were applied. As a result of the study, it was revealed that the formation and development of Arabic-Tatar language contacts was largely facilitated by factors of a religious nature, namely the adoption and practice of Islam by the ancestors of the Tatars. Next, the boundaries of the social environment and spheres of application of the Arabic language in Tatar society were determined. Historically, the first was formed within the community of clergy, scientists and students of religious educational institutions, and the second were religion, education, science and fiction. According to the author, it was within their framework that centuries-old Arab-Tatar language contacts took place.

Key words: Arabic language, Tatar language, social substrate of language, areas of application of language, sociolinguistic reconstruction, sociolinguistic interpretation

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Mirkhayev, R.F. 2024. “The History of Arabic-Tatar Language Contacts in the Sociolinguistic Aspect.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 459–468. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468>

Введение

В современном языкознании изучение языковых контактов, которые проявляются во взаимодействии «1) диалектов и наречий одного языка; 2) языков различных социальных групп в пределах одного языка; 3) близкородственных языков; 4) различных по структуре языков» [1. С. 166], представляет собой одно из актуальных направлений. Исследования в данной области имеют большое значение как для реконструкции процессов становления и развития различных языков, так и в плане решения проблем исторического и культурологического характера. В этом отношении научное осмысление в социолингвистическом аспекте арабско-татарских языковых связей, которые имели место на протяжении более чем тысячи лет, является актуальным с точки зрения определения их социальных границ, функциональной природы, роли, которую они сыграли в истории татарского народа, его языка и духовной культуры. До настоящего времени в татарском языкознании в данной области преобладали исследования чисто лингвистического характера, направленные в основном на изучение арабских заимствований. И здесь следует выделить труды, в которых рассматриваются особенности употребления лексических единиц, грамматических форм и конструкций арабского происхождения в старотатарских письменных текстах [2–6]. Между тем социолингвистические аспекты арабско-татарских языковых контактов всё еще остаются не до конца изученными.

Цель настоящей работы — раскрытие детерминировавших арабско-татарских языковых контактов культурно-исторических факторов, а также определение границ социальной среды бытования арабского языка и сфер его функционирования в татарском обществе в диахронии. Материалом послужили работы по истории татарского народа, татарской литературы и татарского литературного языка. Основу методологии составили методы социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации.

Обсуждение

Культурно-исторические факторы. Начало воздействия арабского языка на тюркские языки ученые связывают с принятием носителями последних ислама [7. С. 181]. В этом отношении не является исключением и язык древних предков современных татар — волжских булгар. По мнению историков, на территорию их проживания — в Поволжье мусульманская религия проникает уже в VIII в. Предтечей этого явилось установление торговых связей с восточными странами. Распространению ислама способствовали также процессы этнополитической консолидации практиковавших свои религиозные культы и верования местных племен вокруг булгар и стремление их правителей освободиться от вассальных отношений с Хазарским каганатом. Считается, что «создание надплеменного этнополитического объединения потребо-

вало утверждения унифицированной, универсалистской и интегрирующей религиозной системы, не имеющей корней в местной среде» [8. С. 550].

Согласно историческим данным, отмеченные выше процессы особенно активизируются в конце IX — начале X в., вследствие чего на мировой карте появляется новое государство — Волжская Булгария, где ислам становится государственной религией. Об этом свидетельствует факт принятия мусульманской веры частью болгарской знати во главе с их правителем Алмышем (конец IX — середина X в.) и прибытие в страну в 922 г. официального посольства от багдадского халифа аль-Муктадира (895–932 гг.). Последнее событие сыграло немаловажную роль в укреплении международных позиций страны, способствовало еще большему распространению ислама среди местного населения и укреплению его позиций в Поволжье.

Статус государственной религии ислам в дальнейшем обретет и в Золотой Орде и сохранит его вплоть до падения Казанского ханства. С завоеванием последнего в 1552 г. Московским царством он утрачивает свои прежние позиции в официальных сферах. Однако, несмотря на это, татары не перестали его исповедовать и практиковать нормы мусульманского права в повседневной жизни, хотя новые исторические условия и наложили свой отпечаток в этом деле. Вследствие разрушения прежних институтов политического и нормативного регулирования в религиозной сфере исполнение предписаний шариата становится делом чести представителей духовенства и уммы.

Сохранению исламом, пусть и не в прежней степени, своих позиций в татарском социуме в первую очередь способствовала отлаженная веками система ритуала и догматики. Свою роль в этом сыграл также суфизм — течение мистического характера, которое начало проникать и распространяться в Поволжье еще в эпоху Волжской Булгарии и представители которого ставили перед собой цель достичь повышенной духовности и слияния с Всевышним. Заявляя о тленности земной жизни, бессмысленности обогащения в материальном плане, они призывали довольствоваться малым и развиваться в духовном плане. В условиях жестокой социально-экономической, национальной и религиозной политики, которую царская администрация проводила в отношении инородцев и которая во многом породила атмосферу безысходности, идеи и ценности суфизма нашли поддержку и широкий отклик у местных последователей пророка Мухаммеда. Тем самым на протяжении последующих трех веков после падения Казанского ханства татарский народ, несмотря на религиозные притеснения, всё же не потерял своей связи с остальным мусульманским миром и в духовном плане развивался в рамках так называемой «религии сердца».

Социальная среда бытования. С принятием ислама в Волжской Булгарии начинает формироваться своя мусульманская община и духовенство. Среди местного населения именно представители последнего выступили в качестве первых носителей арабского языка — официального языка богослужения в

исламе. Хотя структура болгарской мусульманской общины еще мало изучена, но тем не менее факт ее бытования не вызывает каких-либо сомнений, так как на это указывают данные восточных источников. Ее ядро, как и в арабских странах, составляли кади, факихи, имамы, и хатибы, о чем свидетельствуют арабские путешественники того времени [9. С. 27, 66]. Наложная на этих лиц функция проведения религиозного ритуала само собой предполагала владение арабским языком, на котором традиционно проходило богослужение.

Определенные сведения до наших дней дошли о структуре мусульманского духовенства Золотой Орды. Возглавляли его отличавшиеся своим привилегированным положением в государстве сеиды, так называемые потомки пророка Мухаммеда. Далее шли кади — судьи-чиновники, которые выбирались общиной или же назначались правителем. По мнению историков, «их основной обязанностью было решение не только гражданских дел и разрешение вопросов вероучения, но и наблюдение за вопросами нравственности, надзор за имуществом вакфов и т.д. Очень часто кади выполнял функции административного руководителя общины, а иногда служил чиновником для особых поручений, недаром золотоордынские кади часто упоминаются как участники дипломатических контактов, например, с Египтом» [10. С. 610]. Всё это указывает на то, что духовные лица были сведущими людьми не только в религиозных, но и в государственных делах. Участие в налаживании контактов со странами мусульманского востока требовало от них помимо прочего и совершенного владения арабским языком, который они, как уже было сказано, и так практиковали при проведении культовых обрядов.

Далее наличием разветвленного сословия духовных лиц характеризовалось и Казанское ханство. Во главе его также стоял верховный сеид. За ним шли другие сеиды. Кроме них были шейхи, муллы, кади, хаджи, хафизы, дервиши и суфии [11. С. 441]. Они также отличались высокой степенью грамотности и образованности, в совершенстве владели арабским языком и свободно пользовались им в рамках своей деятельности, как в религиозной, так и в государственной сфере.

В среде мусульманского духовенства Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства выделялись также ученые, которые занимались теоретическими и практическими аспектами богословия. Их имена и труды были известны и в других странах мусульманского мира. Так, например, с болгарской эпохи до наших дней дошли имена Сулеймана ас-Саксини ас-Сувари, Абу-л-ал Хамида ал-Булгари, Бурхан ад-дина Ибрагима, Бурхан ад-дина Ибрагима ал-Булгари, ходжи Ахмеда ал-Булгари, Тадж ад-дина ал-Булгари. Они также являлись носителями арабского языка, так как владели им в совершенстве и активно использовали его в своей деятельности, в частности при составлении богословских трактатов.

Следующая группа носителей арабского языка в местной среде, наверное самая многочисленная, была представлена сообществом учащих (шакирдов)

мусульманских религиозных школ (медресе), которые в Поволжье начинают появляться уже в эпоху Волжской Булгарии [8. С. 556]. Как правило, обучение в них напрямую было связано с изучением арабского языка и его применением в образовательно-воспитательном процессе. Как следствие, из стен медресе выпускались не только религиозные служители, но лица, обладающие определенными языковыми компетенциями.

После завоевания Казани Москвой исламские институты лишились прежних источников финансирования и государственной поддержки. Все это вместе с другими факторами привело к определенной трансформации состава и функций местного мусульманского духовенства. Также в результате направленных против национальной, религиозной, социальной и экономической политики царского правительства восстаний и бунтов значительно уменьшилось количество возглавлявших их духовных лиц. Так, например, в конце XIX в. религиозные служители составляли лишь 1–2 % от общего числа татар в этот период [12. С. 56]. Тем самым в обществе в определенной степени уменьшается круг носителей арабского языка. В результате должно было ослабнуть и его воздействие на татарский язык, что в первую очередь проявилось бы в уменьшении арабских заимствований в последнем. Однако, как показывают языковые материалы, в старотатарских письменных текстах они начинают изобиловать именно с начала XVII в. И данное явление наблюдается вплоть до конца XIX в. Всё это говорит об обратном, т.е. арабский язык, несмотря на негативные социокультурные факторы, всё же смог сохранить свои позиции в татарском обществе.

Сферы функционирования. После принятия волжскими булгарами ислама арабский язык начинает использоваться предками современных татар прежде всего в качестве конфессионального языка, чему в большей степени способствовал факт ниспослания на нем Корана. По убеждению мусульман, он является божественным откровением и в целях предотвращения каких-либо искажений следует постигать и читать священное писание только на арабском, так как его переводы на другие языки являются лишь творениями человеческого разума и поэтому лишены той сакральности, которой данная книга была наделена изначально. В свою очередь, это предопределило проведение на арабском молитвенного обряда, в большей части представляющего собой чтение аятов из Корана.

Незыблемость позиций арабского языка в религиозной сфере сохранялась на протяжении всей истории развития татарского социума. Однако было бы неправильно утверждать, что распространение ислама в Поволжье шло исключительно только на нем. В своей деятельности, особенно в проповеднической, представители духовенства также опирались на местные тюркские наречия, а в дальнейшем и на татарский язык. В результате у последнего формируется своеобразный религиозно-дидактический стиль, насыщенный арабскими заимствованиями.

Распространение ислама способствовало становлению в Волжской Булгарии системы образования, основанного на традициях мусульманского просвещения. Ее основу, как и в восточных странах, составили медресе, в стенах которых готовились священнослужители и учителя, а также государственные служащие [8. С. 561]. Кроме того, ставилась цель приобщения местного населения к основам новой религии. В содержательном плане образовательный процесс включал в себя изучение предметов теологической, этической, риторической и логической направленности. Всё это в первую очередь предполагало обучение арабскому языку, так как оно позволяло знакомство с Кораном, религиозными книгами и дидактической литературой непосредственно на нем, что, как уже было отмечено выше, играло немаловажную роль в постижении божественного откровения. Знание арабского служило серьезным подспорьем также в деле получения высшего теологического образования в других странах мусульманского Востока, куда отдельные шакирды отправлялись после окончания местных медресе с целью углубления своих знаний. Данная система обучения практиковалась татарами вплоть до конца XIX в., и она предопределила доминирование арабского языка в сфере образования на протяжении многих столетий. После, в силу новых социокультурных реалий, свои позиции в сфере образования он уступил татарскому языку.

Схожая языковая ситуация имела место и в области науки. Здесь также наряду со старотатарским и персидским определенные позиции занимал арабский язык [13. С. 26]. С принятием ислама и после установления с другими мусульманскими странами политических, торговых и культурных связей в Поволжье начинают распространяться труды восточных мыслителей, в основной своей массе религиозно-философского характера. Они оказали непосредственное влияние на становление местной богословской школы: их изучали в медресе, на них писались комментарии и на их примере создавались другие трактаты. Составлялись они, как уже было сказано, на арабском. Самым ранним из известных на сегодняшний день таких сочинений является книга «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Красота садов и утешение страждущих душ») ученого-богослова первой половины XII в. Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини, происхождение которого ученые связывают с болгарскими городами Сувар и Саксин [14. С. 4]. В идейно-содержательном плане данный труд является образцом средневековой мусульманской религиозно-художественной литературы, автор которого наставляет своего читателя на путь истинный, призывает его стремиться к добродетели, набожности и проявлять покорность Всевышнему.

Кроме религиозных трактатов на арабском языке создавались и труды по естественным наукам [15. С. 37]. Из них до наших дней дошли работы по фармакологии «Ат-Тирйак ал-кабир» («Большое противоядие») и «Мухтасар фи ма'рифат ал-адвиййа» («Краткий трактат в познании простых лекарств») известного фармаколога и медика Таджеддина ал-Булгари (начало XIII в.), который также является выходцем из Волжской Булгарии.

Традиция применения арабского языка в научной сфере у татар сохранилась до конца XIX в., о чем свидетельствуют труды религиозно-богословского толка известных татарских ученых-реформаторов Габденнасыра Курсави (1776–1812 гг.), Габдрахима Утыз Имяни ал-Булгари (1754–1834 гг.), Шигабуди́на Марджани (1818–1889 гг.), Каюма Насыри (1825–1902 гг.), а также большое количество филологических, грамматических и риторических сочинений, использовавшихся в качестве учебно-методических пособий в медресе [12. С. 855–856; 16. С. 104, 106].

Еще одна область, где арабский язык применялся в качестве рабочего языка, это — сфера художественной литературы, в частности поэзии. По мнению литературоведов, причиной тому явилось влияние арабской литературной традиции на становление и развитие татарской художественной словесности, а также происхождение основной массы татарских поэтов из среды духовенства [13. С. 35, 51; 16. С. 76, 87]. Однако здесь его позиции были не столь сильными, так как мастера художественного слова творили в основном на старотатарском языке, а также иногда пользовались и персидским языком.

Заключение

История арабско-татарских языковых контактов насчитывает более тысячи лет. Как показало наше исследование, в культурно-историческом плане они в большей степени были обусловлены религиозными факторами, в частности принятием и исповедованием предками современных татар ислама. В данном контексте проникновению арабского языка в татарский языковой ареал способствовала непреложность постижения Корана и проведения богослужения на нем, а в качестве его проводников выступили религиозные служители, ученые и шакирды, которые в силу своих профессиональных интересов осваивали арабский язык и практиковали его в своей повседневной деятельности.

Изначальная рецепция арабского языка местным мусульманским сообществом в качестве сакрального и престижного коммуникативного средства предопределила также сферы его применения в татарском социуме. В этом плане он долгое время занимал доминирующее положение и контактировал с татарским языком в областях религиозной практики, образования и науки. А его образцовость и выразительность обеспечили ему определенные позиции в художественной литературе. Именно этим объясняется употребление наибольшего количества связанных с указанными сферами общественной деятельности арабских заимствований в татарском языке на сегодняшний день.

Список литературы

1. *Захватаева К.С.* Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 165–170.

2. Гилемшин Ф.Ф. XIX — начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. № 2. С. 216–226. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>
3. Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур»: лексика. Казань: РИЦ: «Дом печати», 2001.
4. Миннуллин Б.К. Арабо-персидские и турецкие заимствования в языке татарской периодической печати начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 99–101.
5. Мөхәммәдиев М.Г. Ш. Камал прозасының теле [Язык прозы Ш. Камала]. Казан: СССР ФА КФУ Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты, 1991.
6. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казанский государственный университет, 2004.
7. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1969.
8. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов. Казань: РухИЛ, 2006.
9. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / пер. с араб. / публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука, 1971.
10. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009.
11. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. / гл. ред.: Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2014.
12. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. VI: Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. / гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2013.
13. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы). Т. I: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX века). I т.: Фонетика. Графика: письменные традиции, норма и вариативность] / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. Казан: ТӘҺСИ, 2015.
14. Сулейман ибн Дауд ас-Саксини. Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад = Красота садов и утешение страждущих душ / авт.-сост.: И.Г. Гумеров, С.Т. Рахимов, А.М. Ахунов. Болгар: Болгарская исламская академия, 2022.
15. Хаков В.Х. Тел — тарих көзгесе (Татар әдәби теленен үсеш тарихыннан) [Язык — зеркало истории (из истории развития татарского литературного языка)]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.
16. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. Т. 3: XIX йөз [История татарской литературы: в восьми томах. 3 т.: XIX век] / Төз. Р.Ф. Рахмани; фән. мөх. Х.Й. Миңнегулов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015.

References

1. Zahvataeva, K.S. 2010. “Language contacts: basic concepts and their stratification.” *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, no 126, pp. 165–170. Print. (In Russ.)
2. Gilemshin, F.F. 2023. “XIX — the Beginning of the XX Century as a Special Stage in the History of the Tatar literary language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 216–226. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>
3. Kadirova, Je.H. 2001. Poems ‘Tuhfai Mardan’ and ‘Nur-i Sodur’ by Mukhamedyar: vocabulary. Kазan: Dom pechati publ. Print. (In Russ.).
4. Minnullin, B.K. 2012. “Arab-Persian and Turkish borrowings in Tatar periodicals language of the beginning of the XXth century”. *Philology. Theory & Practice*, vol. 6, no. 17, pp. 99–101. Print. (In Russ.).

5. Mohammadiev, M.G. 1991. Prose language of Sh. Kamal. Kazan: SSSR FA KFY G. Ibrahimov isemendege Tel, adabijat ham tarih instituty publ. Print. (In Tatar).
6. Nurieva, F.Sh. 2004. Historical and linguistic conditions for the formation of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period. Kazan: Kazanskij gosudarstvennyj universitet publ. Print. (In Russ.).
7. Baskakov, N.A. 1969. Introduction to the study of Turkic languages, 2nd ed., corrected and expanded. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
8. Usmanov, M., and R. Hakimov, R. 2006. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: RuhIL publ. Print. (In Russ.)
9. Bolshakov, O., and A.L. Mongait. 1971. The Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe. (1131–1153): Translation from Arabic. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Usmanov, M., and R. Hakimov. 2009. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde). XIII — the middle of the XV century. Kazan: Institut istorii AN RT publ. Print. (In Russ.)
11. Hakimov, R. 2014. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. IV. Tatar states XV–XVIII centuries. Kazan: Institut istorii AN RT publ. Print. (In Russ.)
12. Hakimov, R. 2013. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. VI. Formation of the Tatar nation. XIX — early XX centuries. Kazan: Institut istorii AN RT publ. Print. (In Russ.)
13. History of the Tatar literary language (XIII century — early XX century). 2015. Composed and edited by Bashirova, I.B., Nurieva, F.Sh., Kadyirova, E.Kh., and F.M. Khisamova. Vol. I: Phonetics. Graphics: written traditions, standart and variability. Kazan: TƏhSI publ. Print. (In Tatar)
14. The beauty of gardens and the comfort of suffering souls. 2022. Composed by Gumerov, I.G., Rahimov, S.T., and A.M. Ahunov. Bolgar: Bolgarskaja islamskaja akademija publ. Print. (In Russ.)
15. Hakov, V.H. 2003. Language is a mirror of history (from the history of the development of the Tatar literary language. Kazan: Tatar. kit. nəshr. publ. Print. (In Tatar)
16. History of Tatar literature: in eight volumes. 2015. Composed and edited by Rahmani, R.F., and H.J. Minnegulov. Vol. 3: XIX century. Kazan: Tatar. kit. nəshr. publ. Print. (In Tatar)

Сведения об авторе:

Мирхаев Рифат Фирдинатович — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0009-0004-9740-8957. E-mail: mirhaev77@mail.ru

Bio note:

Rifat F. Mirkhayev is a Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of General Linguistics, the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, the Tatarstan Academy of Sciences, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-9740-8957. E-mail: mirhaev77@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-469-481

EDN: NFANQH

Научная статья / Research article

Синтетизм в современной татарской прозе

Д.Ф. Загидуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация
✉ zagik63@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено новым явлениям в татарской прозе последних лет. На материале обзора и анализа знаковых произведений современных татарских писателей устанавливается, что одной из основных закономерностей развития татарской литературы является синтетизм. Он проявляется в соединении разнообразных стилевых начал в единой структуре произведения. Предпринята попытка рассмотреть особенности синтетизма в татарской литературе в стилевом и жанровом аспектах. В частности, в современной татарской прозе антиутопия, предоставив платформу для стилистического воссоединения прошлого и настоящего или настоящего и будущего, позволяет писателям вести поиск как общечеловеческих, так и национальных ценностей, составляющих основу духовности. Им представляется любовь и преданность между отцом и детьми; историческая память и др. Соединение биографического текста с лирико-романтической историей любви или реалистического — с философской, также распространенное в прозе последних лет, свидетельствует о многообразии творческих поисков.

Ключевые слова: татарская проза, синтетизм, роман, антиутопия, повесть, рассказ

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. Синтетизм в современной татарской прозе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 469–481. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-469-481>

© Загидуллина Д.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Synthetism in Modern Tatar Prose

Daniya F. Zagidullina

IYALI named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*

✉ zagik63@mail.ru

Abstract. The study is devoted to new phenomena in Tatar prose in recent years. Based on the material of the review and analysis of the iconic works of modern Tatar writers, it is established that one of the main patterns of development of Tatar literature is synthetism. It manifests itself in the combination of various stylistic principles in a single structure of the work. An attempt is made to consider the features of synthetism in Tatar literature in stylistic and genre aspects. In particular, in modern Tatar prose, dystopia, by providing a platform for a stylistic reunion of the past and the present or the present and the future, allows writers to search for both universal and national values that form the basis of spirituality. They imagine love and devotion between father and children; historical memory, etc. The combination of a biographical text with a lyric-romantic love story or a realistic one with a philosophical one, which are also common in prose in recent years, testifies

Key words: Tatar prose, synthetism, novel, dystopia, novel, short story

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Zagidullina, D.F. 2024. “Synthetism in Modern Tatar Prose.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 469–481. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-469-481>

Введение

На рубеже XX–XXI вв. татарская литература, как и большинство национальных литератур бывшего СССР, стремилась освоить художественные достижения мировой литературы, адаптируя их к запросам своих читателей. Одновременно с этим происходил процесс актуализации национальной тематики и проблематики, поиска собственных путей развития, позволяющих обновлять национальные художественные традиции.

Эта ситуация во многом напоминает начало XX в., когда в литературе происходила обусловленная модернизацией татарской культуры смена картины мира. Как и в начале XX в., одним из художественных проявлений этого процесса в конце XX — начале XXI в. становится синтетизм. Видимо, это было закономерным этапом эволюции постсоветской литературы: называя синтетизм «одним из важнейших источников динамики и модернизации в общественной и культурной сферах», А.А. Федоров рассматривает его как «взаимодействие и соединение разнородных элементов», в результате которого возникают «культурное явление, течение, стиль или модель социокультурного устройства, отличающиеся от обоих составляющих компонентов и имеющие собственное качественное определенное содержание или форму» [1. С. 250–251].

В последние годы литературоведы все чаще высказываются о синтетизме как одной из основных тенденций в современной русской литературе. Например, Г.Т. Гарипова по данному поводу пишет: «90-е гг. обозначили концептуальную тенденцию не только имманентного состояния, но и перспективного развития литературного процесса — это синтетизм, тяготеющий к интерференции. Возникшая в начале XX в. тенденция сближения и слияния (до уровня интерференции) классической (реалистической) и неклассической (модернистской / постмодернистской) парадигм художественности продолжает охватывать все уровни современного литературного процесса» [2. С. 36].

Анализируя творчество В. Маканина, А. Кима, О. Ермакова, Л. Петрушевской, Г. Петрова, Ю. Мамлеева как примеры синтетического письма в современной русской литературе, Чжан Цзянхуа отмечает: «Современная литература не поддается описанию в традиционных рамках понимания эволюции как смены канонизированных форм, их разрушения и образования иных форм. И первое, что бросается в глаза при знакомстве с постсоветской литературой на стыке веков, — это ее концептуальный плюрализм, многообразие творческих поисков и калейдоскопические изменения художественных форм. Особенно актуален вопрос о выявлении новаторской сути русской прозы, которая заключается в синтетизме» [3. С. 61].

В татарской литературе рубежа XX–XXI вв. одним из проявлений синтетизма становится взаимодействие реалистической и нереалистической парадигм художественности. Как пишет Е.М. Табориская: «В XX в. реализм — это, скорее, не метод, хотя генетическая преемственность с реализмом XIX в. сохраняется, а именно тенденция, позволяющая гибко и быстро отражать меняющуюся жизнь, впитывать и осваивать достижения нереалистической литературы» [4. С. 70]. Схожие явления обнаруживаются и в других национальных литературах [5. С. 167].

Несмотря на общие типологические черты, синтетизм в каждой национальной литературе имеет особенности. Так, относительно русской литературы Г.Т. Гарипова в качестве таковых называет неомифологизацию и экзистенциализацию художественного сознания, которые, по словам исследовательницы, позволяют сформировать наиболее «яркие художественные интерференции реалистического и модернистского векторов» [2. С. 38].

Обсуждение

В татарской литературе активность синтетизма связана с развитием антиутопии, которая предоставляет писателю возможность связать воедино прошлое и настоящее или настоящее и будущее как самостоятельные тексты, воссозданные двумя способами письма. Выбор жанра уже предполагает соблюдение конститутивных для антиутопии жанровых принципов: это, с одной стороны, попытка представить на суд читателя общество, построенное на иллю-

зии идиллии; с другой — страх перед будущим, в котором утрачиваются самые важные общечеловеческие ценности. Синтетизм позволяет писателям, наряду с поиском опор для противостояния всеобщей бесчеловечности, указать на национальные, этнические духовные силы, способные сохранить в обществе стремление к добру, красоте, истине.

В повести М. Кабирова «Сагындым, кайт инде...» («Истосковался, вернись уже...»), 2008) автор предупреждает о возможности исчезновения человечества, которое начинается с уничтожения книг, установления тотального контроля за людьми. Перед читателем возникают две модели развития человечества, которые представлены как детство и взрослая жизнь одного героя по имени Искандер. В событиях прошлого он предстает под конкретным именем как талантливый мальчик, воплотивший свои мечты и ставший писателем, а в настоящем номинируется отвлеченным именем Язучы (Писатель), который стремится разгадать тайну исчезновения своего отца, а также причин коренных перемен в мире (детективный сюжет). Это позволяет автору отразить в частной истории историю человечества. «Через всю свою жизнь, — пишет Л. Юзмухаметова, — он несёт тоску об отце, по родной земле и по благородным односельчанам, некогда бескорыстно помогавшим сироте Искандеру. Вся эта тоска в совокупности звучит как тоска по Человеку — умеющему любить, сострадать, делать добро, плакать, смеяться, улыбаться и думать. Современный человек, по тексту, это жертва тоталитарного мироустройства, все святое в нем безжалостно уничтожается, при таком раскладе сил превращение людей в роботов неизбежно» [6. С. 158].

Настоящее в произведении М. Кабирова — время победы тотального контроля над человеком — изображается как переживаемые Искандером события, а также при помощи жены Искандера — Тансылу, в ее мыслях и переживаниях. В создаваемой автором абсурдной картине развитие цивилизации представлено как движение к роботизации, на пути к которой люди превращались в роботов. Этот процесс начинается с исчезновения отца Искандера и уничтожения книг. В описании этого процесса М. Кабиров обращается к натуралистическим образам и деталям (реалистическое начало), а также использует узнаваемые призывы, констатации, якобы прозвучавшие во время массовых мероприятий, разъясненные в научных статьях (демифологизация тоталитарной идеологии). Этот текст завершается констатацией, что на Земле уничтожен последний человек. Для описания предполагаемого будущего человечества автор использует стандартные для антиутопии представления: власть находится в руках роботов; при помощи тотального контроля и таблеток они зомбируют людей, уничтожая способность мыслить и чувствовать; зомбированные люди не могут трезво смотреть на происходящее, они довольны своей жизнью и т.д.

В самые критические моменты в памяти Искандера возникает образ прошлого, придавая ему силы противостоять тоталитарному преследованию. Этот образ создается с привлечением приемов романтического стиля: в воспомина-

ниях описываются любящий и любимый отец, мать, дружеские взаимоотношения с односельчанами. Узнаваемые картины деревенской жизни и использование главной оппозиции татарской литературы 1960-х гг. — «духовное — материальное», название произведения и звучащие рефреном на протяжении всей повести слова «Сагындым, кайт инде» («Истосковался, вернись уже») указывают на один из вариантов прочтения текста: сохранить духовность, человечность помогают книги, любовь и взаимопонимание в семье, поддержка в обществе и родные места. Эти четыре ценности представлены как своеобразный текст, слово татарского писателя, обращенное к человечеству.

В образе Искандера проявляется новый миф о спасителе, который должен одержать победу при помощи слова, литературы. Но М. Кабиров находит свою версию ответа на вопрос, в чем он черпает силы для борьбы. Любовь и преданность между отцом и сыновьями в повести оказываются сильнее всех других чувств, что указывает на то, что эта архетипическая связь выступает как универсальное начало бытия, помогающее выжить в мире. Язучы продолжает писать ради своих детей, они действительно получают его книгу, и хотя в финале повести М. Кабиров приводит своего персонажа к смерти, последняя картина (на поляне в непроходимом лесу его дети читают людям написанную им книгу), преодолевает эсхатологию.

В духе антиутопии написан и роман М. Кабирова «Китап» («Книга», 2014). В нем автор использует композиционный прием «текст в тексте», который впервые был им применен в повести «Сары йортлар сере» («Тайна желтых домов», 2002). В этом более раннем произведении М. Кабиров графически (разными шрифтами) маркирует тексты, принадлежащие разным субъектам повествования: рассказчику и свидетелям.

В «Китап» основной текст — фантастический, он уводит читателя в будущее, в котором нет книг, автоматизированная система контролирует и руководит даже мыслями и чувствами зомбированных людей, является «генератором иллюзий» [б. С. 237]. Здесь присутствует та же, что и в повести «Сагындым, кайт инде», оппозиция духовного и материального: культ материального, приводит к уничтожению литературы (книги уничтожают сами же люди за материальное вознаграждение). М. Кабиров, так же как и в первой повести, моделирует одну из возможностей будущего своего народа и человечества, предупреждая о грозящей им опасности. Вместе с тем фантастический текст составлен таким образом, что в нем в критические моменты, когда возникает ситуация тревоги и опасности, слышится фраза «итта-ритта-риттата», на эмоциональном уровне подчеркивая некомфортность человеку в мире роботов.

Главные герои этого текста — Ильдар и Лейла — находят спрятанный в XXI в. раритет — книгу. Поиск причин ее исчезновения позволяет автору воссоздать второй текст, в котором преобладает романтическое начало. Герой второго текста является автором этой книги, в которой он описывает социокультурное состояние общества начала XXI в. М. Кабиров оставляет возмож-

ность идентифицировать его как перемещавшегося из будущего Ильдара: его научный руководитель проводит эксперимент и чтение книги о прошлом позволяет ему вернуться из будущего. Таким образом, главной силой человечества выступает здесь историческая память, заключенная в книгах.

Как и в первом произведении, образ главного героя объединяет в себе разные стили (фантастика, жестокий реализм, романтизм, детектив), порождая на их стыке новые смыслы, касающиеся философии человека и человечества. Вместе с тем настоящее изображается в этническом ключе: развитие событий провоцирует дискуссия между писателем Ильдаром и нефтяным бароном Даутовым по поводу татарской книги. Даутов, используя все свое могущество (закрываются библиотеки, книжные магазины, типографии, отпадает необходимость в бумаге, книга заменяется масс-культурой и др.), на примере татарского социума хочет доказать, что, «если литература исчезнет, ничего в мире не изменится, люди даже не почувствуют этого» [6. С. 275]. И в «будущем» научным руководителем Ильдара является татарин Рамиль Ахметович, который дает ему книгу и отправляет его сознание в виде информационных волн в прошлое.

В идейно-тематическом плане роман М. Кабирова созвучен с антиутопией азербайджанского писателя Али Акбера «Амнезия» (2010). Сам писатель в качестве эпиграфов к главам использовал цитаты из зарубежной литературы — Р. Брэдбери, С. Кинга и У. Стриберга, тем самым вписывая свой роман в ряд известных произведений, рассказывающих об опасностях, грозящих будущему человечества (примечательно, что в первоначальном, опубликованном в журнале варианте текста их не было). Описание «болезней» человечества, возникших после исчезновения книги (необразованность, беспамятство, страх жить, алкоголизм и наркомания, предпочтение виртуальной реальности, невозможность рожать детей), напоминает роман Г. Исхаки «Ике йёз елдан соң инкыйраз» («Исчезновение через двести лет», 1903), в котором писатель, так же один за другим, показывал недостатки, болезни татарского общества начала XX в. Поэтому антиутопия М. Кабирова прочитывается как предупреждение, адресованное татарам, теряющим свой язык и литературу.

Похожая структура антиутопии с целью предупреждения нежелательного выбора путей развития отдельно взятого народа и государства прослеживается в известной повести «Белый овен, черный овен» (2006) азербайджанского писателя Анара, который описывает три разные возможности развития государства Азербайджан после развала Союза, придерживаясь национального культурного контекста.

В романе-антиутопии с элементами детектива «Фэхрине үтереп ташладылар» («Убийство Фахри», 2021) Р. Сабыра «настоящее» выступает как развязка, окончательное раскрытие преступления, которое происходит в финале. Всплывающее в воспоминаниях бывших друзей «прошлое» состоит из двух самостоятельных историй. В истории предательства друга на первый план

выходит документальное начало; в истории предательства юношеских идеалов — ироническое начало. Заглавие романа отсылает читателя к известному роману Г. Ибрагимова «Тирэн тамырлар» («Глубокие корни», 1928), начинающегося предложением «Фэхрине үтереп ташладылар». Роман Г. Ибрагимова посвящен установлению советской власти, и вынесенная в сильную позицию текста (заглавие) реминисценция указывает на возможность поиска причин происходящего в советской идеологии, которая стала управлять людьми, используя такие рычаги, как страх и зависть. Фраза «Фэхрине үтереп ташладылар» несет в себе метафорическое значение: это — уничтожение в социуме человеческих качеств: добра, взаимопомощи, дружбы, любви, верности, истины.

Другая разновидность синтетизма в современной татарской литературе — соединение биографического текста с лирико-романтической историей любви — обнаруживается в романе-антиутопии Р. Зайдуллы «Ильяс Алкинның соңгы мэхэббәте» («Последняя любовь Ильяса Алкина», 2020).

В основе романа история последней поездки известного татарского политика и ученого И.С. Алкина в 1937 г. в Ташкент. Прозаик очень эмоционально описывает красивую придуманную историю встречи двух людей, вспышку взаимного чувства, которое прерывается арестом Ильяса в финале, и на этой волне кажется, что название романа указывает на его любовь к Луизе.

Основной текст — биографическая часть романа — отражает политические события в России начиная с 1917 г. Прозаик детализированно восстанавливает события, происходившие в 1917–1920 гг. Ему удается избежать советской черно-белой однобокости при воссоздании характеров исторических личностей — З. Валиди, адмирала Колчака, М. Саитгалиева, М. Султангалиева, С. Атнагулова, Г. Ибрагимова, А. Мухетдинии и др. Наличие прототипов героев, достоверность описываемых событий и повторяемые ключевые слова, такие как «курку» («страх»), «кызыл кыргын» («красный мор»), «корыч мыеклы, тимер йодрыклы диктатор» («диктатор со стальными усами и железным кулаком») и др., становятся маркерами демифологизации советского строя.

В контексте общественно-политических событий в стране деятельность И. Алкина раскрывается как любовь к своей нации, своей родине. В тексте, в мыслях героя еще раз подчеркивается, что любовь к своему народу и вера в его будущее — его последняя и единственная любовь. Таким образом, биографический текст воспринимается историей трагической любви сильной личности к татарскому народу.

Необходимо отметить, что использование биографического текста в таком же плане прослеживается и в романе М. Кабировова «Шамил» (2020), посвященного судьбе красного комиссара Ш. Усманова, в котором параллельно развиваются документальное и импрессионистическое начала. Подобный синтез имеет потенциал трансформации классического жанра исторического романа (повести), о чем свидетельствуют разновидности его применения в азербайджанской (Эльчин и др.) и казахской (Р. Отарбаев и др.) литературах. В татар-

ской прозе такой тип синтеза обнаруживается и в повести А. Салаха «Сонгы вальс» («Последний вальс», 2002), в которой наблюдается наложение истории романтической любви, вспыхнувшей между Газизом и Айслу, на историю Чернобыльской трагедии, которая ретроспективно всплывает в воспоминаниях главного героя.

Взаимное наложение реального и обобщенно-ирреального начал осуществляется в произведениях, основу которых составляет философское видение прозаика. Например, в романе З. Хакима «Ана жыры»¹ («Песня матери», 2020) совмещаются детективный сюжет о потерявшемся ребенке с философским текстом о поиске человеком своей идентичности. Главный герой, Рахман, в сложное перестроечное время, когда ему было 3 года, потерялся в поезде. Социальная детерминированность, причинно-следственная логика, бытовые и психологические детали, наблюдаемые при описании эпохи 1990-х гг. в реалистическом ключе, опираются на историко-документальную фактологию.

Поиск матери становится для Рахмана поиском себя, своих корней. Эта часть повествования обогащена философскими сентенциями, символами, интертекстуальными связями. Автор уподобляет поиск этнической идентичности поиску смысла жизни: затрагиваются проблемы национальной самоидентификации личности, переустройства мира посредством национальной культуры и системы духовных ценностей. Рахман считает, что человек должен знать своих «маму, папу, родных. Если их не искать, то невозможно, наверно, найти себя в этом мире»². «Мама» уподобляется прозаиком родному языку, родной культуре, национальному самосознанию. Тем самым путь Рахмана воссоздается как путь каждого человека к себе, к своему предназначению, судьбе. Здесь возникает ассоциативная связь с романом Патрика Модiano «Улица темных лавок», в котором подчеркивается важность поиска прошлого для осознания современности.

Идеализированный автором романтический герой Рахман (его имя с арабского языка переводится как «путник») берет на себя функции демифологизации советского прошлого татарского народа. Поэтому философский текст совмещает общечеловеческую философию с национальной проблематикой. Идея спасения татарской нации и человечества путем приобщения к родным корням, своей истории и культуре реализована посредством концептов «жыр» (песня), «юл» (путь), «тел» (язык). Все три образа, прежде всего, выступают как маркеры национального самосознания, спрятанные глубоко в подсознании. Например, З. Хаким так пишет о Рахмане: «Его упорное стремление говорить по-татарски по сути исходило от желания доказать, что он не безродный, а является чьим-то потомком. Желание объяснить свою сопричастность к крупному роду, к великому народу всегда возникало из подсознания, из глубин души» [6. С. 15].

¹ Хаким З. Ана жыры. // Казан утлары. 2020. № 6. Б. 3–80.

² Там же.

В качестве «песни матери» З. Хаким использует татарскую народную песню «Су буйлап» («Вдоль реки»). Содержание песни, символ Волги в нем, в свою очередь, указывают на неразрывную связь судьбы татарского народа с духовностью, верой, песней. Произведение завершается размышлениями героя об этом.

«Когда был вдалеке от родины, в одиночестве, не знал, кем является, эта песня „познакомив“ его с Файруза-апой, „разбудила“ его, открыла глаза. Песня помогла ему не потеряться. Эта песня привела его к родным местам».

«Из-за этой музыки душа приблизилась к всеобщей гармонии.

Эта песня увела к прошлому. А затем вернула к настоящему. Позвала к будущему.

Этот очень родной, близкий голос рассказал о судьбе человека, судьбе народа.

Голос души не может быть фальшивым, он не может ошибаться» [6. С. 79–80].

Концептуализация обеспечивается и названием произведения — «Ана жыры», которое уподобляет песню материнскому благословию. В данном случае для прозаика важным является духовное восхождение человека, поиск себя и смысла жизни.

Такое же явление обнаруживается в романе З. Хакима «Бер сэгатьтэ ничэ мизгел бар?..» («Сколько мгновений в одном часу?», 2022). История Хайдара, из-за болезни оказавшегося в клинике в Германии, воссоздана как реалистически правдоподобная. Там же герой узнает романтическую историю о большой любви своего отца — Самата Гарипова: 1944 год, молодые бойцы Гарипов Самат и Ортвин Мейер встретились и пережили несколько невероятных дней на территории Украины. Самату было поручено доставить пленного Ортвина к месту дислокации советских войск. Однако духовная трансформация, которая происходит с героем за это непродолжительное время (во многом она обусловлена чувством любви Самата к Светлане, с которой он случайно познакомился по пути к расположению своей части), не позволяет герою убить «врага». Любовь заставила Самата по-другому взглянуть на человеческие взаимоотношения, вдохновила на создание прекрасного стихотворения, которым восхищались люди разных национальностей. Позже внук Ортвина озвучит его на разных языках как песню.

Таким образом, история Самата становится лишь первопричиной для основного, романтико-философского текста. В мире, полном несправедливости, предательства, жестокости, зависти, которые оказываются разрушительнее, чем катастрофа войны (это особенно видно в описании послевоенной жизни Самата), любовь помогает быть счастливым, а способность любить продлевает жизнь. Но эта истина осознана не Саматом, а его внуком Хайдаром, который оказался один на один со смертельной болезнью, но узнал прошлое своего деда.

Важную роль в тексте играет и высказанная автором мысль: «От того, какое решение ты примешь в тот или иной момент, какой шаг сделаешь, зависит судьба твоих детей, внуков»³. Она относится и к важному решению молодого Самата и его внука Хайдара, познакомившегося со своим братом, сыном Светланы, выросшим не зная своего отца, и к размышлениям прозаика о войне и мире, о человеческих характерах и судьбах.

В ряде произведений татарских писателей, в которых используется прием синтетизма, большое внимание уделяется экзистенциальному началу в человеке. Например, в повести А. Ахметгалиевой «Кичке таң» («Вечерняя заря», 2018) соединяются две романтические истории (которые могут быть определены как «жизнь для себя» (Динара, Мария Петровна) и «жизнь ради других» (Тимур — Чулпан — Илхам)), с религиозной философией. Одним из двух эпиграфов выбран 281 аят из суры «Бакара»: «Бойтесь того дня, когда вы будете возвращены к Аллаху...».

Повесть посвящена истории из жизни нейрохирурга Тимура Айдаровича, его уникальной операции. Реалистичная история болезни Ильхама, взаимоотношений хирурга и пациента, борьбы человека со смертью совмещается с религиозной философией, в которой на первое место выходит мысль о важности веры для преодоления страха перед смертью, горечи утраты близкого. Этот текст составлен с использованием сур Корана. Религиозный текст имеет самостоятельный характер, сопровождая романтические истории и акцентируя их.

Главный герой повести, «любовный треугольник», ситуация вокруг хирурга напоминают героя романа Г. Абсалямова «Ак чэчэклэр» («Белые цветы», 1966) Абузара Гиреевича и его историю. На это же указывает и часто повторяющийся в повести А. Ахметгалиевой образ белых цветов.

В подобных повести А. Ахметгалиевой произведениях наблюдается не только взаимодействие, но качественное изменение различных стилевых начал. Так, в повести Ф. Гималтдинова «Шом» («Тревога», 2023), наряду с основным реалистическим текстом, находится самостоятельный философский текст. Он воссоздает «поток сознания» Матери-Земли, размышляющей об истории человечества, войн, испытаниях ядерного оружия на полигоне, которое сопровождается легендами и историческими фактами. Название повести, прежде всего, относится к этому тексту.

Реалистичный сюжет развивается как приглашение и поездка друзей на очередное новоселье архитекторов Наили и Фаиля, которые до этого один за другим строили роскошные коттеджи и удивляли близких, а через год-два продавали их и приступали к строительству нового. На этот раз они построили совсем другое сооружение — бункер, наполнив его продуктами на год. Так возникает второй смысловой слой названия повести. Озабоченность прозаика настроением, чувствами человека, который построил бункер или

³ *Хәким З. Бер сәгаттә ничә мизгел бар?: роман.* Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. 191 б. С. 119.

людей, ставших свидетелем этого, также может быть обозначена словом «шом». Заставив поверить читателя в истинность изображенного, писатель заканчивает произведение звонком будильника: выясняется, что герой-повествователь видел сон. Но такая игра не уводит историю от реалистичности. Этому противостоит первый философский текст, излагаемый от имени Матери-Земли.

Воссоединение реалистичной истории современности и обобщенно-философской абсурдно-символической истории советского государства впервые в татарской литературе было осуществлено в повести-антиутопии М. Кабировой «Акбабайның туган кене» («День рождения Акбабая», 2004), в которой прозаик обращается к приемам политического шаржа, пародирования и демифологизации.

Зачастую прозаики используют синтетизм при анализе сознательных и подсознательных процессов. Например, в повести «Төш» («Сон», 2015) Гюль Мирхади параллельно рассказываются две истории. Первая — это реалистическая история любви и создания семьи, которая завершается трагедией: самоубийством мужа героини от безысходности, алкоголизма под влиянием сложившихся обстоятельств. Вторая — создаваемая в сознании женщины история, которую она каждый день завершает счастливой концовкой, «спасая» мужа от самоубийства. Однако в этом произведении основным остается первый текст, но абсурд как организующее начало подводит читателя к главному выводу: каждый человек живет одиноко, в плену сожалений, с желанием исправить ошибки. Такой же мотив использован в повести М. Кабировой «Елмаю» («Улыбка», 2008).

В ряде повестей доведение реалистического описания современности до абсурда совмещаются со сказкой и фольклором. Например, в повести «Ике жүләр» («Два дурака», 2014) Р. Батуллы главный герой Сиразетдин представлен в образе сказочного батыра Сабантуя. Рассказывая историю его любви к жене своего старшего брата, историю спасения им юродивого Габдуллы ценой своей жизни во время весеннего половодья, автор акцентирует внимание на таких его качествах, как наивность, готовность прийти на помощь человеку, несмотря на грозящую опасность. Вокруг этой сказочной истории возникает текст, который указывает, что в современной жизни положительное оценивается как негативное, умный — как дурак, ложь представляется как истина в последней инстанции. Модель-перевертыш становится картиной современного социума.

Не только авторы романов и повестей, даже лучших образцов малого жанра — рассказа в татарской литературе последних лет, обращаются к синтетизму, который позволяет расширить содержание текстов до полноценных историй жизни, открыто или иносказательно комментируя социальную действительность, философию человека, историко-культурную ситуацию и т.д.

Одной из первых к приему синтетизма в жанре рассказа обратилась Р. Габделхакова. В рассказе «Сират күпере» («Мост над адом», 2006), события

которого происходят в Афганистане, реалистический текст о кровавой афганской войне и фантастический сюжет обретения веры (иман), который не уместается в логические причинно-следственные рамки, составляют единое целое. Или в рассказе «Китүчеләр» («Ушедшие в никуда», 2006), например, романтическую историю любви и совершения ошибки, реалистическую историю войны объединяет философская позиция автора. В рассказе «Даладан килүче» («Идущий из степи», 2004) в центре внимания оказывается «поток сознания» потерявшего память мужчины, который составляет психологический текст. Эта история амбивалентна и может прочитываться как оценка состояния постсоветского общества, в котором стремление к материальным благам заслонило ценность человеческой жизни, красоты, счастья; и как философия одиночества человека. Описание причин страха и потери памяти мужчиной составляет реалистический текст о гибели семьи, свидетелем которого он становится.

В современной татарской литературе «многослойность» рассказа в стилистическом отношении наблюдается также в творчестве Р. Зайдуллы, Р. Батуллы, Р. Мухаметшина, М. Кабирова, Р. Галиуллина и др.

Заключение

Одним из достижений современной татарской прозы выступает художественный синтетизм, который активно проявляется в антиутопиях, но встречается в повестях и даже рассказах. Объединение поэтики различных художественных стилей, взаимопроникновение восточных и западных традиций, философско-художественный синтез воспринимается сегодня как возможность для наиболее выразительной репрезентации нового художественного мышления. Вместе с тем синтетизм позволяет авторам сохранить некоторую общность с классической прозой.

Список литературы

1. Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры: словарь. Уфа: Гилем, 2003.
2. Гарипова Г.Т. Логика и динамика развития русского литературного процесса конца XX — начала XXI века: тенденции и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20 (311). Вып. 79. С. 36–40.
3. Чжан Цзянхуа. Синтетизм — новое жанрово-стилевое явление современной русской прозы // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 61–68.
4. Таборисская Е.М. Литературный процесс: курс лекций по введению в литературоведение. СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2001.
5. Юсифли В. Проза: конфликты и характеры. Баку: Язычи, 1986.
6. Юзмухаметова Л.Н. Новые явления в татарской прозе рубежа XX–XXI веков. Постмодернизм: монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.

References

1. Fedorov, A.A. 2003. Introduction to the theory and history of culture: Dictionary. Ufa: Gilem Publishing House. Print. (In Russ.)

2. Garipova, G.T. 2013. "Logic and dynamics of the development of the Russian literary process of the late 20th — early 21st centuries: trends and prospects." *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no 20 (311), issue 79, pp. 36–40. Print. (In Russ.)
3. Zhang, Jianghua. 2011. "Synthetism as a new genre and style phenomenon of modern Russian prose." *World of Russian Word*, no 2, pp. 61–68. Print. (In Russ.)
4. Taborisskaya, E.M. 2001. *Literary process: A course of lectures on introduction to literary criticism*. St. Petersburg: Publishing house "Petersburg Institute of Printing." Print. (In Russ.)
5. Yusifli, V. 1986. *Prose: conflicts and characters*. Baku: Yazichi. Print. (In Russ.)
6. Yuzmukhametova, L.N. 2016. *New phenomena in Tatar prose at the turn of the XX–XXI centuries. Postmodernism: monograph*. Kazan: Kazan Publishing House. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, профессор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Баумана, д. 20. E-mail: zagik63@mail.ru

Bio note:

Daniya F. Zagidullina is a Doctor of Philology, Professor, IYALI named after G. Ibragimov, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: zagik63@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-482-492

EDN: VCYHLX

Научная статья / Research article

Особенности формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана

И.А. Еникеев

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ eniki07@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема формирования русскоязычной литературы в контексте взаимодействия русской и национальных литератур бывшего Советского Союза. Используются новые исследования ученых по изучению региональных литератур. В качестве теоретической базы применена концепция культурно-исторических гнезд. Показаны динамика и направление развития русскоязычной литературы Татарстана. Выявлена значимость культурно-исторических гнезд в процессе развития национальных литератур.

Ключевые слова: русскоязычная литература, мультикультура, культурно-историческое гнездо, регион, Н. Пиксанов, Ф. Амирхан, Р. Кутуй, Р. Бухараев, Д. Валеев

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Еникеев И.А. Особенности формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 482–492. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-482-492>

Features of the Genesis and Formation of Russian-language Literature in Tatarstan

Ildar A. Enikeev

G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

✉ eniki07@mail.ru

Abstract. The study examines the problem of the genesis of Russian-language literature in the context of the interaction between Russian and national literatures of the former Soviet Union. New research by scientists on the study of regional literatures was used. The concept of strata and cultural-

© Еникеев И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

historical nests is used as a theoretical basis. The dynamics and direction of development of Russian-language literature in Tatarstan are shown. The significance of cultural and historical nests in the process of development of national literatures is revealed.

Key words: Russian-language literature, multicultural, cultural-historical nest, region, N. Pikanov, F. Amirkhan, R. Kutuy, R. Bukharaev, D. Valeev

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Enikeev, I.A. 2024. “Features of the Genesis and Formation of Russian-language Literature in Tatarstan.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 482–492. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-482-492>

Введение

Исследование русскоязычной литературы в настоящее время накопило определенный теоретический и историко-литературный опыт, позволяющий определить место этого явления в национальном литературном пространстве. В рамках данной статьи мы опираемся на исследования русскоязычной литературы разных регионов, появившиеся в 2017–2023 гг. Предлагаемые далее формулировки являются попыткой свести к единому консенсусу указанные исследования. Выясняется, что основным проблемным узлом всей конструкции русскоязычной литературы является вопрос о взаимосвязи последней с русской литературой, а уже затем с национальными литературами. Вопрос ставится в формулировке — является ли русскоязычная литература в полном смысле русской литературой?

Теоретические и историко-литературные исследования русскоязычной литературы в настоящее время дают возможность определить статус данного явления в национальном литературном процессе. Особенно значимы в этом плане исследования русскоязычной литературы разных регионов, опубликованные в 2017–2023 гг. Одной из задач предлагаемой статьи является сведение к общему консенсусу выводов данных исследований в плане понимания причин формирования русскоязычия разных этносов и его роли в художественном творчестве этих народов. Общим знаменателем указанных работ можно назвать мысль о том, что основным спорным моментом феномена русскоязычной литературы является проблема взаимосвязи последней с русской литературой, а уже затем с национальными литературами. Эта проблема формулируется в виде логической посылки — можно ли считать русскоязычную литературу в полном смысле русской литературой?

Современные российские исследователи полагают, что существует литература на русском языке, но без русской метафизики и русской национальной идентичности, и эту литературу следует обозначать термином русскоязычная [1. С. 381]. Истоки этой концепции восходят к 1910–1920-м гг., когда ученые пытались исследовать структуру и иерархию русской литературы. Выдвиг-

нутая И.М. Гревсом, Н.П. Анциферовым, Н.И. Пиксановым концепция культурно-исторических гнезд, являющихся фундаментом развития литературного процесса, ознаменовала собой новый подход к истории литературы. Гнездо позволяло выработать и высказать консолидированный голос социально-культурной группы и даже определенного региона. Например, Н.К. Пиксанов предложил делить русскую литературу на три течения: столичную, усадебную и провинциальную литературы [2. С. 14].

В конце 1920-х гг. этот научный подход был подвергнут критике как в силу своей спорности, так и по причине того, что концепция выявления стратов в литературе подрывала принципы утверждаемого в советской культуре единого социалистического эстетического идеала. Однако последовавшие затем десятилетия практического опыта многонациональной советской литературы показали, что культурно-исторические гнезда являются реальным механизмом литературного процесса, а следование канонам художественного метода, определенным жанрам и стилям, выбор идейно-тематической проблематики — по сути способом соответствовать и приспособиться к эстетическому идеалу, предложенному правящей партией обществу. В 2018–2020-е гг. эта забытая научная традиция 1920-х гг. была реанимирована в качестве методического инструмента при написании многотомной «Истории литературы Урала» XV–XIX вв. под редакцией проф. Е.К. Созиной. Похожая ситуация имела место в русской литературе до революции 1917 г., когда часть писателей придерживалась русского имперского дискурса, другие авторы выдвигали революционно-демократические нарративы, а третьи — пытались соответствовать новаторским приемам европейского модернизма. В указанной культурной ситуации возник вопрос о взаимоотношениях русской и национальных литератур.

Как отмечают татарские историки, в массовом сознании татар конца XIX — начала XX в. был весьма силен страх перед русификацией, проводимой через русскую культуру и грозящей подменой их национальных ценностей. Однако небольшая часть татарской интеллигенции относилась к русскому языку как к инструменту, открывавшему доступ к новым знаниям, для интеграции в мировую научную цивилизацию. Здесь следует упомянуть о переводческой деятельности с русского языка на татарский таких известных представителей татарской культуры и литературы, как К. Насыри, Г. Тукай, Ф. Амирхан, Х. Ямашев. Ученые Татарстана отмечают, что сами государственные деятели Российской империи отнюдь не желали массового обучения инородцев русскому языку, опасаясь избыточного просвещения национальных сословий: «Боязнь царских чиновников приобщить татар к русскому образованию обуславливалась ходом общественной борьбы у татар и результатом работы первых русско-татарских школ. Особое совещание по мусульманским делам весной 1914 г. указывало: „Наблюдения за жизнью мусульман показывают, что параллельно с изучением русского языка среди них начинает развиваться известный радикализм и рушится прежнее, строго консерва-

тивное политическое направление. Невольно обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно передовые мусульманские деятели и прогрессивная мусульманская печать не только не являются противниками русской образованности, но и, наоборот, стараются всячески убедить своих единомышленников в необходимости для них изучать русский язык и даже отдавать детей в русские школы» [3. С. 91]. Судя по докладной записке на имя министра внутренних дел казанского вице-губернатора Петкевича, он видел в появившихся русско-татарских школах и именно с татарскими, а не русскими преподавателями, «постоянную угрозу русской государственности». По его соображениям, стратегия этнических культурных резерваций и изоляция их от внешнего взаимодействия была бы более предпочтительна. Эта ситуация скрытого недоверия и взаимного недопонимания перешла и в последовавший этап советского глобализма и интернационализма.

Исследователь Г. Гусейнов в своей статье от 2017 г. проливает свет на скрытую особенность дискурса советской культуры, обозначаемой им как антиинтернационализм. Для таких групп советских писателей, как славянофилы, почвенники и деревенщики, структурированных вокруг редакций определенных литературных журналов, представлялось тревожным фактором огромное количество публикаций многонациональных авторов на русском языке. Они воспринимали эту советскую практику как угрозу для синтаксиса и стилистики русской литературы, как признак вымывания из литературы русской метафизики и философии. Они «видели угрозу русской культурной традиции в обрусевших инородцах, лишающих, с их точки зрения русскую культуру ее важных свойств и черт, размывающих традицию чужеродным словарем, тональностью, меняющих сам дух традиции... при этом „националы“ часто создавали новую литературную форму, которая уже благодаря переводу на русский язык оказывала воздействие и на „русскую советскую литературу“.

Влияние переводной литературы с „языков народов СССР“ на русскую либо не изучалось вовсе, либо воспринималось как странная и даже опасная контрабанда» [4. С. 390]. Продолжением этого процесса стало то, что в период постсоветского мультикультурализма русская литература перешла в статус литературы «Условной Москвы», «Большого Урала», неких культурно-исторических зон, даже не привязанных к конкретным территориям и этническим традициям [1. С. 381]. В свете отмеченных учеными факторов весьма симптоматичным предстает исследование русскоязычной литературы Казахстана, позиционируемое в виде термина «казахстанский текст». Это произведения казахских авторов, созданные на русском языке и сосредоточенные на проблеме пересечения и диалога казахской и русской литератур: «Мы квалифицируем как локальный казахстанский текст, в котором идет непрерывный диалог между традиционным укладом жизни, национальной картиной мира и тем, что было привнесено советским образом жизни» [5. С. 698]. Показательны выводы этого исследования, говорящие о том, что русскоязычная литература Казах-

стана возвращается к культурно-историческим гнездам своего национального прошлого, обозначаемого как «Алтай» и «Степь». Если для татарского сообщества вопрос использования русского языка в творчестве является поводом для острых дискуссий, то казахстанские авторы используют его как инструмент для пропаганды своих этноструктур мировому сообществу.

Для понимания особенностей русскоязычной литературы Татарстана имеет значение практический опыт другой центрально-азиатской литературной группы, обозначаемой ее представителями как «Ферганская школа». Она возникла в Узбекистане в 1990-е гг. вокруг русскоязычного литературного журнала «Звезда Востока». В качестве путей модернизации узбекской литературы они предлагали не только отказ от сковывающего наследия социалистического реализма, но и отторжение традиций русской классической литературы: «ориентация на средиземноморскую поэзию и отчасти англосаксонскую, минуя русскую литературу» [6]. В своем литературном манифесте они проповедовали соединение национальной узбекской традиции с западноевропейским модернизмом, избрав при этом языком творчества русский язык! По сути это был ремейк «странного» советского либерализма, внедряемого в советскую многонациональную литературу с середины 1950-х гг. [4. С. 393]. Отмеченные выше наработки ученых дают возможность по-новому представить этап формирования и становления русскоязычной литературы Татарстана.

Обсуждение

Для понимания проблемы формирования и становления русскоязычия татар следует обратить внимание на статью известного татарского писателя и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова «Каким путем пойдет татарская культура?» (1927). В ней он открыто называет источником этого явления татарских чиновников, переходивших на русский язык как в царской России, так и советских госслужащих — партийно-хозяйственную номенклатуру и ответственных работников культуры: «Это были чиновники Русского государства. Вместе с русскими дворянами, вращаясь в кругу русской культуры, они стояли особняком от татарского народа. Вся их бытовая жизнь была связана с русской культурой, русским языком. . . татарская школа, литература, история, жизнь были для них чуждыми. К части наших татарских советских служащих и чиновников из-за того, что они вращались в русском обществе, среди русских интеллигентов, внутри русской культуры, пристала эта старая болезнь» [7. С. 264]. В интересующий нас процесс советского интернационализма включились в 1920-е гг. такие молодые писатели и деятели новой культуры, как Ш. Усманов и А. Кутуй, предлагавшие заменить татарский язык международным языком эсперанто в рамках доктрины Коминтерна. Выявленная Г. Ибрагимовым структура воспроизводства русскоязычия татар сохраняет свою функциональность и на современном этапе.

Следующим культурно-историческим гнездом, в котором формировалось русскоязычие татар, стала сфера высшего и профессионального образования, проводившегося на русском языке. Одной из главных структур данного процесса была Татарская учительская школа г. Казани, работавшая с 1876 по 1917 г. В татарской среде ее называли русской, потому что обучение велось на русском языке. В течение почти 40 лет школу окончили всего 393 выпускника, но среди них были выдающиеся представители татарской интеллигенции, писатели, политики и военные: С. Максуди, Г. Исхаки, Г. Кулахметов, Х. Ямашев, Я. Чанышев и др. Факт первой презентации татарского русскоязычия на страницах татарской литературы связан именно с Татарской учительской школой. У преподавателя школы Ибрагима Терегулова было три дочери — Амина, Халима и Рабига, которых он отдал на обучение в русскую Мариинскую гимназию г. Казани. Всего в русских гимназиях до революции получили образование 185 татарских девушек. С именами указанных сестер связана история литературного кружка татарской молодежи, просуществовавшего до 1911 г., чьим активным участником был выпускник Татарской учительской школы революционер Х. Ямашев. Сестры Терегуловы и другие участники этого кружка стали прототипами образов повести татарского писателя Ф. Амирхана «Хаят» (1911). Благодаря творчеству последнего пересечение русской и татарской культур впервые было артикулировано в медийном пространстве и донесено до массового сознания татар. Татарская учительская школа подтвердила опасения казанского вице-губернатора Пинкевича, став успешным проектом модернизации татарской нации, обращенным к европейской культуре и в некоторых аспектах повторившимся в 90-е гг. XX в. в деятельности «Ферганской поэтической школы» в Узбекистане.

В период 1920–1950-х гг. не зафиксировано появление русскоязычных писателей-татар, помимо публикаций переводов произведений татарских писателей на русском языке. Однако в середине 1950-х гг. русскоязычие национальных авторов получило мощный импульс развития вследствие начавшегося процесса «странного» советского либерализма: «Официальная политика интернационализма привела к значительному расширению нового и странного для СССР художественного либерализма» [4. С. 391]. «Странным» он был потому, что, проповедуя интернациональную дружбу всех народов, этот либеральный проект ставил целью перевод всех национальных культур на русский язык. Результатом реформ в сфере среднего и высшего образования страны стало существенное сокращение преподавания как на татарском, так и самого татарского языка в средних школах г. Казани. Продлившаяся до начала 1990-х гг. политика советского либерализма инициировала появление творческих молодежных объединений, включая и русскоязычные литературные сообщества города. Возникли литературные площадки для молодых авторов на русском языке — газеты «Комсомолец Татарии» и «Ленинец», а позднее журналы «Идель», «Казань» и «Аргамак» в Набережных Челнах на русском

языке. Еще одним важным стратом формирования русскоязычия стала индустрия переводов татарских авторов на русский язык, в которой сформировалась прослойка русскоязычных писателей-переводчиков, например, Р. Кутуй, Р. Бухараев, Н. Ахунова в 1980–1990-е гг., Н. Ишмухаметов, А. Каримова — в 2000-е гг.

Региональная особенность русскоязычной литературы Татарстана проявляется при сопоставлении ее с русскоязычной литературой соседнего региона, обозначаемого исследователями как «Большой Урал» с центром в Екатеринбургe. Базирующийся на принципах горнозаводской цивилизации, которые отражены в произведениях Мамина-Сибиряка, Бажова, Решетникова и Иванова, «уральский текст» на современном этапе отмечен стадией перехода от постмодернизма к метамодернизму с его подчеркнутой социальной направленностью. Существенную роль в нем составляет литература нон-фикшен, значителен сегмент поэзии и «новой драматургии». Литературная провинция «Большой Урал» плотно интегрирована в столичную литературу «Условной Москвы» через систему литературных премий, толстых литературных журналов и частных издательств, рейтинги и рецензии литературных критиков, формирующих в массовых медиа символический капитал данной территории, ее узнаваемость, и создающих символическое пространство региона. Центральным субъектом «Большого Урала» является литературный герой-протестант как символ особой уральской породы людей, соединяющий в себе славянскую мягкость с упорством и волей, о чем в русской критике заговорили еще в далеком 1912 г.: «Да, уральская идентичность существует — как и идентичность любой другой локальности, относительно целостной и осознающей себя» [8. С. 397].

Для понимания специфики русскоязычного литературного пространства Татарстана и выявления главных персон этого литературного поля целесообразно предложить для исследования одну существенную проблему, а именно — какое культурно-историческое гнездо, способное конкурировать с литературным пространством «Условной Москвы», «Большого Урала» и казахстанским «Алтаем-Степью», могли сформировать местные авторы? В литературных объединениях писателей Казани образовалась особая консервативная среда с сильной инерцией традиций прошлого, когда приемы русской классической литературы сочетались с авангардными поисками советской литературы 1920-х гг., включая изъятые из литературного оборота тексты диссидентов. И потому бескомпромиссный посыл литературы «оттепели» или советского художественного либерализма затянулись в них на десятилетия. Уже в 1990-е гг. местные авторы перешли к постмодернизму, минуя этап социалистического реализма, проводя эксперименты и поиски в области художественных форм. Персонажами их произведений стали жители города на работе и дома и их сложные взаимоотношения. Специфика данных образов в том, что это субъекты разных национальностей и культурных традиций. Указанный

фактор отличает «казанскую» русскоязычную литературу от русской. Подобный уровень прочувствования и осмысления межнациональных связей не был характерен для русской советской литературы того времени. Здесь следует отметить прозу и поэзию Р. Кутуя, социальный пафос пьес Д. Валеева и художественно-философские произведения Р. Бухараева, отличающиеся глубиной и парадоксальностью обобщений. Местные авторы сохранили традиции социального пафоса «оттепели», который ушел в подтекст в татарской литературе на татарском языке 1960–1980-х гг. Протестными героями, не вписывающимися в общественные условия, были не только персонажи их произведений, но и сами авторы русскоязычных объединений, такие как Б. Галеев, В. Мустафин, Д. Валеев, Р. Суфиев (Роман Солнцева). Через систему литературных объединений редакции местных журналов, газет и издательств русскоязычные писатели были тесно связаны с культурным полем Казани. Для них характерно ощущение себя как части татарского мира, центром которого считается Казань. Если 1960-е гг. были временем лирики и блистал авторитет Р. Кутуя, то 1970–1980-е гг. стали годами прозы и яркими, масштабными достижениями в драматургии Д. Валеева, получившими всесоюзную известность. А в период с 1990 по 2011 г. главную роль в пропаганде татарской культуры и литературы на разных языках и уже на мировом уровне взял на себя писатель Равиль Бухараев.

Амбивалентность национального и интернационального по-разному проявилась в творчестве главных представителей русскоязычной литературы периода 1960–1980-х гг., символизирующих три направления русскоязычной литературы Татарстана. Рустем Кутуй воплотил в своих произведениях традиции татарской культуры, семьи, обычаев, обнаружив глубинную связь с татарским языком в своих переводах татарских поэтов, которые восхищались национальным колоритом его метафор на русском языке. По своему мировоззрению он был близок к языческой мифологии и отсюда его тяготение к тюркским образам коня и птицы, к татарским историческим легендам и одушевленным образам природы — лунного тополя, осенних листьев, зимних яблок, весеннего дождя, перетекающим в темы одинокого детства, безотцовщины, первой любви, распада межнациональных семей, конфликтов с взрослеющими детьми, запечатленных в его городской прозе. В героях его повестей отразились судьбы городской интеллигенции, живущей на перепутье разных культур. В лирических героях его стихотворений, особенно в исторических циклах, вложены различные черты татарского национального характера, этнографические детали татарского быта и семьи. Темы и образы, которые он лишь обозначил и ввел в своем творчестве, создав художественную модель регионального городского текста, позднее разовьются в основные аспекты казанской мифопоэтики. Они зазвучат непохоже и самобытно в творчестве писателей разных поколений: Р. Бухараева, А. Сахибзадинова, Р. Сабирова, Л. Газизовой, А. Каримовой, Р. Кожевниковой, А. Хаирова и Р. Беккина. Диас Валеев

избрал социальный аспект этого мировоззренческого процесса, изобразив бунтующего героя и внутренний конфликт сильной личности, управляющей обществом. Предмет его изучения — городские жители на производстве, конфликт общественной и личной, духовной жизни. Равиль Бухараев встал на стезю праведной исламской философии и развивал идеи тюрко-исламского единства всех этносов Евразии. Для всех трех направлений характерно осознание сокровенности национального как общего интернационального богатства всех народов. Для русскоязычных писателей Татарстана 1980–2000-х гг. характерна игра смыслами разных культур, когда в тексте много литературных реминисценций и аллюзий. Проявляется это в сочетании реализма и мистики, в смелых экспериментах с художественной формой. Русскоязычная литература этого периода тяготеет к малым формам, как в прозе, так и в поэзии. Драматургию мы встречаем лишь в детских сказочных пьесах для кукольного театра Р. Бухараева и Н. Ахуновой.

Этап 2000–2020 гг. в истории русскоязычной литературы Татарстана отмечен рядом особенностей. Происходит поиск нового литературного героя, не связанного с традициями русской классической и советской литератур. Новое поколение писателей стремилось изобразить внутренний мир человека, живущего в эпоху перелома прежней системы ценностей и зарождения новой эстетики и идеологии: «...одна часть писателей, связанных с казанской литературной школой, опиралась на собственный опыт и впечатления реальной жизни (Н. Ахунова, А. Каримова, Л. Газизова, А. Хаиров). Другая группа авторов, связанных с культурными столицами России — Москвой и Санкт-Петербургом, обратилась к прошлому и занялась ревизией этностереотипов и культурных ценностей. Репрезентация и реабилитация прошлого, погружение в мир подсознания и инстинктов стало основой их эстетической концепции» [9. С. 112]. Если часть писателей Казани сохранила верность классическим художественным формам, то «столичная школа» взяла курс на использование форм массовой культуры, приближающей их к визуальной сфере кинематографа. Казанцы пытались, по мере возможностей, понять проблемы татарской культуры и национального менталитета. Москвичи — И. Абузьяров, Ш. Идиятуллин, Г. Яхина — использовали этническую проблематику лишь как привлекательную для читателей площадку, на которой разворачивали свои интертекстуальные игры и сюжеты.

Заключение

Современные исследователи полагают, что термин русскоязычная литература следует считать синонимом понятия региональной литературы, являющейся неким манифестом не столько территориального образования, а скорее экс-территориальной культурно-исторической зоны, возникшей из локального гнезда, но развивающейся поверх административных границ: «Подобная трак-

товка русскоязычной литературы не отменяет распространенное понимание ее как региональной литературы, сосуществующей на конкретной территории с литературами на других языках, однако предлагает общую сумму региональных литератур, отменяющую не только логику границ, но, к примеру, метафизику русскости» [1. С. 381]. Согласно выводам ученых, это культурно-историческое гнездо должно иметь центральную мифологему, набор символических стереотипов, определяющих идентичность данного культурного пространства и его субъектную персонификацию.

Формирование и развитие культурно-исторических гнезд в национальных литературах — процесс неизбежный и закономерный, что показывает опыт русской литературы. Говоря о современном этапе развития русскоязычной литературы Татарстана, можно сказать, что местные авторы находятся в поиске центральной мифологемы своего родного региона, способной составить конкуренцию столичному культурно-историческому гнезду «Условная Москва», провинциальному гнезду «Большой Урал» и казахстанскому пространству «Алтай-Степь». В конкуренции со столичными писателями-татарами местные авторы уступают по степени своей узнаваемости в медийном пространстве, хотя опыт создания оригинального символического капитала своего региона у них достаточно интересен. Например, драматург Диас Валеев создал образ социального героя-протестанта, Равиль Бухараев исповедовал философию татарского модернизма в культуре, религии и литературе. Он был единственным местным автором, который осознанно пытался сконструировать региональный текст в виде некоего казанского манифеста, предложив свою систему казанских мифологем. Рустем Кутуй был ближе всех к национальному мироощущению, но не мировоззрению, через образы природы и создал типаж современного городского язычника. Своеобразное преломление традиции исторических фэнтези мы видим в творчестве Р. Сабирова, образ городского маргинала занимает существенное место в творчестве А. Сахибадинова, А. Хаирова, Р. Беккина, Ш. Идиятуллина. Московский страт русскоязычных писателей татар в лице Г. Яхиной, И. Абузярова и Ш. Идиятуллина во многом отличается от местной традиции казанских писателей.

Проведенное исследование показывает, что формирование национального русскоязычия имеет объективную основу в виде проводимой в государстве языковой политики в сфере просвещения, воплотившейся в либеральном проекте, продолжившем тренды Коминтерна, а субъективный выбор автором языка творчества уже предопределен параметрами культурно-исторической среды, в которой он воспитывается и получает образование.

Список литературы

1. Подлубнова Ю.С. Литературная жизнь и литературные бренды Екатеринбурга: ситуация конца 2010-х — начала 2020-х годов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 379–393. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-379-393>

1. История литературы Урала. Конец XIV—XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 13–24
2. Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Алма-Лит, 2003.
3. Гусейнов Г.Г. Русское, советское и иное в постсталинском национальном дискурсе: предварительные заметки // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 144. № 2. С. 386–397.
4. Яценко И.И., Яценко А.В. Культурное пограничье в постсоветских русскоязычных текстах казахстанских писателей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>
5. Корчагин К. «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 44. № 2. С. 386–397.
6. Ибрагимов Г.Г. Каким путем пойдет татарская культура? // Без — татарбыз = Наше имя — татары! Казан, 2022. 308 с. С. 263–272.
7. Арзамазов А.А., Созина Е.К. Феномен литературы Урала // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 394–400. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>
8. Еникеев И.А. Русскоязычная литература Татарстана (1960–2020 гг.). Казань: ИЯЛИ, 2021.

References

1. Podlubnova, Yu.S. 2023. “Literary Life and Literary Brands of Yekaterinburg: the late 2010s — early 2020s.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-379-393>
2. History of literature of the Urals. End of XIV–XVIII. 2012. Moscow: Languages of Slavic culture publ., pp. 13–24. Print. (In Russ.)
3. Biktimirova, T.A. 2003. Stages of education up to the Sorbonne. Kazan: Alma-Lit publ. Print. (In Russ.)
4. Guseinov, G.G. 2017. “Russian, Soviet and other in the post-Stalin national discourse: preliminary notes.” *New Literary Review*, vol. 144, no. 2, pp. 386–397. Print. (In Russ.)
5. Yatsenko, I.I., and A.V. Yatsenko. 2023. “Cultural Boundaries in Post-Soviet Russian- Language Texts of Kazakhstan’s Writers.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 4, pp. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>
6. Korchagin K. 2017. “ ‘When we replace our world...’: Fergana poetic school in search of a postcolonial subject.” *New Literary Review*, vol. 144, no. 2, pp. 386–397. Print. (In Russ.)
7. Ibragimov, G.G. 2022. “Which way will Tatar culture go?” In *Bez — Tatarbyz = Our name is Tatars! Kazan*, pp. 263–272. Print. (In Russ.)
8. Arzamazov, A.A., and E.K. Sozina. 2023. “The Phenomenon of Ural Literature.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>
9. Enikeev, I.A. 2021. Russian-language literature of Tatarstan (1960–2020). Kazan: IYALI publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Еникеев Ильдар Ахнафович — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. eLibrary SPIN-код: 6647-7296. ORCID: 0000-0002-4659-273X. E-mail: eniki07@mail.ru

Bio note:

Idar A. Enikeev is a Candidate of Philology, Researcher at the Laboratory of Comparative Tatar Studies, the Institute of Language, Literature and Arts, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 6647-7296. ORCID: 0000-0002-4659-273X. E-mail: eniki07@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-493-504

EDN: UXZWPE

Научная статья / Research article

«Память жанра» как категория сопоставительной поэтики (на материале элегии в русской и татарской литературе второй половины XX–XXI вв.)

А.З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация

✉ alsu_zarifovna@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению «памяти жанра» как теоретического понятия на материале элегии, сложившейся в русской литературе во второй половине XX–XXI в. (А. Драгомощенко, Б. Попов, С. Гандлевский) и в творчестве современных татарских поэтов: Ф. Сафина, Г. Мората, Р. Зайдуллы. Цель работы — рассмотрение трансформации элегической поэтики в национальных литературах в свете проблемы «памяти жанра». Сделан вывод о том, что обращение к разноразличной элегии дает возможность исследовать категорию жанровой «памяти» не только в свете достижений исторической поэтики, но и в научном дискурсе компаративистики, и в частности сопоставительной поэтики. Установлено, что элегия в лирике А. Драгомощенко и Б. Попова утрачивает свою идентичность и приобретает ироническое начало. В «Элегии второй по счету» Драгомощенко изменения в поэтике обусловлены выходом за пределы привычной силлабо-тонической структуры стихотворения, обращением к совершенно иной «логике письма». Особое внимание в работе уделяется приему интертекстуальности. Сделан вывод о том, что интертекстуальность в элегической поэзии современных татарских авторов имеет нюансы отличия от того внимания к «чуждому» слову, которое сложилось в русской литературе. Обращение к «другим» текстам в элегиях Ф. Сафина, Р. Зайдуллы, Г. Мората не ведет к иронии, а, напротив, возвращает читателя к традиционным образам национальной поэзии и фольклора, усиливает в жанре «татарское звучание», придает черты самобытности (к примеру, в элегии Г. Мората возникают образы Сак и Сок, в стихотворении Ф. Сафина упоминается праздник Сабантуй). Вместе с тем данный прием — фактор трансформации «памяти» элегического жанра, которая проявляется в ее постепенном сближении с другими формами и дискурсами в литературе.

Ключевые слова: «память жанра», элегия, трансформация жанра, интертекстуальность, ирония, полидискурсивность, сопоставительная поэтика

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хабибуллина А.З. «Память жанра» как категория сопоставительной поэтики (на материале элегии в русской и татарской литературе второй половины XX–XXI вв.) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 493–504. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-493-504>

© Хабибуллина А.З., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“Genre Memory” as a Category of Comparative Poetics (Based on Elegy in Russian and Tatar Literature of the 2nd half of the 20th — 21st centuries)

Alsu Z. Khabibullina

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

✉ alsu_zarifovna@mail.ru

Abstract. The article considers the “genre memory” as a theoretical notion on the material of elegy established in Russian literature in the 2nd half of the 20th — 21st centuries (A. Dragomoschenko, B. Popov, S. Gandlevsky) and in the works of modern Tatar poets F. Safin, G. Morat, R. Zaidulla. The study is aimed at considering the elegiac poetry in national literature in the context of “genre memory”. The author concludes that the appeal to multilingual elegy provides an opportunity to examine the genre category of “memory” not only through the achievements of historical poetics, but also in the scientific discourse of comparative studies, in particular comparative poetics. It is stated that the elegy in the lyrics of A. Dragomoschenko and B. Popov loses its genre identity and acquires an ironic beginning. In Dragomoschenko’s “Elegy the Second in a Row,” changes in poetics are marked by going beyond the usual syllabic structure of the poem, turning to a completely different “logic of writing”. Special attention is paid to intertextuality. It is concluded that intertextuality in the elegiac poetry of modern Tatar authors has nuances in contrast to the attention to the “foreign” word that has developed in Russian literature. An appeal to the “alien” texts in elegies by F. Safin, R. Zaidulla, G. Morat does not lead to irony, but on the contrary, it takes the reader back to the traditional images of national poetry and folklore, strengthens the “Tatar sound” in the genre, and highlights features of originality (for instance, in the elegy of G. Morat there are images of Sak and Sok, in the poem by F. Safin Sabantui holiday is mentioned). On the other hand, this technique is a transformation factor of the “memory” elegiac genre, which manifests itself in its gradual convergence with other forms and discourses in literature.

Key words: “genre memory”, elegy, genre transformation, intertextuality, irony, multidiscourse, comparative poetics

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Khabibullina, A.Z. 2024. ““Genre Memory” as a Category of Comparative Poetics (Based on Elegy in Russian and Tatar Literature of the 2nd Half of the 20th — 21st Centuries).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 493–504. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-493-504>

Введение

В поэзии конца XX — начала XXI в. жанр элегии во многих литературах народов России занимает особое место. Наиболее полно «живая» жизнь элегии на протяжении многих веков проявилась в русской поэзии. Во многом это объясняется тем, что элегия в творчестве русских поэтов традиционно рассматривалась как «старший» жанр (или «метажанр») в литературе, который занял доминирующее место в жанровой системе русской поэзии еще с XIX в. [1. С. 353].

В татарской лирике, восходящей к традициям восточных литератур, путь элегического жанра был иным, он значительно отличался от истории и генезиса этого жанра в русской поэзии. Татарская элегия стала заметным явлением в творчестве татарских поэтов только начиная с 1960-х гг. XX в., она возникает как результат трансгрессии, долгое время оставаясь основным модусом художественности суфийской литературы [2. С. 9–10].

Цель исследования — выяснение особенностей трансформации элегии в современной русской и татарской поэзии в свете проблемы «памяти жанра».

Известно, что «память жанра» — понятие, о котором писал М.М. Бахтин в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского»: «жанр всегда и тот и не тот, всегда и стар, и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы, и в каждом индивидуальном произведении жизнь жанра. Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, то есть способная обновляться архаика. Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало [3. С. 178–179]. Согласно взглядам ученого, «память» выступает критерием значимости жанра в литературе. Ее имеют лишь те жанры, «которые стали результатом отвердения некоторого существенного ценностно-смыслового жизненного содержания» [4. С. 715–716]. К ним М.М. Бахтин относит жанр *мениппеи* — один из источников романа.

Справедливо утверждать, что размышления об элегии через призму проблемы «памяти» также ценно и актуально, как и в случае романной формы. Более того, обращение к элегии в контексте сопоставления разных литератур — русской и татарской — не только дает возможность рассматривать «память жанра» как категорию исторической поэтики, но и ввести ее в научный дискурс компаративистики, сопоставительной поэтики в частности. Вместе с тем в сопоставительном аспекте, который в настоящее время все более экстраполируется в область исследования разных национальных литератур России, «память» элегического жанра изучалась недостаточно, тем более на материале творчества современных разноязычных авторов.

«Память жанра» — одна из сложных и дискуссионных категорий в литературоведении, которая по-своему интерпретировалась во многих теоретических концепциях. Так, Г.Д. Гачев выявляет в жанре *устойчивое* целое, которое стремится к неизменности, сохранности в контексте движения времени. По мнению ученого, «в жанре, в порядке... таится какое-то священное и вековечное содержание, богатство и значение которого надо понять» [5. С. 7]. Полагаем, что речь идет о таком «вековечном содержании», которое на протяжении долгого времени не меняется, не нарушается, а повторяется в каждом новом произведении этого жанра.

В статье С.С. Аверинцева «Жанры как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости» [6] исследователь, хотя

специально не обращается к данному понятию, тем не менее, считает, что обретение жанром своей идентичности имеет «вневременную „природу“... — внутреннюю заданность, императив тождества себе» [6. С. 191]. «Память жанра» в этом смысле передает не только способность последнего сохранять концептуальные свойства в каждом новом произведении, но и демонстрирует его *вневременной* характер. Апеллируя к теории жанров М.М. Бахтина, ученый подчеркивает значимость сравнения жанра с биологическим видом. По-своему это выражается в ориентированности на достижение жанром своей «вневременной программы», то есть той сущности, которая задана ему природой. С одной стороны, такое сравнение позволяет обосновать идею разграничения одного жанра по отношению к иной форме, с другой — выделить в жанре «живое» начало, коррелирующее с человеческой жизнью. Отсюда такие распространенные «биологические метафоры», как «„жизнь“ жанра; его „рождение“, его „зрелость“ и „кризис“...» [6. С. 209]. По словам С.С. Аверинцева, «становление жанра — это его приход к самому себе, достигнув самоидентичности, жанр естественным образом „останавливается“, ему уже некуда идти» [6. С. 191]. Вместе с тем ученый считает, что «остановленное» бытие жанровых форм значимо для литературной практики, так как оно «состоит в назначении правил жанра служить стабильными правилами некоей длящейся игры, в которую автор играет со своими предшественниками и преемниками на сколь угодно временной дистанции» [6. С. 210].

М.Н. Липовецкий в своей специальной статье также развивает идеи М.М. Бахтина и обращается к феномену *границы*, которая объективно возникает между жизнью и искусством. По мнению М.Н. Липовецкого, в тех концепциях жанра, которые сложились в трудах М.М. Бахтина, заметной является «ориентация жанра на реальность» [7. С. 7]. Как пишет исследователь: «Разгадка феномена „памяти жанра“ находится... в точке пересечения жизни в искусстве» [7. С. 7]. Исходя из такой стратегии исследования, теория жанровая дополняется новым содержанием, в частности, идеей о том, что «память жанра — это не готовая концепция действительности, окаменевшая в художественной структуре древнего жанра, а **обобщенный аксиологический тип построения образной модели мира...**» (выделено М.Н. Липовецким) [7. С. 18].

Обсуждение

Оставляя в стороне анализ других теоретических работ, посвященных проблеме «памяти жанра», отметим, что русская элегия уже в конце XX в. значительно *смещается* от литературного канона, «утрачивает старую идентичность» (С.С. Аверинцев), что ведет к значительной трансформации ее архитектурных свойств. Данная тенденция становится заметной в творчестве многих поэтов: Е. Вербина, А. Драгомощенко, Б. Попова, С. Гандлевского и др. По мнению С.Ю. Артемовой, «элегия очень частотна в современной поэзии,

она становится метажанром, переходит либо в сатиру, либо в иронию и самоиронию, либо отрицает саму возможность элегического мироощущения при наличии элегического дискурса» [8. С.32].

Своеобразным маркером трансформации «памяти» элегии в русской литературе становится усиление в ее содержании *иронии*, расходящейся с самой природой этого медитативного жанра. Наиболее ярко эта особенность проявилась в лирическом цикле «Сумма элегий» А. Драгомощенко, который вошел в сборник его сочинений «Небо соответствий». Уже заголовочный комплекс элегий А. Драгомощенко по-своему раскрывает отступление от традиционной элегии, более того, она «осложняется» другими художественными дискурсами — сентиментальным и ироническим: «Но не элегия», «Кухонная элегия», «Элегия вторая по счету», «Элегия на восхождение пыли», «Мартовская элегия», «Элегия сну на 5-ое февраля».

Мы полагаем, что трансформация элегии проявляется в творчестве поэта-метареалиста на разных уровнях. Но самое очевидное — это иная, чем в классической форме, «*логика письма*» [9. С. 199], которая словно расходится с самой сущностью элегии. В элегии, как известно, «мыслительная, медитативная стихия» доминирует в художественной поэтике, способствуя, по словам С. Сендеровича, «выделению слова в стихе» и утверждению «синтаксических единств в противоборстве со строфическими» [10. С. 124]. Элегии же А. Драгомощенко свидетельствуют об обратном, а именно об изменении формы, структуры элегического письма. Нетрадиционная поэтическая «манера» его стихотворений, основанная, по определению Ю. Орлицкого, на «гетероморфности даже в пределах силлабо-тонической метрики» [11. С. 223], во многом затрудняет создание свойственной элегии медитации и направленности лирического переживания *вглубь сознания субъекта*, наконец, она превращает элегию в совершенно неожиданное явление в литературе, расходящееся в том числе с традиционной поэтикой элегического письма.

Конкретизацией сказанного является «**Элегия вторая по счету**», написанная свободным стихом, в котором повышенное внимание уделяется поэтическим деталям внешнего мира («дождь» «радуга», «мороз», «резкий запах мерзлой ботвы»), а также созданию сложной метафоры по принципу «опустошения слова словом» [9. С. 203]:

*То
пишется, что не написано, следуя
к завершению.
Что написано — не завершено, постоянно
следуя к завершенью.
Выбор значения.
Искушение неким значеньем. Затем*

*множественное число,
вишня,
висок покоится покуда в равенстве,
как соцветье, стены в изученьи дождя*¹.

Непривычная форма элегии А. Драгомощенко по-своему влияет и на ее понимание читателем. Мы полагаем, что логика переходов от одной мысли (или образа) к другой является совершенно «непрозрачной» и трудной для читательского восприятия. Она предполагает как множество смысловых траекторий, так и возникновение таких идей, которые преодолевают границу жанровой идентичности и нарушают «память» о ней.

В отличие от Драгомощенко в творчестве Б. Попова, русского поэта конца XX в., трансформация элегии не связана с изменением формы, но проявляется в очевидном «снижении» содержательной, концептуальной стороны жанра, в движении его *к иронии*. Так, в стихотворении «Почти элегия. Т. Бек» через рефлексию и тонкую иронию, вызванную размышлениями о своей одинокой жизни («наше дело грустней и проще»), раскрывается мотив обреченности, вплоть до сравнения субъекта с «тенью-калекой»: «Сяду близко к воде — и тотчас / Загустеет, сомкнётся вечер, / И дожди мою тень затопчут, / Истерзают и изувечат. // Отползёт моя тень-калека / Умирать в городские клетки. / ...Это будет в начале века / Или, может, в конце столетья»².

Подобные представления, подчеркивающие разрыв субъекта с внешним миром, экзистенциальное несовпадение с ним, с одной стороны, сближает стихотворение Б. Попова с лирическим жанром, с другой — редуцируют в нем элегическую тональность, не оставляя места для выражения «смешанных ощущений» — особой области художественных переживаний в традиционной элегии. Такой субъект, насмешливо иронизируя над своей обреченной жизнью, остается своего рода в «низком» регистре своих чувств, он не пытается преодолеть их и тем самым возвыситься над «прозой» жизни: «Только мне ничего не надо. / Наше дело грустней и проще. / Преждевременным листопадом / Я по душам пройду и роцам...»³.

Можно утверждать, что образ песчаного берега, заросшего чертополохом, идентификация своего «я» с тенью-калекой, наконец, осознание себя песчинкой в неумолимом потоке убегающего времени (*Поднебесная мгла растает, / Солнце выглянет, лопнут почки. / И история всё расставит — запятые, тире и точки*) — все это создает «нового» субъекта в русской элегии и передает трансформацию жанра. Как верно заметила С.Ю. Артемова об этом стихотворении Б. Попова: «...тоска по поводу несовершенства мира остается,

¹ Драгомощенко А.Т. Небо соответствий: стихи. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 11.

² Попов Б. Светает в шесть: сборник стихов. 1992. URL: http://lit.lib.ru/p/popow_b_e/text_0010.shtml (дата обращения: 10.02.2024).

³ Там же.

однако задается и субъективность подобного мировосприятия, и потому это действительно „почти элегия“» [8. С. 32].

Обратимся к татарской элегии.

Полагаем, что в современной татарской поэзии элегия сохраняет жанровую идентичность, она соответствует «внутренней мере» этого лирического жанра. Такая устойчивость жанровой «памяти» объясняется, в первую очередь, тем, что элегия в татарской литературе, в отличие от русской лирики, сложилась только в 60-е гг. XX в. Для нее — это относительно «новая» литературная форма.

Так, элегия «Ага да ага бу көзге сулар» («Осенние воды текут да текут») Факиля Сафина в целом коррелирует с архитектурой традиционной элегии: ее открывает *мотив осени* как один из наиболее устойчивых мотивов в художественной поэтике; в стихотворении также звучит *тема быстротечности жизни*, задающая грустный, медитативный тон стихотворению татарского поэта: Нинди серләр ул агалар суга?... / Таллыкта ятим кошлар оясы. / Агым суларга яфрактар тулган. / Вақыт агышын ничек тыясы?! (*Какие тайны утекают в воду?.. / Птичье гнездо осиротело в ивняке... / Вода проточная листвою полна. / И как течение времени сдержат?!*)⁴

Вместе с тем элегия Ф. Сафина самобытна: сфера субъективного в ней выражена иначе, чем в канонической элегии. Носителем элегического переживания является, с одной стороны, сам субъект, которого переполняют грустные мысли о необратимом движении жизни, с другой — в сферу субъективного попадает и объективный мир, состоящий из традиционных природных образов: ивы, проточной воды, шумного ветра, леса. Мы полагаем, что элегический модус художественности формируется здесь на *границе* пересечения разных носителей сознания — лирического субъекта и олицетворенной природы, граница же их «пересечения» выступает той своеобразной основой, на которой строится элегическая медитация.

Другая жанровая особенность стихотворения Ф. Сафина связана с тем, что его элегия *полидискурсивна*: она вбирает в себя черты другого лирического жанра — протяжной песни (озын жыр). Свойства последней проявились, в частности, в особом лиризме и напевности произведения, в тонком звучании в нем «моң». Моң как национальный концепт передает здесь невыразимую печаль, тоску лирического субъекта об уходящем времени, молодости, о необратимом потоке жизни, которое подобно движению осенних вод, наконец, о возможной разлуке любящих людей: Моңсудан монсу уйлар уйлатып, / Жылып оча кошлар төркеме... (*Собравшись, улетает стая птиц, / Навевая мысли, одну печальнее другой...*)⁵

⁴ Сафин Ф.М. Сер: шигырьләр, сонетлар, балладалар, поэмалар [Тайна: стихотворения, сонеты, баллады, поэмы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. С. 68.

⁵ Там же. С. 69.

Элегия Ф. Сафина — необычное стихотворение: в нем большое внимание уделяется не столько синтаксическому единству произведения, сколько созданию плавного, мелодического *ритма* татарского стиха, напевной интонации, коррелирующей с движением небыстрой реки, ее тихому оживлению, подобно всплеску волн. Особое место в ней занимает рефрен «Нинди серләр ул агалар суга?..» («*Какие тайны утекают в воду?..*») и «Табигать гүя, тугарып атын» («*Природа словно, распрягая лошадей...*»), а также повторы («Ага да ага бу көзге сулар», «...тын гына сулап»), которые, на наш взгляд, «ослабляют» субъектную сферу в стихотворении и усиливают в нем «песенные» черты. Последнее, в частности, рождает ассоциации с содержанием одной из самых известных народных песен татар — «Су буйлап» («Вдоль реки»).

Что касается другой элегии Ф. Сафина — «**Июнь баши. Элегия**» («Начало июня. Элегия»), то мы полагаем, что в ней субъектная сфера также имеет особенности. Хотя стихотворение сохраняет черты «памяти жанра», тем не менее элегическая медитация направлена не вглубь сознания лирического субъекта, а экспандируется в объективную реальность — в летний пейзаж, красоту которого передают образы порхающих ласточек (карлыгач) и пылких ветров (жилләр). В такой субъектно-объектной структуре стихотворения элегическая поэтика трансформируется, «размывается», теряет свою определенность: лирический субъект переживает не столько тоску по утраченному идеалу, оставшемуся в прошлом, сколько чувства *восторга* перед красотой летней природы. Наиболее полно это раскрывает развернутая метафора, которая создается с помощью сравнения светлых, «живых» чувств лирического субъекта с народным праздником Сабантуй:

Һәр минуты кабатланмас, гүзэл чаклары жәйнең.
Күнелемдә Сабан туге сөлгесе канат жәйде.

Басу яклап печән исе жанга килеп сарылды.
Дөнъялары шундый иркән, якты чагы жанымның⁶.

*Неповторима каждая минута, прекрасна летняя пора.
И распахнуло крылья полотенце Сабантуя в душе моей.*

*Стелясь по полю, запах сена прильнул к моей душе.
А мир такой привольный, души моей светлейшая пора⁷.*

Справедливо утверждать, что такой метафорический образ, как и в элегии «Осенние воды текут да текут», сближает элегический жанр с лирической песней.

⁶ Сафин Ф.М. Сер: шигырьләр, сонетлар, балладалар, поэмалар [Тайна: стихотворения, сонеты, баллады, поэмы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. С. 200.

⁷ Подстрочный перевод выполнен Л.Ф. Переведенцевой.

С другой стороны, элегия Ф. Сафина заключает в себе черты *идиллической модальности*, основанной на преодолении противоречий между тонко чувствующим субъектом и открывшейся ему картиной летней природы. Заданную в самом начале элегии «рефлексию единения» человека и природы («Едва-едва касаясь кровли, тельца ласточек порхают, / А что за ласковые дни, что за пылки ветра!») также по-своему раскрывает кольцевая композиция. Такое построение произведения подчеркивает не разобщенность субъекта элегии с окружающим его природным бытием, как в элегии, а, напротив, гармонию с ним.

По сравнению с элегической лирикой Ф. Сафина, архитектура стихотворения Г. Мората «Элегия (Син жэйлэрдэ калдың...)» — («Элегия (Осталась в лете ты...)») наиболее полно соответствует «памяти» элегического жанра. Последнее передает субъектная структура этого стихотворения: тот диалог с *ней* (возлюбленной) как источник элегической рефлексии лирического субъекта помещен вовнутрь *его* сознания, в самую тайную глубину воспоминания о прежней любви. В татарской элегии звучит мотив разобщенности и разрыва с миром, с Внешним бытием, который теперь в его восприятии утратил черты целостности и поделен на разные «векторы»: один направлен в прошлое: Син жэйлэрдэ калдың... / Ә мин минә / Синсез генә китеп адаштым — *Осталась в лете ты... / А я же вот, / С пути тотчас же сбился, как тебя оставил*), другой — в одинокое настоящее героя⁸.

Как и в элегии Ф. Сафина «Начало июня», в произведении Г. Мората выявляется интертекстуальная связь: в стихотворении упоминаются образы «Сак-Сок» — героев одноименного татарского баита, посвященного теме вечной разлуки двух родных людей: Арабызда — упкын. / Ике ярда / Сак-Сок булып Сөю моңая — *Меж нами — пропасть. / Словно братья Сак и Сок, / На разных берегах любовь тоскует наша*⁹. Можно утверждать, что интертекстуальность в произведении Г. Мората выводит элегию к общечеловеческим идеям, связанным в том числе с представлением о трагическом в жизни любящих людей.

Отметим также, что упоминание Сак и Сок в элегии татарского поэта усиливает ощущение необратимости той потери, которая произошла в жизни лирического субъекта, ведь согласно истории двух братьев они *навечно* разлучены между собой. Именно такое положение героя, основанное на разрыве с миром, формирует специфику элегического типа художественности в стихотворении Г. Мората. С этой точки зрения, черты интертекстуальности в грустных произведениях татарских поэтов начала XXI в. (Г. Мората, Ф. Сафина, Р. Зайдуллы¹⁰) можно рассматривать как маркер «новой» элегии, который

⁸ Морат Г.В. Кош хокуку — шигырьләр һәм поэмалар [Птичьи права — стихотворения и поэмы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. С. 144.

⁹ Там же.

¹⁰ Нами установлено, что в элегическом стихотворении Р. Зайдуллы «Әйя» также проявляются черты интертекстуальности. Слово «Әйя» впервые прозвучало в поэзии Кандылыя

в значительной мере характеризует ее самобытный путь в новейшей литературе. В то же время, по мнению Д.Ф. Загидуллиной, интертекстуальность — прием, который не только отличает поэтику элегического жанра, но и других, более доминантных жанров в национальной литературе XXI в. — «озын шигыр» («длинное стихотворение») [12].

Как известно, отсылки элегического поэта к «чужому» тексту часто встречаются в русской поэзии XX — начала XXI в. Например, в стихотворении **С. Гандлевского «Элегия (Апрель цирковая музыка)»** обращение к лирике О. Мандельштама (произведение начинается с эпиграфа — «Мне холодно. Прозрачная весна...») — одноименного стихотворения поэта серебряного века) способствует, с одной стороны, его меланхолическому звучанию, а с другой — создает ощущение тонкой, почти незаметной иронии, за которую лирический субъект прячет в самую глубину своей памяти воспоминание о молодости и тревожное осознание движения его жизни к своему исходу, концу: «Как раз и молодость кончается, / Гербарный василек в тетради. / Кто в США, кто в Коми мается, / Как некогда сказал Саади»¹¹.

В элегии **О. Чухонцева «Я слышу, слышу родину свою»** исследователь А.Э. Скворцов также обнаруживает целый комплекс традиционных поэтических мотивов, найденных в лирике А.С. Пушкина («Вновь я посетил»), С. Есенина («Возвращение на родину», «Русь советская») и П. Васильева («Павлодар») [13].

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что если трансформация «памяти» элегического жанра в русской литературе конца XX — XXI в. во многом связана с появлением иронии, то в поэзии современных татарских авторов такая тенденция не выражена вообще. Интертекстуальность здесь также имеет нюансы отличия. Обращение к «чужому» слову в элегиях Г. Мората, Ф. Сафина, Р. Зайдуллы не ведет к иронии, а, напротив, возвращает читателя к традиционным образам национальной поэзии и фольклора, усиливает в ней черты национальной идентичности. Вместе с тем данный прием как в русской, так и татарской поэзии по-своему «размывает» «память жанра», что выражается в его постепенном сближении и «скрещивании» с другими дискурсами в литературе.

Список литературы

1. *Лейдерман Н.Л.* Теория жанра: научное издание / Институт филол. исследований и образов. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: УрГУ, 2010.

(«Всевышний, Ты сотворил всю вселенную могуществом своим») и Дэрдменда («Не успел я окропить савана»). Упоминание его в заглавии, а также в самом содержании образует в сознании читателя интертекстуальную связь с татарской классической поэзией и способствует возникновению множественности смыслов в данной элегии [2].

¹¹ *Гандлевский С.М.* Опыты в стихах: сборник. М.: Захаров, 2008. С. 84.

2. Хабидуллина А.З. Элегия, элегической, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского. Изд. 3-е. М.: Худож. лит-ра, 1972.
4. Юрченко Т.Г. Память жанра // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. С.715–716.
5. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр). М.: Просвещение, 1968.
6. Аверинцев С.С. Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 191–220.
7. Липовецкий М.Н. «Память жанра» как теоретическая проблема (к истории вопроса) // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе: сб. науч. трудов. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 5–18.
8. Артёмова С.Ю. Трансформация жанров русской лирики в XX веке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2020.
9. Зейферт Е.И. «Зрелое преждевременное произведение» Аркадия Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2021. № 170. С. 197–215.
10. Сендерович С. Алетейя. Элегия Пушкина «Воспоминание» и проблемы его поэтики. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1982.
11. Орлицкий Ю.Б. Особенности «квантового» письма Аркадия Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2021. № 170. С. 219–236.
12. Загидуллина Д.Ф. «Озын шигырь» в современной татарской поэзии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 322–333. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-322-333>
13. Скворцов А.Э. Современная русская элегия. Об одном стихотворении Олега Чухонцева // День за днем. Наука, образование, культура. URL: <https://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1479> (дата обращения: 20.12.2023).

References

1. Lejderman, N.L. 2010. Genre theory: scientific edition. Institut filol. issledovanij i obrazov. strategij «Slovesnik» UrO RAO, Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg: UrGU. Print. (In Russ.)
2. Khabibullina, A.Z. 2022. Elegy, elegiac, elegism in Russian and Tatar poetry. Diss. Thesis. Kazan. Print. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. 1972. Problems of F.M. Dostoevsky’s poetics. 3rd edition. Moscow: Khudozh. lit-ra publ. Print. (In Russ.)
4. Jurchenko, T.G. 2001. Genre memory. Literary encyclopedia of terms and concepts. Moscow: NPK “Intelvak” publ. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 1968. The content of artistic forms (Epos. Lyrics. Theatre). Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
6. Averincev, S.S. 1996. “Genre as abstraction and genre as reality: the dialectic of closedness and openness.” In Rhetoric and the origins of the European literary tradition. Moscow: Shkola ‘Yazyki russkoi kultry’. Print. (In Russ.)
7. Lipoveckij, M.N. 1990. ‘Genre memory’ as a theoretic problem (to the history of issue). Modifications of artistic systems in the historical and literary process: collection of scientific works. Sverdlovsk: UrGU. Print. (In Russ.)
8. Artjomova, S.Ju. 2020. Transformation of genres of Russian lyrics in the XX century: Doctor Diss. Thesis. Tver. Print. (In Russ.)
9. Zejfert, E.I. 2021. “ ‘Premature work’ by Arkady Dragomoschenko.” *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 170, pp. 197–215. Print. (In Russ.)

10. Senderovich, S. 1982. Alethea. Pushkin's elegy "Recollection" and the problems of his poetics. Wien: Wiener Slawistischer Almanach. Print. (In Russ.)
11. Orlickij, Ju.B. 2021. "Features of "quantum" writing of Arkady Dragomoschenko." *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 170, pp. 219–236.
12. Zagidullina D.F. 2023. "Ozyn Shigyr" in modern Tatar poetry." *Polylinguality and Transcultural practice*, vol. 20, no. 2, pp. 322–333. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-322-333> (In Russ.).
13. Skvorcov A.Je. "Modern Russian elegy. About a poem by Oleg Chuhontsev." *Day by day. Nauka, obrazovanie, kul'tura*. (In Russ.). 20 Dec. 2023, <https://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1479>

Сведения об авторе:

Хабидуллина Алсу Зарифовна — доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1. eLibrary ID 463512. ORCID: 0000-0002-3332-4066. E-mail: alsu_zarifovna@mail.ru

Bio note:

Alsu Z. Khabibullina is a Doctor of Philology, Assistant professor of the Department of Russian literature and teaching methodology, Kazan (Volga region) Federal University, 18, bldg. 1, Kremlevskaya St, Kazan, 420008, The Republic of Tatarstan, Russian Federation. eLibrary ID 463512; ORCID: 0000-0002-3332-4066. E-mail: alsu_zarifovna@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-505-511

EDN: LJNAYO

Научная статья / Research article

Экзистенция смертности в русскоязычной прозе современных татарских писателей

Д.Ю. Сырысева^{ORCID}

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
✉ syryseva97@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению экзистенции смертности в творчестве современных русскоязычных татарских писателей (Салавата Юзеева, Рустема Сабирава, Шамиля Идиатуллина, Альбины Нурисламовой, Гузель Яхиной), с одной стороны, влияющей на макропоэтику произведений, способствуя усложнению композиционных структур, с другой стороны, находящей отражение в микропоэтике (комплексы мотивов, актуализирующих танатологический код, лексические единицы, выражающие антивитаальную рефлексивность, дихотомия «живое — мертвое»). Смертельное измерение связывается с поэтикой и эстетикой магического реализма, черты и признаки которого обнаруживаются в произведениях указанных авторов. Особый акцент сделан на интерпретацию смерти в работах немецкого искусствоведа Франца Ро, который обосновал категорию антивитаальности как основополагающую для магического реализма. Поэтика смерти связывается с экзистенциальной направленностью произведений. Делаются выводы о том, что смертность является одной из основных художественных констант в произведениях указанных авторов, способствует рассмотрению традиций магического реализма в их творчестве.

Ключевые слова: магический реализм, экзистенция, смертность, хронотоп, национальные литературы

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сырысева Д.Ю. Экзистенция смертности в русскоязычной прозе современных татарских писателей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 505–511. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-505-511>

The Existence of Mortality in the Russian-language Prose of Contemporary Tatar Writers

Diana Yu. Syryseva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
✉ syryseva97@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the consideration of the existence of mortality in the works of contemporary Russian-speaking Tatar writers (Salavat Yuzeev, Rustem Sabirov, Shamil Idiatullin, Albina Nurislamova, Guzel Yakhina), on the one hand, influencing the macropoetics of works, contributing to the complication of compositional structures, on the other hand, reflected in micropoetics (complexes of motives that actualize the thanatological code, lexical units expressing anti-vital reflection, the living-dead dichotomy). The mortal dimension is associated with the poetics and aesthetics of magical realism, the features and symptoms of which are found in the works of these authors. Particular emphasis in the article is placed on the interpretation of death in the works of the German art critic Franz Roh, who substantiated the category of anti-vitality as fundamental to magical realism. The poetics of death is associated with the existential orientation of the works. Conclusions are drawn that mortality is one of the main artistic constants in the works of these authors, which contributes to the consideration of the traditions of magical realism in their work.

Key words: magical realism, existence, mortality, chronotope, national literature

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Syryseva, D.Yu. 2024. “The Existence of Mortality in the Russian-language Prose of Contemporary Tatar Writers.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 505–511. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-505-511>

Введение

Изучение новейшей литературы, создающейся писателями-современниками, как правило одного поколения или сформировавшихся как творческие личности в похожих условиях социально-культурного контекста, является актуальным направлением научного исследования. Рассмотрение произведений сквозь призму экзистенциальных категорий, к которым так или иначе апеллируют мастера слова, дает возможность не только ввести ряд новых имен в научно-исследовательский оборот, но и подчеркнуть общечеловеческую природу творчества. Р. Красильников рассматривал танатологические мотивы как определяющие для создания художественного мира, внутренней структуры произведений у разных авторов [1]. В сборнике «Мортальность в литературе и культуре» прослеживаются основные этапы становления науки о смерти, границы применимости танатологического анализа для рассмотрения особых реалий и фактов как культуры, так и литературы [2]. В данной статье делается попытка рассмотреть произведения татарских писателей

(С. Юзеева, Ш. Идиатуллина, Р. Сабирова, А. Нурисламовой, Г. Яхиной), пишущих на русском языке, как актуализирующие эстетику смертности магического реализма, поэтика которого прослеживается в творчестве указанных авторов.

Обсуждение

Одно из первых теоретических обоснований магического реализма получает в работах немецкого искусствоведа Франца Ро (1890–1965 гг.), особенно в книге 1925 г. «Постэкспрессионизм: магический реализм. Проблема новейшей европейской живописи», в которой вводятся концептуально значимые дихотомии, с помощью которых новейшее искусство (постэкспрессионизм / магический реализм) отделяется от искусства прошлого (экспрессионизм). Остановимся подробнее на понимании Францем Ро категории смертности. В статье 1923 г., посвященной творчеству баварского художника Карла Хайдера (1846–1912 гг.), искусствовед при анализе картины «Осенний пейзаж» («*Herbstlandschaft*») подчеркивал, что «смерть как будто мрачно стоит» на фоне леса и зарослей, «как пустота и ничто — смерть ждет», несмотря на кажущуюся идиллию молчания природы [3. С. 602]. По мнению Ро, отношение к смерти может показывать изменение восприятия окружающего мира художника-постэкспрессиониста. Постэкспрессионизм как движение, зародившееся в европейских странах с 1920-х гг., «сохраняет определенные метафорические отсылки к экспрессионизму», но также «трансформирует их в нечто совершенно новое» [3. С. 598]. В 1924 г. в статье, посвященной творчеству французского художника Анри Руссо (1844–1910 гг.), показанного одним из основоположников постэкспрессионизма, искусствовед отмечает, что смертельная экзистенция пронизывает картину «Спящая цыганка» (*La Bohémienne endormie*) как «голая, мертвая лунная местность в ночной пустоши» [4. С. 713]. Человеческая фигура под взглядом льва «как будто погружается в мертвый сон» [4. С. 714]. Характеризуя художественный мир полотен Анри Руссо, Франц Ро утверждает, что «может быть, все, даже самое страшное, — это идиллия, но даже за идиллией стоит великое безмолвие, небытие и смерть» [4. С. 716]. В уже указанной выше книге 1925 г. понимание экзистенциального начала искусства расширяется. Истинная экзистенция, пронизывающая постэкспрессионизм/магический реализм показывается как «рассудочная, твердая, представленная как состоявшаяся» [5. С. 25], как «художественное базовое чувство» [5. С. 28]. Искусствовед подчеркивает значимость экзистенциальных компонентов, которые, «возможно, последняя граница, абсолютное ничто, абсолютная смерть на заднем фоне» [5. С. 30]. Чудесное начало, вера в чудо возникает из представления о том, что витальность «не может спасти» [5. С. 33]. В 1927 году Франц Ро вновь обращается к переживанию травматического опыта умирания – пишет статью-некролог, посвященную Клоду

Моне [6]. Итак, можно видеть изменение в восприятии экзистенции смертности у Франца Ро: от определенных образов и мотивов в творчестве художников до осмысления категории экзистенциального в культуре и эпохе. Следует отметить, что остроту переживания смерти в Германии в разные десятилетия XX в. показывала исследовательница Моника Блэк, связывая предельную болезненность ее восприятия с массовыми жертвами Первой мировой войны 1914–1918 гг. [7].

В магическом реализме смертность может быть представлена как одна из констант художественного мира произведения. В татарской литературе рубежа XX–XXI вв., как указывает исследовательница Д. Загидуллина, прослеживается экзистенциальная направленность именно «в виде экзистенциальной философии», создается связь между разными мифологическими и реалистическими дискурсами [8. С. 59]. Как же проявляется экзистенция смертности? На макропоэтическом уровне организации произведения смертность влияет на особенности композиционной структуры. Роман Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» представляет собой расшифровку магнитофонных записей, на которых Сарман Биги, один из главных героев, рассказывает историю своей жизни. Роман становится повествованием мертвеца, призрака, поскольку на момент расшифровки Сармана Биги нет в живых, а некоторые реалии, о которых он рассказывает, исчезли. В романах Альбины Нурисламовой (Альбины Нури) экзистенция смертности часто заявляется в заглавии произведений — «Глоток мертвой воды», «Город мертвецов», «Погребенные за мостом». Писательница также использует прием повествования мертвецов, призраков для выстраивания сложной архитектуры — романы «Пятый неспящий», «Город мертвецов». Мертвые получают возможность высказаться благодаря введению в канву повествования воспоминаний, дневников, снов. В романе «Пятый неспящий», воссоздающем картину негармоничных семейных отношений, с помощью кинематографической техники фокальных персонажей изображается предельно субъективный внутренний мир членов семьи Нагимовых, каждый из которых сожалеет о своих ошибках и раскаивается в совершенных дурных поступках. В романе «Дети мои» Гузель Яхина вводит особый календарь Якоба Баха, в котором определенные года связаны с проговариванием травматического опыта главного героя (например, 1922 год назван Годом Мертвых Детей, как крайняя степень ужаса, вызываемого смертью), что композиционно задает и маркирует пространство смерти, в котором в силу исторических катаклизмов XX в. оказываются герои романа. В романе Шамиля Идиатуллина «Последнее время» манифестацией смертности становится сражение между мары, кочевниками и франками, в котором не только не оказывается победителя, но показывается стремление к жестокому насилию и уничтожению.

На уровне микропоэтики экзистенция смертности связывается с определенными образами, темами и сюжетно-фабульными элементами. Образы

снега, метели (Р. Сабилов «Веретено», «Метельная арка»; А. Нури «Пятый неспящий»; Г. Яхина «Дети мои») подчеркивают пространство смерти, в котором могут оказаться герои либо случайно, став жертвами обстоятельств (рассказы Р. Сабирова) или жертвами исторических потрясений (Г. Яхина «Дети мои»), либо осознанно (семья Нагимовых оказывается в заснеженном поселке 31 декабря, чтобы встретить Новый год в романе «Пятый неспящий» А. Нурисламовой). Снежные пространства связываются с пустотой, молчанием и одиночеством, их освещает Луна, блики света которой порождают в воображении героев странные, пугающие образы («Пятый неспящий» А. Нурисламовой, «Окно» Р. Сабирова). Одиночество среди людей и красота природы могут таить и скрывать ужас, неведомую тайну (романы А. Нурисламовой, «Дети мои» Г. Яхиной). Возможно, русскоязычные татарские писатели наследуют определенную традицию литературы ужасного: например, в повести «Вендиго» Э. Блэквуда злое существо обитает в прекрасных и величественных канадских лесах. Об ужасе, таящемся в идиллическом пейзаже, писал и теоретик магического реализма Ф. Ро. Ужасное подчеркивается контрастами света и тени, различными приемами киностилистики. Так или иначе писатели, используя различные стратегии, вводят в художественную канву произведений образы **призраков, духов, инфернальных мифологических и фольклорных персонажей**, которые подчеркивают магическое, мистическое начало произведений, а также их антивительную направленность. Образ **зеркала** наделяется различными функциями: не только имеет связь с магическим и инфернальным миром, но и становится входом в смертельное пространство, поскольку может отражать не лицо героя, а его маску, лживую личину («Глоток мертвой воды», «Пятый неспящий» А. Нурисламовой). С помощью зеркала можно попасть в иное, жуткое измерение («Веретено» Р. Сабирова), увидеть будущее, связанное со смертью («Не перебивай мертвых» С. Юзеева). Образы **транспортных средств** (поезд, автомобиль, автобус) могут стать местами, в которых как будто открываются порталы в другие миры, создаются хрономиражи («Не перебивай мертвых» С. Юзеева, «Веретено», «Метельная арка», «Поселок Шуган» Р. Сабирова, романы А. Нурисламовой).

Экзистенция смертности дает возможность русскоязычным татарским писателям ввести в свои произведения тему покаяния и возмездия. В романе «Не перебивай мертвых» С. Юзеева Минлебай Атнагулов, жестокий злодей, наказывается Сарманом Биги, который искал его почти всю свою жизнь. Рассуждения о смысле жизни и значимости смерти пронизываются особой музыкальностью, ритмизируются, напоминая повторяющееся кружение: «Я завел разговор о кругах, которые мы замыкаем. Хочу заметить, что эти круги, быть может, вложены один в другой, их достаточно много. Но самый последний и самый значительный круг мы замкнем, уже уходя из жизни — в тот самый момент, когда мы максимально приблизимся к себе, увидим себя словно

в зеркале и станем с собой одним целым...»¹. В романе А. Нурисламовой «Пятый неспящий» после признания дурных, жестоких поступков, искреннего раскаяния герои как будто медленно растворяются, становятся невидимыми, обретая покой.

Писатели вводят в свои произведения различные интерпретации процесса умирания. Герои пытаются найти ответ на вопрос, почему они себя так ощущают, почему их привычный мир становится странным, нелогичным и непонятным, им сложно признать тот факт, что они стали призраками (романы А. Нурисламовой «Пятый неспящий», «Город мертвецов», «Пассажир своей судьбы»; роман «Не перебивай мертвых» С. Юзеева, рассказы Р. Сабирова «Поселок Шуган», «Метельная арка»). В романе «Пятый неспящий» А. Нурисламовой попытки героини осмыслить происходящее приводят ее к мысли о том, что «все происходит в нашем сознании, именно так человеческий мозг и реагирует на свое умирание»², «есть вот такое блуждание в том месте, где ты умираешь»³. В самой реальной действительности заложено обоснование происходящих с героями странностей, поскольку она — «всего лишь чистый потенциал до тех пор, пока мы сами не сконцентрируем своего внимания и не увидим чего-то»⁴. Сон-кошмар также соотносится с комой, пограничным состоянием между жизнью и смертью (А. Нурисламова «Пассажир своей судьбы», Р. Сабиров «поселок Шуган»).

Выводы

Экзистенция смертности прочитывается на разных уровнях организации произведений русскоязычных татарских писателей. Танатологический код задается особой образностью, также неразрывно связанным с этой образностью комплексом мотивов. Композиционные структуры произведений (особенно в романах Альбины Нурисламовой и Салавата Юзеева), сюжетно-фабульные элементы, актуализируют антивиталистскую направленность магического реализма, которая имеет теоретическое обоснование в работах немецкого искусствоведа Франца Ро. Смертность может раскрываться с помощью приемов киностилистики (фокальные персонажи) и музыкальности, ритмизации построения фраз.

Список литературы

1. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе: (введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015.

¹ Юзеев С. Не перебивай мертвых: роман, рассказы, пьеса. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. С. 242.

² Нури А. Пятый неспящий. М.: Издательство «Э», 2018. С. 201.

³ Там же.

⁴ Там же.

2. *Мортальность в литературе и культуре: сборник научных трудов*. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
3. Roh F. Zur Interpretation Karl Haiders. Eine Bemerkung auch Nachexpressionismus // *Der Cicero*. 1923. No. 15. S. 598–602.
4. Roh F. Ein neuer Henri Rousseau. Zur kunstgeschichtlichen Stellung des Meisters // *Der Cicero*. 1924. XVI. Heft 2. S. 713–716.
5. Roh F. Nach-Expressionismus: Magischer Realismus. Probleme des neusten europäischen Malerei. Leipzig: Klinkhardt und Biermann, 1925.
6. Roh F. Zum Tode Claude Monets // *Die Kunst für Alle*. München. 1927. S. 163.
7. Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
8. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань: Татарское книжное издательство, 2018.

References

1. Krasil'nikov, R.L. 2015. Thanatological motives in fiction. Introduction to literary thanatology. Moscow: Languages of Slavic cultures publ. Print. (In Russ.).
2. Mortality in literature and culture: a collection of scientific papers. 2015. Moscow: New literary review publ. Print. (In Russ.).
3. Roh, F. 1923. "On the interpretation of Karl Haider. A note also post-expressionism." *The Cicero*, no. 15, pp. 598–602.
4. Roh, F. 1924. "A new Henri Rousseau. On the art-historical position of the master." *The Cicero*, vol. XVI, no 2, pp. 713–716.
5. Roh, F. 1925. Post-Expressionism: Magical Realism. Problems of the latest European painting. Leipzig: Klinkhardt und Biermann. Print.
6. Roh, F. 1927. On the death of Claude Monet. Art for everyone. München. Print. (In German).
7. Black, M. 2015. Death in Berlin. From Weimar to divided Germany. Moscow: New literary review publ. Print. (In Russ.).
8. Zagidullina, D.F. 2018. Tatar poetry and prose at the turn of the 20th — 21st centuries: aesthetic guidelines and artistic searches. Kazan': Tatar Book publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Сырысева Диана Юрьевна — младший научный сотрудник, Отдел литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. eLibrary SPIN-код: 4568-0331. ORCID: 0000-0001-7956-4738. E-mail: syryseva97@mail.ru

Bio note:

Diana Yu. Syryseva is a Junior Research Fellow, Department of Literatures of the Peoples of Russia and the CIS, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, bldg 1, Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 4568-0331. ORCID: 0000-0001-7956-4738. E-mail: syryseva97@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-512-522

EDN: QLDHSZ

Научная статья / Research article

Этнопоэтические элементы транслингвильности в поэзии Альбины Абсалямовой

Л.П. Дианова

МГИМО Университет, Москва, Российская Федерация

✉ l.dianova56@mail.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования — выявить этнопоэтические маркеры в транслингвильном художественном тексте. Транслингвильный текст — это текст, созданный автором на языке, который не является для него материнским и транслирует вонне фрагменты исходной для автора культуры. Под этнопоэтическими маркерами мы понимаем такие элементы текста, которые 1) трансфертированы в ткань русскоязычного текста и имеют экзофонное звучание, следовательно, являются семантически лакунарными для читателя и нуждаются в развертке; 2) нейтральны с точки зрения языка-транслятора, но воспроизводят инонациональные образы мира. Материалом исследования послужили избранные стихотворения татарской поэтессы Альбины Абсалямовой. В ходе работы удалось установить, что категория транслингвильного текста как научная проблема тесно переплетается с эпистемологическими полями этно- и геопозтики.

Ключевые слова: транслингвильзм, транслингвильная поэзия, этнополэтика, маркер, татарская поэзия, Альбина Абсалямова

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дианова Л.П. Этнопоэтические элементы транслингвильности в поэзии Альбины Абсалямовой // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 512–522. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-512-522>

Ethnopoetic Elements of Translingualism in the Poetry by Albina Absalyamova

Liudmila P. Dianova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ l.dianova56@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify ethnopoetic markers in a translingual literary text. A translingual text is a text created by an author in a language that is not his or her native language and that transmits fragments of the author's original culture. By ethnopoetic markers we mean such elements of the text that 1) are transferred into the fabric of the Russian-language text and have an exophonic sound, therefore, are semantically lacunary for the reader and require expansion; 2) are neutral from the point of view of the translator language, but reproduce foreign images of the world. The material for the study was selected poems by the Tatar poetess Albina Absalyamova. In the course of the work, it was possible to establish that the category of translingual text as a scientific problem is closely intertwined with the epistemological fields of ethno- and geopoetics.

Key words: translingualism, translingual poetry, ethnopoetics, marker, Tatar poetry, Albina Absalyamova

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Dianova, L.P. 2024. "Ethnopoetic Elements of Translingualism in the Poetry by Albina Absalyamova." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 512–522. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-512-522>

Введение

Транслингвальная литература — это художественная практика овеществления литературного текста на языке, который не является для автора «материнским» [1–5]. Для создания подобного текста используется язык, находящийся в арсенале писателя как язык усвоенный, язык-посредник, активно наличествующий в его когнитивной базе наряду с языком первичным. Отношения между языками (которых, к слову, может быть более чем два) строятся по-разному. Каждый случай крайне индивидуален, и говорить о том, что существует некий средний показатель «транслингвального воображаемого», неправомерно. Вслед за У.М. Бахтикиреевой и С. Келлманом остается подчеркнуть, что каждая транслингвальная личность транслингвальна по-своему, и отметить, что одним из немногих адекватных способов познания остается онтоязыковой подход [6; 7]. Тем не менее транслингвальный текст предьявляет нам широкую междисциплинарную зону исследований, связанную, в частности, с этнопоэтикой и теорией локального текста. Этнопоэтика — относительно новая филологическая дисциплина, хотя сама идея сохранения в искусстве местного и исторического колорита восходит еще к «Искусству поэзии» Н. Буало. Этому принципу следовали многие поэты, романисты и драматурги Нового

времени. В 1968 г. термин *ethnopoetics* был введен в научный оборот Дж. Ротенбергом, обосновавшим принципы исследования поэзии американских индейцев. В международные словари понятие вошло только в 2000-х гг.; отметим, однако, что в русских терминологических словарях данное понятие по-прежнему не зафиксировано. Тем не менее сама эта область литературоведения сегодня активно развивается. Под этнопоэтикой понимают дисциплину, которая изучает национальное своеобразие текста в категориях специфического, аутентичного для определенной культуры: это концепты (и концептосферы), формирующие менталитет, а также культурные коды литературы.

Особый интерес представляют этнопоэтические исследования в области литературы, созданной в полиэтничном пространстве. Ситуация пограничья, особая семиосфера, формируемая в пространстве взаимодействия языков и культур, отражается на разных уровнях художественного текста, что мы и попытаемся показать в рамках нашего исследования.

Литература Урало-Поволжья, прошедшая несколько глобальных стадий развития, имеет свою специфику. Она произрастает из семиотически сложной историко-культурной «почвы». Аккумулируя существенный опыт познания действительности, заложенный в фольклоре с его многообразием жанров и аутентичной спецификой, она смогла усвоить и творчески преобразить заимствованные жанровые системы, в результате чего сформировала собственный транскультурный «облик».

Транскультуральность — пожалуй, одна из наиболее ярких черт современной литературы региона. Транскультуральность, в свою очередь, подразумевает широкую диалогичность (неслучайно Ф. Ортис, который впервые описал явление транскulturации, говорит о взаимовлиянии и творческом взаимодействии нескольких культур, каждая из которых, оставаясь внутренне целостной, генерирует то общее, что целесообразно рассматривать не как «хи-меру», но как «ребенка» двух родителей: рождается уникальный феномен с присущими ему чертами обеих культур).

Закономерно и то, что диалог — «метафора нашей цивилизации» [8. С. 36]. Каждый этнос — уникальная часть биосферы земли. В этой уникальности заложен неисчерпаемый потенциал к постижению Другого, который становится полноправным субъектом общения. Именно Другой во всей сложности его природы — культурной, этнической, языковой — дает импульс к познанию и осмыслению Своего: в коммуникации рождаются новые смыслы и знания о себе и о мире. Диалог культур — уже не метафора, но сама онтология: сосуществование многих народов на единой территории региона предопределило их психологию и особое мировоззрение.

Волго-Уральский регион — один из крупнейших полиэтничных регионов Российской Федерации. Становление и развитие литератур коренных народов, как пишет М.И. Ибрагимов, происходило по-разному. На развитие тюркоязычных литератур (в первую очередь татарской) на протяжении многих веков

значительное влияние оказывала восточная традиция. Финно-угорские литературы связаны с национальным фольклором. Исследователь также отмечает, что современные ученые, занимающиеся вопросами литератур Урало-Поволжского региона, сосредоточены на следующем комплексе вопросов: фольклорная традиция и авторское сознание; поэтика книжного эпоса; фольклорный интертекст в литературном произведении; специфика жанровых процессов; историческая поэтика стиха; лингвистические методы в исследовании поэтики литературного текста; поэтика перевода; индивидуальные художественные системы [9. С. 6].

Нас интересует, как элементы транслингвильности проявляются в русскоязычном художественном тексте. Мы выбрали для анализа стихотворения современной татарской поэтессы Альбины Абсалямовой, которую высоко оценивают старшие коллеги по творческому ремеслу: «Поэзия Альбины Абсалямовой привлекает открытостью и чистотой тем, чего так не хватает в наши изменчивые времена. С интересом слежу за её творчеством» (*Владимир Зимянин, лауреат Государственной премии СССР, член Союза писателей России*); «В стихах может быть отточенность словесных средств, блеск метафор, причудливость ритмов, но это не спасает, если нет в них искренности. Альбина пишет искренние стихи» (*Юрий Лоциц, секретарь Правления Союза писателей России*); «Стихи молодой Альбины Абсалямовой чем-то напоминают (впрочем, не чем-то, а именно юностью, заметным трепетом души) первую книжку Ахматовой и одновременно вызывают в памяти иные примеры японских образных отпечатков» (*Василий Аксёнов, писатель*).

Обсуждение

Дедушке

*Монет было много, едва уместались в ладошке,
А их — ещё больше, сидящих у тёмных оград.
А мне так хотелось ичиги, цветные сапожки,
И очень хотелось узнать, кто такой конокрад.*

*«Шайтан обещал не шалить», — говорила
бабуля,
Молитвенник старый меня от шайтана спасал.
Но всё ж иногда мне казалось: меня обманули,
И он может взять и пробраться — и в спальню,
и в зал.*

*Огромная серая книга, увы, не читалась,
И бронзовый дед всё смотрел не на внучку,
а вдаль.*

*И женщина в белом у входа тревожно
прощалась,
Но слёз не роняли, а просто застыли
Глаза, как миндаль¹.*

Маркеры транслингвальности могут быть по-разному проявлены в тексте. Иногда это элементы с экзофонным звучанием, привлекающие внимание читателя трансфертированным образом инобытия, который требует смысловой экспликации. В стихотворении из цикла «Татарское кладбище» «Дедушке» находим слово *ичиги* (отметим, что оно атрибутировано пояснительной конструкцией «цветные сапожки»). Однако наша исследовательская установка требует большей развертки, так как мы имеем дело не только с транслингвальным, но и с этнопоэтическим маркером. Ичиги — символ татарской культуры, несмотря на то что распространены они были и у народов Сибири, Дальнего Востока и Кавказа. Долгое время изготовление ичигов татарами было домашним ремеслом. Этноспецифику татарской обуви составляет особая мозаичная обувь: нанесенные на ичиги узоры несут особый сакральный смысл. Они выполнены в древних традициях, согласно которым орнаменты читаются как тексты, каждый из которых несет свою семантику и функцию (охранительную, пожелательную и т.д.). Сапожки шили из разноцветной мягкой кожи. Расстояние между кусочками заполнялось вручную цветной нитью. Ичиги украшались узорами из кожи разных цветов: как правило, орнамент представляли флористические мотивы: тюльпан, пальмовый лист, многолепестковая розетка. На девичьих ичигах можно было увидеть орнамент в форме сердца — древний болгарский символ целомудрия.

Во второй строфе находим слово *шайтан* — согласно Татарской энциклопедии² это слово обозначает основную категорию злых духов, враждебную Аллаху и людям. Шайтан обещал не шалить, сообщает маленькой героине бабушка; но священная книга не читается.

В стихотворении лирическая героиня, еще слишком юная для того, чтобы в полной мере осознать смерть, полна жизни и пока не осознает утраты, которую, несомненно, с горечью осознает сам автор. В ее ладошках золотые монеты — их было принято раздавать как милостыню (*садаха*) сидящим у оград, чтобы те помолились за умершего. Памятник дедушке, излитый из бронзы, смотрит куда-то вдаль; и глаза бабушки не роняют слез. Это связано с обычаями татар, у которых не принято оплакивать мертвых: чувства следует держать при себе, сколь бы скорбными они ни были. Вот почему глаза ее застыли, как *миндаль*. По мнению Марата Сафарова, «по-разному читатели приходят

¹ Татарское кладбище. Дедушке // Альбина Абсалямова. «Не кончайся, живая вода...». URL: <http://www.absalyamova.ru/article/13/> (дата обращения: 25.04.2024).

² Шайтан // Татарская энциклопедия TATARICA. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/religiya/islam/shajtan> (дата обращения: 23.04.2024).

*А у сказочных белых кремлёвских ворот
 Нерушимой скалою вознёсся Джалиль.
 И стекается в Кремль разномастный народ,
 И сияет мечеть, как цветной шамаиль⁵.*

Абсалямова не просто создает образ города, который предстает перед читателем в многообразии красок, звучании языка и разномастности народа, стекающегося к Кремлю. Уже в первой строфе она рассказывает читателю легенду о происхождении города.

Существует множество сказаний о происхождении города Казань. Одно из них гласит о жестоком монгольском правителе Хантимере. Некогда он осадил столицу Волжской Булгарии, великий и славный город Булгар. Храбрые защитники города были убиты. Власть пришлось взять женщине — мудрой Туйбике. Когда царица поняла, что гибель города неизбежна, она, чтобы спасти оставшихся, посадила их в лодку, и они ушли вверх по течению Волги. Говорят, Туйбике взяла с собой любимый медный казан — символ достатка и изобилия. Был он тяжел и огромен, и столь же тяжела была цепь от казана. Долго плыли беглецы прежде, чем сойти на берег. Но чтобы жить счастливо на новом месте, нужно принести жертву. Отдала Туйбике в жертву свой казан, и построили на этом месте город, краше которого не видела земля.

Эта легенда несколько расходится с авторским вариантом мифа о сотворении города, который мы находим в тексте. Однако есть основания предполагать, что речь в стихотворении все же идет о Туйбике, так как в иных версиях мифа фигурируют другие участники.

Маркерами транслингвальности здесь служат слова, незнакомые русскоязычному читателю: *азан* — призыв к всеобщей молитве; *шамаиль* — своеобразный феномен мусульманской культуры, представляющий собой картину с изображением мусульманских святынь, мест паломничества с назидательными каллиграфическими надписями либо художественно выполненную надпись с именем Аллаха или цитатой из Корана.

Трансфертированные элементы с отпечатком транскulturности не принадлежат собственно татарской языковой картине мира: это маркеры «мира исламского»; тем не менее он является неотъемлемой частью образа города, который создает Абсалямова. Соответственно, заимствованная лексика выполняет в тексте несколько важных функций:

– *архетипическую*: в ксенофоне угадывается отголосок инобытия другой культуры, ее паттернов, наполненных национально-вариативным содержанием экзистенции общества, его представлениями о мире, достижениями и скриптами;

⁵ Казань // Альбина Абсалямова. «Не кончайся, живая вода...». URL: <http://www.absalyamova.ru/article/13/> (дата обращения: 25.04.2024).

- *гносеологическую*: в воспринимающем сознании читателя неизбежно запускается принцип познавательного круга;
- *транслятивную*: художественный текст ретранслирует коллективному адресату информацию об инокультурных реалиях;
- *аксиологическую*: в культурно-маркированной единице наличествуют ценностные установки, регулирующие нормы поведения в обществе;
- *концептуальную*: в конечном счете этнопоэтические маркеры формируют в сознании адресата определенную картину мира;
- *экспланаторную*: несмотря на то, что трансфертированные слова, как правило, семантически лакунарны для адресата, при наличии авторского комментария они способны объяснить читателю значимые для иной культуры реалии [10].

Татарская слобода

*Не кончайся, живая вода,
Не теряйся, не тай, слобода,
Погоди, погоди истончатся,
Оставайся такой, как всегда.*

*Пусть тропинки уводят в кусты,
Полумесяц сменяет кресты,
Деревянные ставни щебечут,
И окошки сияют чисты.*

*Пусть белеет берёзья кора,
Запах хлеба летит со двора,
И мальчишки от счастья смеются,
И поют соловьи до утра.*

*Не кончайся, живая вода,
Не теряйся, не тай, слобода,
Погоди, погоди истончатся,
Оставайся такой, как всегда⁶.*

В данном стихотворении нет маркеров инобытия, однако автор создает поразительный образ старинного центра города – многонационального, верного своим традициям, светлого. Старо-Татарская Слобода начала зарождаться в 1552 г.; в 1773 г. Екатериной II был подписан документ «О терпимости всех вероисповеданий» («Полумесяц сменяет кресты»). Сенной базар, Мечеть Аль-Марджани, улица Каюма Насыри, Юнусовская площадь, улица

⁶ Альбина Абсалямова. «Не кончайся, живая вода...». URL: <http://www.absalyamova.ru/article/13/> (дата обращения: 25.04.2024).

Тукая, набережная озера Нижний Кабан и многое другое хранит в себе это старинное место — топос, превращенный автором в элемент транслингвального локального текста.

Образ города, овеществленный в художественном тексте, представляет собой целый комплекс значений, «преломленный» сознанием автора, сетью личностных смыслов. Происходит своего рода выстраивание пространственной модели, которую автор наполняет не только значимыми для себя установками, но и ожиданиями.

В семиотическом плане город — это

– миф, участвующий в формировании самосознания адресата. Казань — благодатный край, город-рай, живая вода. Но каждый миф антиномичен, и свобода, сердце города, *истончается*;

– аксиологема, или высшая ценность;

– функция.

У А. Абсалямовой, словами К. Уайта, получается создать «геопоэтический образ» Казани»:

«Оно [понятие] фиксирует сам момент взаимодействия земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (поэтика) <...> Пространство хочет от человека поэмы в смысле роиета — работы, творения. В поэтическом преображении пространства выражается стремление человека приручить пространство словом, унять его тектоническое буйство и, осмыслив, назвав, обуздать тем самым стихию его изгибов, складок и впадин. Ландшафт предстает перед поэтом как воплощенный, но еще не названный смысл. Искусство именует его. Так получается геопоэтический образ» (цит. по [11. С. 143]).

Продолжая развивать образ Казани, Абсалямова пишет стихотворение:

Подъемный кран. Кабан. Мечети.

Пятнадцать сорок. Скоро звезды.

Туман, машины, крыши, дети.

Шестнадцать десять. Душно. Слезно.

Забор. Дороги. Горизонты.

Простуда. Кашель. Мед. Горчица.

Пантагрюэли, анаконды.

Приди и будь. Шестнадцать тридцать...⁷

Перед нами вновь предстает город Казань; на этот раз его средоточием выступает озеро Кабан — еще один транслингвальный этнопоэтический маркер, воссоздающий слой локального текста. Судя по временным маркерам,

⁷ Альбина Абсалямова. «Не кончайся, живая вода...». URL: <http://www.absalyamova.ru/article/13/> (дата обращения: 25.04.2024).

данным автором («Пятнадцать сорок. Скоро звезды»), действие разворачивается поздней осенью: приближаются сумерки. Героиня больна; более того, она испытывает сильные душевные чувства (мотив ожидания адресата). Казань с ее туманом, машинами, крышами домов и озером Кабан становится центром — и сердцем — разворачивающейся любовной драмы.

Заключение

Транслингвальный художественный текст — междисциплинарная проблема, которая пересекается с эпистемологическими зонами этно- и геопозтики. В цикле стихотворений «Татарское кладбище» поэтесса Альбина Абсалямова воссоздает не только образ своего детства, наполненного этноспецифическим колоритом, но и образ родного города, предлагая читателю вариант локального текста о месте. Трансфертируя в русскоязычный текст этнопоэтические элементы различной этиологии, Абсалямова воссоздает фрагменты родной культуры. Некоторые из них атрибутированы авторскими комментариями, другие требуют дополнительной экспликации. Это еще раз подчеркивает нашу мысль о том, что транслингвальный текст становится местом встречи не только языков, но и культур, и оставляет некоторым элементам «право на непрозрачность».

Абсалямова — самобытный современный поэт, который творит в эстетике неоакмеизма с его вечностью, образной чуткостью, прозрачностью богатством изобразительных форм. Ее русскоязычный текст, подчиненный закону изотипичности (О.А. Валикова), всё же апеллирует к национальному космосу родной культуры с его архетипическим субстратом, мотивикой и аксиологией.

Список литературы

1. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А. На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6. С. 264–273. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
2. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63>
3. Alvorado L.Y. Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri’s “Puerto Rican Obituary” and Kamau Brathwaite’s “Islands and Exiles” // Centro Journal. 2010. No. 22 (2). P. 50–73.
4. De Donno F. Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada // Journal of World Literature. 2021. No. 6 (1). P. 103–122.
5. Wang B. Translingual practice: Literature, national culture, and translated modernity // Comparative Literature. 1997. No. 49 (3). P. 283–285.
6. Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII. Вып. 1. С. 83–89.
7. Kellman S.G. Translingual Writers: Introductory Notes // Polylinguality and Transcultural Practices. 2019. No. 16 (1). P. 9–12. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>

8. *Сабитова З.К.* Лингвокультурология. М.: Флинта, 2013.
9. Поэтика литератур народов Урало-Поволжья: коллективная монография / под ред. М.И. Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 2024.
10. *Дианова Л.П.* Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 194–206. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206>
11. *Абашев В.В., Абашева М.П.* Литература и география. Урал в геопоэтике России // Вестник Пермского университета. 2012. № 2 (19). С. 143–151.

References

1. Bakhtikireeva, U.M., Valikova O.A., and N.A. Tokareva. 2021. “At the Agora Today: Approaches to the Study of Translingual Literature.” *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher School*, no. 6, pp. 264–273. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
2. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. “Translingualism and Revitalization of Culture.” *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 8, no. 1. pp. 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63>
3. Alvorado, L.Y. 2010. “Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri’s “Puerto Rican Obituary” and Kamau Brathwaite’s “Islands and Exiles”.” *Centro Journal*, no. 22 (2), pp. 50–73.
4. De Donno, F. 2021. “Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada.” *Journal of World Literature*, no. 6 (1), pp. 103–122.
5. Wang, B. 1997. “Translingual practice: Literature, national culture, and translated modernity.” *Comparative Literature*, no. 49 (3), pp. 283–285.
6. Bakhtikireeva, U.M., and B.E. Shagimgerieeva. 2020. “Linguistic Being of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov.” *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, vol. XVII, Issue 1, pp. 83–89.
7. Kellman, S.G. 2019. “Translingual Writers: Introductory Notes.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 16 (1), pp. 9–12. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>
8. Sabitova, Z.K. 2013. *Linguoculturology*. Moscow: Flinta publ. Print. (In Russ.)
9. Poetics of the literature of the peoples of the Ural-Volga region: collective monograph. 2024. Edited by M.I. Ibragimov. Kazan: IYALI publ.
10. Dianova, L.P. 2021. “Functions of borrowed vocabulary in the texts of a bilingual author.” *Polylinguality and transcultural practices*, vol. 18, no. 2, pp. 194–206. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206>
11. Abashev, V.V., and M.P. Abasheva. 2012. “Literature and geography. The Urals in the geopoetics of Russia.” *Bulletin of Perm University*, no. 2, pp. 143–151.

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных студентов, МГИМО Университет, Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76. ORCID: 0000-0001-9502-5953. E-mail: l.dianova56@mail.ru

Bio note:

Liudmila P. Dianova is a PhD in Philology, Assistant Professor, Chair of the Russian Languages for Foreign Students, Moscow State Institute of International Relations University, 76 Vernadskiy prospect, Moscow, 119454, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9502-5953. E-mail: l.dianova56@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-523-534

EDN: RMTNQT

Научная статья / Research article

Особенности выражения национального образа мира в произведениях А. Еники

Л.И. Фахрутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Академия наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

✉ Liliyaphahrutdinova@yandex.ru

Аннотация. Творчество одного из выдающихся прозаиков XX в. становится объектом изучения многих ученых в различных аспектах. Столь пристальное внимание к его творчеству обусловлено тем, что в истории татарской литературы А. Еники был одним из первых писателей, в чьих произведениях национальное начало ярко проявило себя, несмотря на доминирование соцреалистического канона, уравнивающего национальные литературы. Цель нашей работы — исследование национального в произведениях татарского писателя. Понятие «национальный образ мира», введенное Г.Д. Гачевым, используется как инструмент для анализа и выявления национального в произведениях А. Еники. В работе определены уровни, на которых происходит актуализация особенностей национального образа мира в произведениях татарского писателя. Уровень субъектной организации позволяет нам установить, что в произведениях А. Еники проявляется сознание человека, в ценностных ориентациях которого ценность национального мира, рода, вековых традиций национальной жизни выступает как абсолютная и безусловная. Следующий уровень, представленный в произведениях, формируется благодаря уникальной связи образов, где пейзажные мотивы играют особенно значимую роль. Писатель создает пейзажи, в которых необычайная сердечность и искренность сочетаются с теплотой и умелыми эмоциональными решениями. В творчестве А. Еники пейзаж является одним из основных инструментов создания эмоционального тона, который пронизывает все его произведения. Третьим уровнем актуализации особенностей национального становится характер, в основе которого — ценность рода, а также бытие, определяющееся сопричастностью к родной земле, языку, обычаям и традициям.

Ключевые слова: татарская литература, Г.Д. Гачев, национальный образ мира, А. Еники

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фахрутдинова Л.И. Особенности выражения национального образа мира в произведениях А. Еники // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 523–534. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-523-534>

© Фахрутдинова Л.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Features of the National Image of the World's Expression in the Literary Works by A. Yeniki

Liliya I. Fakhrutdinova

Kazan Federal University, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

✉ Liliyaphakhrutdinova@yandex.ru

Abstract. The work of one of the outstanding prose writers of the 20th century becomes the object of study by many scientists in various aspects. Such close attention to his work is due to the fact that in the history of Tatar literature A. Yeniki was one of the first writers in whose works the national principle clearly manifested itself, despite the dominance of the socialist realist canon, which equalizes national literatures. The purpose of our work is to study the national in the works of the Tatar writer. The concept of “national image of the world,” introduced by G.D. Gachev, is used as a tool for analyzing and identifying the national in the works of A. Yeniki. The work identifies the levels at which the actualization of the features of the national image of the world in the works of the Tatar writer takes place. The level of subjective organization allows us to establish that in the works of A. Yeniki, the consciousness of a person manifests itself, in whose value orientations the value of the national world, the family, the age-old traditions of national life acts as absolute and unconditional. The next level presented in the works is formed due to the unique connection of images, where landscape motifs play a particularly significant role. The writer creates landscapes in which extraordinary cordiality and sincerity are combined with warmth and skillful emotional decisions. In the works of A. Yeniki landscape is one of the main tools for creating an emotional tone that permeates all his works. The third level of actualization of the national features is character, which is based on the value of the family, as well as being determined by belonging to the native land, language, customs and traditions.

Key words: Tatar literature, G.D. Gachev, national image of the world, A. Yeniki

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Fakhrutdinova, L.I. 2024. “Features of the National Image of the World's Expression in the Literary Works by A. Yeniki.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 523–534. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-523-534>

Введение

Одной из дискутируемых проблем, привлекающих внимание различных исследователей в современных гуманитарных науках, является проблема идентичности.

Понятие «идентичность» стало использоваться отечественными лингвистами, литературоведами, философами и другими учеными сравнительно недавно, придя на замену таким традиционным для отечественной гуманитаристики понятиям, как «своеобразие», «самобытность» и «самосознание». В исследованиях Н.Л. Васильева [1. С. 53–59], С.И. Кормилова [2. С. 8–21] и некоторых других подчеркивается несхожесть данных понятий, а избыточность

понятия идентичности подчеркивает ученый Л.В. Полякова [3. С. 43–52]. По наблюдениям Я.Г. Сафиуллина, «к числу немногих исключений, возвращающих идентичности собственный смысл, относились работы Г. Гачева, посвященные „национальным образам мира“» [4. С. 30].

Понятие «национальный образ мира», введенное Г.Д. Гачевым, получило широкое распространение не только в литературоведении, но и в других гуманитарных науках. Сущность этого понятия определяется, прежде всего, целостностью образа, который формируется представителями разных наций и складывается из взаимосвязанных и взаимодополняемых элементов.

Появившееся в семидесятые годы, данное понятие не только не утратило своей актуальности в современной литературоведческой науке, но и активно используется в качестве инструмента анализа национального в литературе [5–9].

Обсуждение

Творчество А. Еники — одного из выдающихся татарских прозаиков XX века — оказывается в центре внимания ряда современных исследователей. [10–13].

Столь пристальный интерес к его творчеству связан с тем, что в истории татарской литературы А. Еники стал одним из первых писателей, в творчестве которого в условиях «выравнивающего» национальные литературы соцреалистического канона ярко выразилось национальное начало. А. Еники стоял у истоков возрождения интереса к национальному в татарской литературе. Это проявилось уже в первых рассказах писателя, написанных в годы Великой Отечественной войны: «Бала» («Дитя», 1947), «Бер генэ сэгатькэ» («На один только час», 1944), «Мэк чэчэгэ» («Цветок мака», 1944), «Ялгыз каз» («Одинокая гусыня», 1944). Своего апогея эта тенденция достигает в произведениях А. Еники 1960–1980-х годов. В.Р. Аминева отмечает, что «в период оттепели в творчестве писателя актуализируется проблематика национальной идентичности <...> Разрушительным тенденциям эпохи <...> писатель противопоставляет личную и родовую память, ответственность за землю предков, красоту родной природы, поэтические стороны жизни народа, его древнюю историю и великую культуру, духовное богатство и мудрость, отношения, основанные на родстве, близости и любви» [14. С. 16–17]. Об обращении писателя к проблеме национального пишет и Д.Ф. Загидуллина: «Первые признаки трансформации соцреализма, ознаменованной возвращением к национальным истокам, наблюдаются в рассказах А. Еники еще военных лет: прозаик внимательно наблюдает за мыслительным процессом отдельного героя, поставленного в условия жестких испытаний <...> На историю героя в качестве авторской позиции накладывается философская оценка мира, выраженная путем возведения образов до уровня символа» [15. С. 25].

Рассмотрим ряд произведений писателя, используя в качестве аналитического инструментария понятие национального образа мира Г.Д. Гачева, понимаемого как «единство национальной природы, склада психики и мышления» [16. С. 11]. Это единство ученый определил проективным на тот момент термином «Космо-Психо-Логос».

К числу литературоведческих понятий, позволяющих установить особенности выражения национальной психологии в литературном тексте, является характер. М.М. Бахтин, анализируя взаимоотношения автора и героя в художественном произведении, разграничивает два типа характера: классический и романтический. В основе первого — художественная ценность судьбы, рода: «*Ценность рода* как категории утвержденного бытия другости, затягивающего и меня в свой ценностный круг свершения, — вот почва, на которой возрастает ценность судьбы (для автора). *Я не начинаю жизни*, я не ценностно ответственный инициатор ее <...> я могу поступать и оценивать на основе уже данной и оцененной жизни; *ряд поступков начинается не из меня*, я только продолжаю его (и поступки-мысли, и поступки-чувства, и поступки-дела); я связан неразрывным *отношением сыновства* к отчеству и материнству рода (рода в узком смысле, рода-народа, человеческого рода) <...> Я могу быть только тем, что я уже существенно есмь; свое существенное *ужебытие* я отвергнуть не могу, ибо оно *не мое*, а матери, отца, рода, народа, человечества. Не потому ценен мой род <...>, что он мой, а потому, что я *его*, рода матери, отца; ценностно я сам не свой» [17. С. 164–165].

В творчестве А. Еники такой тип характера воплощен в образе Акэби, главной героини из хикая «Эйтелмэгэн васыять» («Невысказанное завещание», 1965). Бытие героини предопределяется сопричастностью к родной земле, языку, обычаям и традициям. Она формирует систему ценностей Акэби, через призму которой героиня оценивает все жизненные события, определяя их соответствие или несоответствие национальным устоям. Для Акэби основополагающим в жизни становится ценность рода — она не мыслит собственное существование в отрыве от башкирского народа, от родной земли (что подчеркивает повествователь во внутренних монологах героини): «Аның өчен туган ил — туган туфрак дигән сүз. Шул туфракта ата-бабаларының сөякләре ята, шунда аның гомердәшләре Миңлебай картлар, Минжиһан корткалар, шунда аның күз алдында үсеп житкән яшь ирләр, яшь киленнәр, шунда аның тирәсендә чуалган бала-чагалар, һәм ул аларны, кая гына китмәсен, актык сулышына чаклы онытачак түгел»¹ («Для нее родина — родная земля. В этой земле лежат кости предков, живут односельчане старик Миннибай, старушка Минджихан, повзрослевшие на глазах молодые мужчины и молодые женщины, путающаяся под ее ногами детвора, — она не забудет их, куда бы

¹ Еники Ә. Әсәрләр: биш томда. 3 том. Повестьлар = Еники Ә. Произведения: в 5 т. Т. 3. Повести. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 33.

ни уехала, будет помнить до последнего вздоха»²). Акэби болезненно переживает отпад от вековых традиций национальной жизни своих детей и внуков, их забвение родного языка: «Ах, бу тел юклыгы!.. Карчыкның тел өйрәнер вакыты күптән үткән шул инде, эмма ник бу Суфиян, юньсез, балаларына, ичмасам, әбиләренә дәшә алырлык кына үзебезчә берничә дистә сүз өйрәтмәде икән соң?!»³ («Ах это незнание языка!.. Уже прошло то время, когда бабушка могла изучить язык, но почему Суфиян, этот непутевый, не мог научить своих детей хотя бы паре наших слов, чтобы могли они поговорить со своей бабушкой?!»). Болезненно переживает Акэби и отчуждение детей от родной земли — деревни Юлкотлы: «Юлкотлыны сагына идегез, бала кошлар шикелле очып очып кайткалый идегез... Ләкин ни өчен сез аны соңыннан оныттыгыз? Чакырып-дәшәп тә еллар буе кайтмый башладыгыз?.. Ике сүзнен берендә «туган ил» дисез, ә Юлкотлы нәрсә соң? Туган илнең сезгә иң яқын, иң кадерле бер өләше түгелмени ул?»⁴ («Скучали по Юлкотлы, прилетали как птенцы домой... Но почему вы забыли ее после? Хотя я и просила вас приезжать, вы годами не приезжали?.. Через каждые два слова говорите «родина», а что тогда Юлкотлы? Разве не часть самой близкой и дорогой родины?»).

Идеологическая точка зрения (по Б. Корману) на сущность Акэби манифестируется в речи одного из персонажей повести — поэта, который разделяет ее ценности: в эпизоде, где герой произносит надгробное слово на могиле Акэби, она возвышается им до матери башкирского народа: «Әйе, ул барыбызның да уртақ әсәбез иде. Алай гына да түгел, мин, һич икеләнмиңә, аны башкорт халқының изге жанлы анасы дияр идем...»⁵ («Да, она была нашей матерью. Нет, даже не так, я, несколько не колеблясь, назвал бы ее матерью всего башкирского народа со святой душой...»).

Для анализа особенностей выражения национального сознания в литературе важное значение имеет субъектная организация произведения — «соотнесенность всех отрывков текста, составляющих в совокупности данное произведение, с соответствующими им субъектами речи и сознания» [18. С. 328].

Обратимся к хикая А. Еники «Жиз кыңгырау» («Медный колокольчик») (1966) и проанализируем его субъектную организацию.

В центре хикая «Жиз кыңгырау» («Медный колокольчик») оказывается описание свадебного обряда. Автор использует повествование от первого лица, которое помогает увидеть процесс ценностного и духовного погружения героя-повествователя в национальную жизнь: герой вспоминает о событиях далекого прошлого, когда он являлся одним из участников этнического

² Здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором статьи.

³ Еники Ә. Әсәрләр: биш томда. 3 том. Повестьлар = Еники Ә. Произведения: в 5 т. Т. 3. Повести. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 23.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 41.

свадебного обряда. Таким образом, в произведении совмещаются различные психоэмоциональные ракурсы в изображении событий: с одной стороны, взгляд дистанцированного во времени повествователя, обладающего определенным жизненным опытом и переживающим чувство ностальгии по прошлому; с другой — восприятие событий 14-летним юношей, являющимся непосредственным участником свадебного обряда.

К примеру, в одном из эпизодов Ахтям становится свидетелем и непосредственным участником застолья, которое устраивают близкие родственники невесты. Здесь происходит инициация — приобщение к этническому социуму: герой слушает национальные напевы, застольные татарские песни, наблюдает за танцами и плясками гостей, становясь одним этническим целым с присутствующими людьми: «Жырны күбрэк Нигъмәтулла абзыкай белән элегә тәкә мөгезедәй кара мыеклы кеше алмашлап жырлылар. Кайчагында исә икәүләп, билләреннән тотынышып һәм көй уңаена чайкала биреп, жырлап жибәрәләр. Кара мыеклының тавышы калыңрак, Нигъмәтулла абзыкайныкы нечкәрәк, бергә кушылгач, гажәеп матур, ягымлы килеп чыга. Һәр жыр артыннан күңелләргә дәртләндереп жибәрердәй берәр кушымта әйтеп куялар <...> Кияү егетләренәң берсе кыстырып йөрткән кечкенә гармун да тик тормый <...> «Баламишкин», «Эрбет», «Сәфәр» кебек кыска көйләргә гажәп шәп сиптерә, парин!.. <...> Ә бию көен тартып жибәргәч, шунда ук берәр жинел сөяклә абзый бөөренә таянып, башын чөя биреп, уртага чыгып та баса һәм читегә белән идән тактасын «чаш-чош» ышкый-ышкый текә генә йөзеп тә китә <...> Әнә шулай, әле озын көйгә сузып, әле гармун тартып, жырлап та биеп дәвам итә бу туй мәжлесе... Миңа да бик күңелле иде, мин хәтта зурлар рәтенә кереп, үземнең малай гына булуымны да онытып жибәрдем»⁶ («Больше всего по очереди поют дядя Нигматулла и мужчина с усами, черными как бараныи рога. Иногда они начинают петь вдвоем, приобняв друг друга и покачиваясь в такт мелодии. Голос мужчины с черными усами ниже, а голос дяди Нигматуллы выше, и когда они соединяются вместе, получается удивительно красиво и приятно. И после песни, в дополнение они говорят что-то, что приободряет душу <...> И маленькая гармонь одного из дружков, которая всегда была у него с собой, не знает покоя. Эх, парень, как удивительно лихо наигрывает он такие короткие напевы как «Баламишкин», «Эрбет» и «Сафер» <...> А как только заигрывает плясовая, так сразу же какой-нибудь подвижный дядя, подбоченившись и задрал голову, выходит в центр и надменно уплывает, быстро-быстро натирая половицы <...> Вот так — то напевая протяжные мелодии, то играя на гармонии, с песнями и плясками продолжается это свадебное застолье.. И мне было очень весело, и даже я, побывав со взрослыми, забыл, что я еще мальчик»).

⁶ Еники Ә. Әсәрләр: биш томда. 1 том. Повестьлар= Еники Ә. Произведения: в 5 т. Т. 1. Повести. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 283–284.

Через размышления юного Ахтяма четко прослеживается и рефлексия уже выросшего героя в настоящем, который видит особый смысл в единении природы и человека. Для него жизненный путь человека его стремления и желания, судьба в целом подчинены природному универсуму, диктуется им: «Күңелгә кинәт нур тулды, күзгә хәтта сөнеч яшьләре килде, һәм шул чакта табигатьнең кешегә газиз ана кочагыдай никадәр якын-кадерле булуын, кешенең аңа мең төрле жепләр белән бәйләнгән булуын, алай гына да түгел, кешенең бөтен хыялы-өмете, эше-гамәле шушы жылы, якты, тере сулышлы табигатьтән яралган булуын ихтыярсыз аңладым, тойдым, белдем шикелле...»⁷ («Моя душа будто наполнилась светом, в глазах были слезы радости, и вот тут я будто невольно понял, почувствовал и узнал, как близка и дорога, словно объятия матери, человеку природа, что человек связан с ней словно тысячью нитей, более того, все мечты и надежды, все дела и помыслы зародились из этой теплой, светлой, дышащей природы...»).

Осмысляя такие универсальные понятия, как любовь и счастье, повествователь чувствует необходимость гармонии, любви и тепла, в его душе сменяются диаметрально противоположные психологические состояния: сначала его пугает неизвестность дальнейшего жизненного пути, его зыбкость, затем герой чувствует свою сопричастность ко всему живому на земле, в то же время в его душе просыпается необъятная сила, способная свернуть горы, и надежда. Ради надежды Ахтям готов преодолевать любые препятствия на своем пути: «Өмет, өмет, өмет!.. Мин аңа ышанам, мин аңа табынам, мин аның өчен дингезләр кичәргә, таулар аша сикерергә эзер торам...»⁸ («Надежда, надежда, надежда! Я верю в нее, я преклоняюсь пред ней, я готов ради нее переплыть моря и перепрыгнуть горы...»). Несмотря на естественность и эмоциональность переживаний, мы видим в этом монологе точку зрения и выводы уже взрослого повествователя, смотрящего на себя со стороны и дающего самому себе оценку: «Менә нинди тиле, хыялый бала чагым бу минем!»⁹ («Вот какое глупое, мечтательное мое детство!«).

Таким образом, в «Медном колокольчике» выражено сознание человека, в ценностных ориентациях которого ценность национального мира, рода, вековых традиций национальной жизни выступает как абсолютная и безусловная.

Важным является и проходящий через все произведение образ медного колокольчика, символизирующий любовь и молодость, и объединяющий в себе то, что следует идеалу автора, — неподдельность и искренность чувств, любовь к родной земле, к обычаям и традициям народной жизни, единство с миром.

⁷ Еники Ә. Әсэрләр: биш томда. 1 том. Повестьлар = Еники Ә. Произведения: в 5 т. Т. 1. Повести. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 268.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Там же. С. 277.

Одним из текстуальных маркеров художественного выражения национального психологического склада является эмоциональный тон. Здесь ведущим понятием является основной эмоциональный тон, который исследователь Б.О. Корман определяет как сверхэмоцию, «мировоззрение, превратившееся в эмоцию» [18. С. 333].

Основной эмоциональный тон произведений А. Еники создается за счет определенной связи образов, в которых очень значимыми оказываются пейзажные образы. Писатель создает образы пейзажа, в которых необыкновенная сердечность, задушевность сочетаются с теплотой и искусностью эмоциональных решений.

Пейзаж в произведениях А. Еники является одним из важнейших способов создания эмоционального тона. В пейзажных описаниях неизменно присутствует некая, выражаясь словами Б.О. Кормана, сверхэмоция. Приведем несколько примеров.

«Йомшак кына жэйге жил исэ... Дала буйлап кылганнар йөгэрэ, кылганнар йөгэрэ. Ефэк чукларын еш-еш кына селкеп, акрын гына кыштырдап, бик тырышып һәм бик кабаланып йөгэрэ кебек алар... Колын булып уйнаклап, шул кылганнар артыннан чабасы да чабасы килэ. Дала буш, дала киң, жир жылыкай, шаян жилкэй биттән сөя... Рэхэт, һэй, рэхэт тә соң!.. Һәм ямансу. Нигәдер бик ямансу да шул! Шагыйрь әйтмешли, йөгереп уйныйсы, ятып елыйсы килэ бу тын, буш, моңсу башкорт даласында!»¹⁰ («Дует легкий летний ветерок... Вдоль степи колышется и колышется ковыль. Кажется, что часто-часто качая своими шелковыми кисточками и медленно шурша, он колышется очень настойчиво и суетливо... Хочется скакать и скакать за этими ковылями, словно игривый жеребенок. Степь пустынна, степь широка, теплая земляца, озорной ветерок ласкают лицо... Хорошо, как же хорошо! И тоскливо. Почему-то и очень тоскливо! Как говорит поэт, в этой тихой, пустынной и тоскливой башкирской степи хочется резвиться, лечь и плакать»). Обращают на себя внимание смешанные лирические чувства повествователя: с одной стороны, это некоторое приподнятое настроение, восторг: «Рэхэт, һэй, рэхэт тә соң!..» (Хорошо, как же хорошо!), а с другой — некая грусть, подавленность: «Һәм ямансу. Нигәдер бик ямансу да шул!» («И тоскливо. Почему-то и очень тоскливо!»). Образный ряд произведения: мягкий ветерок, колышущийся ковыль, бескрайняя степь, в том числе и способы ритмизации прозы, создающейся за счет повторов и созвучий: «йөгэрэ, йөгэрэ», «чабасы да чабасы килэ», «рэхэт, һэй, рэхэт тә соң», а также рифмующихся лексем: «жылыкай-жилкэй», — придает картине природы лирическое звучание.

«Әнә каршыдагы таулар артыннан ак читле күксел болытлар бер-бер артлы ашыкмыйча гына йөзеп чыгалар һәм аларның күлгәләре йомры

¹⁰ Еники Ә. Әсәрләр: биш томда. 3 том. Повестьлар = Еники Ә. Произведения: в 5 т. Т. 3. Повести. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 8.

түбэләр өстеннән тын гына шуып үтэләр <...> Нәкъ бүгенгедәй, әйттик, моннан илле-алтмыш ел элек тә, тезелешеп киткән таулар итәге буйлап кечкенә елгачык агып килә иде. Елгачык чуерташлар өстеннән сырлана-сырлана йөгәрә, тик яр култыгына кергән урыннарда гына ул тирәнәеп китә, караңгылана төшкән чырай белән ашыкмыйча, уймакланып ага»¹¹ («Вон из-за гор, находящихся напротив, один за другим неторопливо выплывают синеватые, с белыми краями облака, и их тени тихо скользят над округлыми вершинами. <...> Точно так же, как сегодня, скажем, и пятьдесят-шестьдесят лет назад, вдоль выстроенных в ряд подножий гор также текла маленькая речка. Речка бежит по поверхности булыжников, углубляясь только в местах, где есть заводь, немного помрачневшая, течет она неторопливо, образуя небольшие круги»). Здесь значимыми оказываются зрительно-слуховые образы: читатель видит величественные горы, слышит неторопливое течение реки. Образ плывущих по небу облаков повторяется и в конце хикая А. Еники. «Ерактан, бик ерактан ак читле күгелжем болытлар акрын гына йөзеп киләләр һәм аларның күлэгәләре йомры тау түбәләре өстеннән тын гына шуып үтәләр... Әйе, күлэгәләр шуып үтә, тормыш бетми һаман, һаман дәвам итә»¹² («Издалека, медленно плывут синеватые облака с белыми краями и их тени тихо скользят над округлыми вершинами... Да, тени скользят, жизнь все еще не заканчивается, она все еще продолжается»). Проплывающие по небу облака и быстрая, бурная река соизмеримая с историей, временем и судьбой конкретного человека, противопоставлены горам, для которых характерны непоколебимость, стойкость и спокойствие. Горы здесь становятся символом вечных ценностей бытия, которые помогают выдержать все испытания судьбы и времени, не потерять себя, сохранив при этом силу духа, волю и жажду к жизни. Пейзаж усиливает лирическую, философскую и нравственную составляющие произведения, демонстрируя силу человеческого духа, а также непреходящие национальные и общечеловеческие смыслы бытия — любовь, продолжение рода, а в философском измерении — бесконечность жизни.

Заключение

Используя понятие национального образа мира как опорное для понимания художественного мира А. Еники, мы пришли к следующим выводам.

Прежде всего, понятие национального образа мира позволяет установить, что многие произведения писателя этноцентричны, то есть в них на уровне пейзажа, основного эмоционального тона, а также типологии характеров проявляются особенности национальной психологии, менталитета и системы ценностей.

¹¹ Еники Ә. Әсәрләр: биш томда. 1 том. Повестьлар = Еники Ә. Произведения: в 5 т. Т. 1. Повести. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. С. 92.

¹² Там же. С. 108.

Однако он не замыкается на этническом. В основе психологизма А. Еники лежит художественное прозрение национальной души в универсальных началах психологии человека.

Список литературы

1. *Васильев Н.Л.* Историзм и относительность концепта «национальная литература» // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты: материалы международной научной конференции «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 53–59.
2. *Кормилов С.И.* Своеобразие русской литературы и проблема ее национальной идентичности // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 8–21.
3. *Полякова Л.В.* Проблемная ситуация в современной литературоведческой терминологии: «национальная идентичность» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (106). С. 43–52.
4. *Сафиуллин Я.Г.* Идентичность литературная // Теория литературы: словарь для студентов. Казань: Казан. ун-т, 2010. С. 29–31.
5. *Кучукова З.А.* Вертикаль как маркер кавказской идентичности в нартском эпосе // Эпос единения и дружбы: материалы международной научной конференции, Нальчик, 21–24 ноября 2012 года / отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Ч. 1. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. С. 102–108.
6. *Булгутова И.В.* Аспекты исследования национального в бурятском литературоведении постсоветского периода: идеи Г.Д. Гачева и их развитие // Литература и культура Сибири, Дальнего Востока и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: материалы участников X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Усурийск, 21 февраля 2020 года / отв. ред. А.А. Новикова. Усурийск: Дальневосточный федеральный университет, 2020. С. 8–11.
7. *Хайруллин Р.З.* Национальные образы мира в поэзии и прозе Мустая Карима // Преподаватель XXI век. 2016. № 1–2. С. 431–440.
8. *Хайруллин Р.З.* Языковая картина мира в поэзии Д.Н. Кугультинова (на материале произведений в русском переводе) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 117–123.
9. *Довлеткиреева Л.М.* «Космо-психо-логос» как формула декодировки национальной ментальности в художественной литературе и фольклоре // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 230–234.
10. *Жәләлиева М.Ш.* Эмирхан Еники (Тойгы катламнары) // Казан утлары. 2002. № 11. Б. 160–169.
11. *Ибатуллина Д.Э.* Поэтика прозы Амирхана Еники: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Казань, 1993.
12. *Мотигуллина А.Р.* Характеры героев в прозе А. Еники: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Казань, 2000.
13. *Карамова А.З.* Психологизм в творчестве А. Еники: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Казань, 2005.
14. *Аминова В.Р.* Невысказанное завещание: рассказы, повесть. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.
15. *Загидуллина Д.Ф.* «Поток сознания зверя» в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова: диалог с этнической художественной традицией // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 1. № 4. С. 25–37.
16. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995.
17. *Бахтин М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. М., 1979.

18. *Корман Б.О.* Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // *Избранные труды. Теория литературы / Б.О. Корман.* Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. С. 314 – 335.

References

1. Vasiliev, N.L. 2003. "Historicism and relativity of the concept of 'national literature'." Comparative literature: theoretical and historical aspects: International Scientific Conference (V Pospelov readings) Proceedings. Moscow: Publishing House of Moscow State University, pp. 53–59. Print. (In Russ.)
2. Kormilov, S.I. 2007. "The originality of Russian literature and the problem of its national identity." Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences, no. 1–2, pp. 8–21. Print. (In Russ.)
3. Polyakova, L.V. 2012. "The problematic situation in modern literary terminology: 'national identity'." Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, no. 2 (106), pp. 43–52. Print. (In Russ.)
4. Safiullin, Ya.G. 2010. "Literary identity." In *Theory of literature: a dictionary for students.* Kazan: Kazan. Univ. publ., pp. 29–31. Print. (In Russ.)
5. Kuchukova, Z.A. 2012. "Vertical as a marker of Caucasian identity in the Nart epic." In *Epic of unity and friendship: Proceedings of the international scientific conference, Nalchik, November 21–24, 2012.* Responsible editor Bgazhnokov B.H. Part 1. Nalchik: Publishing department of KBIGI, pp. 102–108. Print. (In Russ.)
6. Bulgutova, I.V. 2020. "Aspects of national research in Buryat literary studies of the post-Soviet period: G.D. Gachev's ideas and their development." In *Literature and culture of Siberia, the Far East and Eastern abroad. Problems of intercultural communication: Materials of the participants of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Ussuriysk, February 21, 2020.* Editor-in-chief A.A. Novikova. Ussuriysk: Far Eastern Federal University, pp. 8–11. Print. (In Russ.)
7. Khairullin R.Z. 2016. "National images of the world in poetry and prose of Mustai Karim." *Teacher of the XXI century*, no 1–2, pp. 431–440. Print. (In Russ.)
8. Khairullin, R.Z. 2019. "The linguistic picture of the world in the poetry of D.N. Kugultinov (based on the material of works in Russian translation)." *Bulletin of the Kalmyk University*, no. 1(41), pp. 117–123. Print. (In Russ.)
9. Dovletkireeva, L.M. 2021. "'Cosmo-psycho-logos' as a formula for decoding national mentality in fiction and folklore." *Advances in the Humanities*, no. 1, pp. 230–234. Print. (In Russ.)
10. Zalalieva, M.Sh. 2002. "Әmirkhan Eniki (Toigy katlamnary)." *Kazan utlary*, no. 11, pp. 160–169. Print. (In Tatar)
11. Ibatullina, D.E. 1993. "Poetics of Amirkhan Eniki's prose". Dissertation Thesis. Kazan. Print. (In Russ.)
12. Motigullina, A.R. 2000. "Characters of heroes in the prose of A. Eniki." Dissertation Thesis. Kazan. Print. (In Russ.)
13. Karamova, A.Z. 2005. "Psychologism in the works of A. Eniki." Dissertation Thesis. Print. (In Russ.)
14. Amineva, V.R. 2017. *An unspoken will: stories, a novella.* Kazan: Tatar book publishing house. Print. (In Russ.)
15. Zagidullina, D.F. 2021. "The stream of consciousness of the beast" in the works of Ch. Aitmatov and A. Bayanov: dialogue with the ethnic artistic tradition." *Kazan Linguistic Journal*, vol. 1, no. 4, pp. 25–37. Print. (In Russ.)
16. Gachev, G. 1995. *National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos.* Moscow: Publishing group "Progress" — "Culture". Print. (In Russ.)

17. Bakhtin, M. 1979. “Author and hero in aesthetic activity.” In Bakhtin M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow. Print. (In Russ.)
18. Korman, B.O. 2006. “The integrity of a literary work and an experimental dictionary of literary terms.” In Korman B.O. *Selected works. Theory of literature*. Izhevsk: Institute of Computer Research, pp. 314–335. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Фахрутдинова Лилия Ильдаровна — преподаватель кафедры русского языка предбакалаврской подготовки, подготовительный факультет для иностранных учащихся, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Баумана, д. 20. eLibrary SPIN-код: 7687-8477. Scopus ID 57214839775. Web of Science ID HNR-9396-2023. ORCID: 0000-0002-3394-6674. E-mail: Liliyaphahrutdinova@yandex.ru

Bio note:

Liliya I. Fakhrutdinova is a teacher of the Russian Language Department of Pre-Baccalaureate Preparation, Preparatory Faculty for Foreign Students, Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation; is a researcher at the Laboratory of Comparative Tatar Studies at the Institute of Language, Literature and Art named after. G. Ibragimov, Tatarstan Academy of Sciences, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 7687-8477. Scopus ID 57214839775. Web of Science ID HNR-9396-2023. ORCID: 0000-0002-3394-6674. E-mail: Liliyaphahrutdinova@yandex.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-535-546

EDN: KYZCBD

Научная статья / Research article

**Сохранение национальной идентичности
подлинника при переводе
(на материале переводов татарской поэзии на русский язык)**

Э.Ф. Нагуманова^{ORCID}

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань, Российская Федерация

✉ ehlviran@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблемам перевода с национальных языков в современной России. Уровень перевода прежде всего зависит от степени понимания переводчиком культурных особенностей того народа, к которому принадлежит автор. Материалом исследования стали стихотворения татарских поэтов конца XX — начала XXI в. и их переводы на русский язык. Цель работы — определение способов адекватной передачи этнической идентичности татарских поэтов через разные пласты текста (лексику, синтаксис, ритмическую организацию и пр.). Описаны используемые переводчиками разные приемы конкретизации текстов оригинальных произведений в процессе межлитературного диалога. Подчеркивается, что трансформация «чужого» текста в «иной» в процессе перевода сопровождается усилением эмоционального фона стихотворений, что в целом связано с ориентацией на русскоязычного читателя, а также со стилистическими особенностями русского языка. Идентичность проявляется в первую очередь как столкновение двух систем поэтических текстов и обнаруживает себя в феноменах, отражающих контраст между ними: смысловой интерференции, возникающей в процессе рецепции оригинального произведения, непереводимости. Установлено, что в переводах поэтов-билингвов, в отличие от переводов русскоязычных авторов, идентичность не растворяется в содержании знаковой памяти, а обретает новую форму в знаках переводящего языка.

Ключевые слова: национальная идентичность, перевод, современная татарская поэзия, межлитературный диалог, русскоязычный поэт

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нагуманова Э.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Нагуманова Э.Ф.* Сохранение национальной идентичности подлинника при переводе (на материале переводов татарской поэзии на русский язык) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 535–546. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-535-546>

Preserving the National Identity of the Original Text in Translation (on the Material of Translations of Tatar Poetry into Russian)

Elvira F. Nagumanova^{ORCID}

Kazan Federal University, *Kazan, Russian Federation*

✉ ehlviran@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is explained by the growing interest in the problems of translation from national languages in modern Russia. The level of translation depends primarily on the translator's understanding of the cultural features of the nation the author belongs to. The research is based on Tatar poets' poems of the late 20th — early 21st century and their translations into Russian. The study is aimed at determining the means of adequate conveying of the Tatar poets' ethnic identity through different layers of the text (lexis, syntax, rhythmic organization, etc.). Different techniques of concretization of texts of original works in the process of inter-literary dialogue used by translators are described in the course of the conducted research. It is emphasized that the transformation of “alien” text into “foreign” in the process of translation is accompanied by an increase in the emotional background of the poems, which is generally related to the focus on the Russian-speaking reader, as well as with the stylistic peculiarities of the Russian language. First, identity is revealed, as a clash between two systems of poetic texts and in phenomena reflecting the contrast between them: semantic interference arising during perception of the original work, untranslatability. It is stated that in translations of bilingual poets, unlike translations of Russian-speaking authors, identity is not lost in the sign of memory, but acquires a new form in the signs of translating language.

Key words: national identity, translation, modern Tatar poetry, inter-literary dialogue, Russian-speaking poet

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Nagumanova, E.F. 2024. “Preserving the National Identity of the Original Text in Translation (on the Material of Translations of Tatar Poetry into Russian).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 535–546. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-535-546>

Введение

В современном переводоведении вопросам перевода с национальных языков уделяется значительное внимание. Интерес исследователей, в частности, вызывает изучение роли языка-посредника в художественном переводе [1], особенностей передачи в переводных произведениях национального своеобразия оригинала [2].

Переводчик должен учитывать при работе с художественными произведениями особенности двух культур (культуры оригинала и культуры, на язык

которой осуществляется перевод). Различие культур всегда создает определенные трудности для переводчика, поэтому при переводе следует стремиться к постижению и передаче национальной идентичности оригинала. Также необходимо обращать внимание на различия в устройстве мышления носителей культур. Так, Е. Зейферт отмечает: «Языковая картина мира — часть этнической картины мира, закрепление в языке национального образа жизни. Понимание языковой идентичности оригинала крайне важно для переводчика. Работая с подстрочником и не зная тонкостей языка оригинала, не всегда можно справиться с поставленной задачей» [3. С. 216].

В статье «Поэзия Г. Тукая: аспекты национальной идентичности» исследователи приходят к выводу, что «идентичность в литературном произведении — это манифестируемое и переживаемое автором отношение к другому, проявляющееся как тождество/различие с ним. Это отношение специфично для литературных форм (нетождественность автора герою в эпике и нераздельность/неслиянность в лирике) и устанавливается в результате анализа субъектной организации произведения» [4. С. 85].

По мнению современных исследователей, «культурный трансфер между родными языками переводчика-билингва будет проходить с наименьшими потерями, причем естественный билингвизм кажется более предпочтительным в этом, особенно если мы говорим о концептах культуры» [5. С. 408]. В то же время они подчеркивают, что «естественный билингвизм не всегда позволяет его носителям в полной мере репрезентировать ценности одной культуры языковыми средствами другой» [Там же. С. 416], и считают необходимым и профессиональное образование.

Цель исследования — выявление способов передачи национальной идентичности в переводах современной татарской поэзии на русский язык.

Материалом исследования стали стихотворения Ради́фа Гата́ша (Гатаулина Ради́фа Кашфулло́вича), Лена́ра Ша́еха (Шаехова Лена́ра Миннемо́хича), Сулеймана (Сулейманова Джавдета Шевкетовича) в переводах Розы Кожевниковой, Алены Каримовой, Сулеймана (в данном случае речь пойдет об автопереводе)).

Обсуждение

Среди многочисленных современных переводчиков с национальных языков РФ можно найти как русскоязычных поэтов, владеющих родным языком, но в собственном творчестве прибегающих к русскому языку, так и представителей русского национального сознания, участвующих в репрезентации национальной поэзии. Особое явление в переводческой практике — это автоперевод. Так, Сулейман в сборнике «Знаки времен» (2014)¹ представил переводы 25 своих стихотворений.

¹ Сулейман. Знаки времен: Поэма и стихи. Казань: Магариф-Вақыт, 2014. 127 с.

Билингвальная личность стремится донести по русскоязычного читателя не только содержание переводимого произведения, но и ту культурную информацию, которая заложена в оригинале. Он способен увидеть то, что может ускользнуть от переводчика, работающего с подстрочником. По словам У.М. Бахтикиреевой, «писатели-билингвы в отличие от монолингвов создают художественный обзор — „не копирование“ внешней культуры по отношению к русской с утерей необходимых качеств, а тот, в котором заложены качества, „ценные“ для восприятия русского читателя „как стимуляторы“» [6. С. 45–46].

В то же время следует понимать, что переводчик, создавая текст на русском языке, должен учитывать вкусы будущего читателя. Как правило, в этом случае именно язык перевода будет доминирующим. Смыслы, заключенные в произведениях на родном для переводчика языке, будут восприниматься через призму языка перевода.

Один из путей определения идентичности в художественном тексте — исследование субъектной организации произведения.

Рассмотрим этот аспект на примере переводов русскоязычной поэтессы Р.Х. Кожевниковой и поэта Сулеймана. В.Р. Аминев в статье «Перевод как форма репрезентации культурного пограничья» отмечает: «Переводческую стратегию Р. Кожевниковой, так же как и ее творческую практику, определяет синтезирующая тенденция, установка на преодоление границ между восходящими к разным источникам историко-культурными смыслами, „своим“ и „чужим“ словом» [7. С. 87]. В то же время исследователь подчеркивает, что «вступая в сотворчество с автором оригинального произведения, переводчица нередко идет по пути усиления эмоционально-суггестивной составляющей текста» [Там же. С. 88]. Это неотъемлемое свойство переводов с татарского языка на русский в целом связано с характерными особенностями русского языка, для которого, как известно, характерна особая эмоциональность.

Рассмотрим перевод Розы Кожевниковой стихотворения Радифа Гаташа «Тукай урамында» («На улице Тукая»).

Это одно из ярких стихотворений поэта, в котором четко проявляется национальная установка самого автора.

*Булдым илнең күп урыннарында,
Кавказ, Себерләрдә, Уралымда.
Күп илләрдә булдым — уйларымда.
Булдым мин Бөекләр урамында...
Ләкин һаман кире кайттым монда,
Кайттым һаман Тукай урамына².*

² Гаташ Р. Сайланма әсәрләр: 3 томда. Т. 2: Шигырьләр, поэмалар / кереш сүз авт. Р. Зәйдулла. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. С. 24.

*Бывал я в разных уголках страны,
В Сибири, на Кавказе, на Урале...
И в разных странах в мыслях побывал я.
На улицах великих был иных...
Но возвращался все же вновь сюда я,
На улицу Тукая³.*

(Перевод Р. Кожевниковой)

В переводе Кожевниковой выражено особое трепетное отношение всех татар к имени Габдуллы Тукая (если даже именем поэта названа улица). В оригинале повторы слов и словоформ передают неторопливое течение мысли лирического героя, создают ту напевность, которая свойственна поэзии татарского классика. Конечно, перевод не отражает ту мелодичность, которая является особенностью татарского стиха. Однако можно искусно имитировать мелодику оригинала, его оригинальную ритмику, что и делает переводчик. Ямбическая строка с пиррихиями передает неторопливую мелодику татарского стиха, также переводчик прибегает к повторам слов (бывал — побывал — был).

Приведем последнюю строфу, в которой особенно подчеркнута любовь к родному месту.

*Юлларымда
Яңгыр була, жәңил, бураннар була,
Һаман киләм, йөрүм һаман монда;
Жырлар да күп монда, бакый моң да...
Шул урамнан күрим сине, дөнья!
Булыйм мәңге Тукай урамында —
Халык урамында!⁴
Пусть на пути моем огни и воды,
Я прихожу, я возвращаюсь всё же
Сюда, где столько солнца, песен, грез...
Смотреть, мир, на тебя, не уставая,
Отсюда вечно, с улицы Тукая —
С улицы народа⁵.*

(Перевод Р. Кожевниковой)

В татарском стихотворении повторы слов, звуков рождают стихию полета, связанную с лирикой Тукая, с его неповторимой поэтической интонацией. Конечно, на русском языке все эти особенности передать невозможно, есть только возможность приблизиться к стихии Гаташа. Но, с нашей точки зрения,

³ Гаташ Р. На вечном пути: лирика разных лет. Казань: ИП Курбанов Р. Х., 2011. С. 39.

⁴ Гаташ Р. Сайланма әсәрләр... С. 24.

⁵ Гаташ Р. На вечном пути... С. 40.

переводчик средствами русского языка смог передать глубину мысли татарского поэта, «татарскость» стиха воссоздана в переводе.

Кожевникова всегда очень трепетно относится к переводимому материалу, поэтому точно передает ощущение света, солнечного сияния, связанного с именем поэта (*Мәңге кояш — Тукай урамында / Шагыйрь урамында — «Здесь вечно солнце, здесь обилье света — / На улице поэта*). Русскоязычная поэтесса в отдельных строках прибегает к словесно-образной и ритмико-интонационной конкретизации стихотворения Гаташа, способствующей сближению переводного произведения с традициями русской лирики, но при этом не происходит отход от этнической составляющей произведения. Национальная идентичность татарского поэта воспроизведена в переводе.

Рассмотрим стихотворения татарского поэта Сулеймана. Его оригинальное творчество прочитывается современными исследователями в контексте постмодернистской поэтики. По словам татарского литературоведа Д.Ф. Загидуллиной, «Сулейман в 1990-е гг. продемонстрировал возможности постмодернистской эстетики европейского типа, которой присущи полифония смыслов, ризоматический принцип построения текста, при котором несколько смысловых стратегий без структурообразующего стержня позволяют каждому читателю искать все новые смыслы текста или тексты в тексте, а также наблюдается игровое соединение различных кодов, происходящее при помощи сложного образа, символа, члена речи» [8. С. 175].

Переводчики, сталкиваясь с его оригинальной поэтикой, практически всегда упрощают ее, подстраивают под свои творческие установки. Поэтому судить о его поэзии русскоязычный читатель может в первую очередь по переводам автора, в которых идентичность обретает новую форму в знаках переводящего языка. Уместно будет вспомнить слова У.М. Бахтикиреевой: «Художественный текст писателя, обусловленный творческим билингвальным сознанием, отражающий свой национальный образ на языке „вторичной“ (и / или приобретенной) языковой культуры, имеет свойства адекватной его передачи в отличие от монолингва, который „копирует“ „чужой“ национальный образ с точки зрения своей языковой картины мира» [6. С. 48].

Приведем отрывок из поэмы Сулеймана «Әтиемә жиде рәкәгать» («Семь поклонов отцу»):

*Гармун теле —
күнел төпләреннән
Тарта хиснең
көмеш чыңдысын,
Гармун теле
бәйли хисне хискә...
Бәгыремә тегә... соңгысын⁶.*

⁶ Сөләйман. Вакыт касәсе: Поэма һәм шигырьләр. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2014. С. 82.

*Тальянки клавиши живые,
до глубины души задев,
словно нотками, навывлет,
задевают каждый нерв.
язычок гармошки будто,
чувство к чувству прививает,
к сердцу шьет такое чувство —
что наждачной
не бывает...⁷*

Как видим, перед нами не дословный перевод. Некоторые исследователи могут сказать, что поэт создает оригинальное стихотворение, посвященное отцу, на русском языке. Нам важнее показать, как поэт-переводчик передает на русском языке то неуловимое чувство, которое возникает в душе каждого представителя татарской нации, когда он слышит звуки тальянки.

У тальянки (татарской гармонии) звучание мягкое, мелодичное, очень точно передающее орнаментальность, в ней живет *моң* (то, что связано с особенностями менталитета и этнической идентичности татарского народа). Сулейман, вспоминая звучание тальянки, пишет «*моңланды гармун*». В душе каждого представителя татарской нации живут эти мелодии (в том числе песня «Күбэләк» («Бабочка»), которую наигрывает гармонист).

Поэту важно передать глубоко национальное чувство через знаки переводящего языка, поэтому есть и замены (вместо «бәгыр» ('печень') (согласно восточным представлениям именно в ней живет душа) появляется сердце), повторы слов (задев, задевают), а также вводится метафора инструментального плана. В русской версии поэмы Сулейман передает трепетное отношение к тому, что формирует подлинную сущность татарского характера, и на протяжении всей поэмы воссоздает средствами русского языка всю глубину собственных переживаний после потери отца.

Инаковость культуры в некоторых случаях порождает ее непереводаемость на язык другой культуры. Современные ученые пишут о том, что непереводаемость обнаруживает себя в «точках несоприкосновения» языков, «моментах контраста», в которых «языки ведут себя принципиально различным образом, так, что между ними нельзя найти контакт» [9. С. 39]. Мы можем сказать, что именно в непереводаемости заложена идентичность.

Непереводаемость возникает там, где переводчик в силу причастности к иной культуре, в которой действуют иные логико-смысловые отношения, не транслирует имеющиеся в оригинале смыслы. Можно перевести значение слова или предложения, но не их смысл. Поэтому текст, существующий в рамках иной (с точки зрения смыслопорождающих процедур) культуры, непере-

⁷ Сулейман. Знаки времен... С. 92.

водим в принципе. Однако это не означает, что нужно исключить любой перевод. Современные переводчики прибегают к разным средствам, с помощью которых стараются компенсировать потери: это описательный перевод, лексические замены, прием конкретизации/генерализации смыслов.

В качестве примера можно привести переводы Алены Каримовой. Ее мы, так же как и Сулеймана, относим к билингам, хотя собственное ее творчество развивается на русском языке (поэтесса сама неоднократно подчеркивала, что она — билингв, знает татарский язык). В настоящее время существует множество переводов Каримовой как стихотворений классиков татарской литературы, так и молодых поэтов. Она расширяет возможности диалогической природы художественного текста, ее переводы «иллюстрируют разные варианты синтеза „своего“ и „чужого“ в процессе вхождения татарской лирики в российский литературный контекст» [10. С. 166].

Покажем это на примере перевода стихотворения Ленера Шаеха «Казан — Мәскәү» («Казань — Москва»). Приведем фрагмент стихотворения:

*Мәскәү, Мәскәү! Якын да син,
Шул ул вакытта чит тә...
Икебез ике чиктә шул,
Икебез ике чиктә!..⁸
Ах, Москва! Своя и чужая,
Я дивлюсь твоим чудесам ...
Но с тобой — на разных — я знаю,
Мы на разных двух полюсах⁹.*

(Перевод А. Каримовой)

Стихотворение построено на контрасте, который автор прежде всего связывает с историческим прошлым двух народов (*Как Казань она не терпела / И не шла под чужую власть*¹⁰). Переводчик точно передает глубину переживаний поэта по поводу прошлого и настоящего своей нации, перевод Каримовой является адекватной формой воспроизведения интенции автора оригинала. Но национальная идентичность татарского поэта здесь передана именно через лексику, а не интонацию и мелодику.

В ином ключе работают современные поэты России, которые принимают участие в разных переводческих проектах: Герман Власов, Владимир Гандельсман, Виктор Куллэ, Владимир Салимон и др. В их переводах совершенно

⁸ *Шаех Л.М.* Казан — Мәскәү: сайланмалар: шигырьләр, поэмалар, балладалар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2021. С. 398.

⁹ Птица сердца: татарская поэзия в переводах Алены Каримовой / пер. с татар. А. Каримовой. Казань: Яз, 2022. С. 143.

¹⁰ Там же. С. 142.

теряется идентичность переводимого автора, потому что четко прослеживается доминирование своей культуры, своего поэтического «Я».

Приведем полностью небольшое стихотворение Ленара Шаеха «Көзләр...» («Осени...») и два перевода:

*Көзләр...
Яфрак коела
сары нур яктысында,
ә жәйләр акты шунда...
Көзләр.*

*Жәйләр
очып киттеләр
кыр казы канатында,
тын күкнең ак атында.
Жәйләр...*

*Ялгыз
яфрак атына
ак каенның очында.
Сары гөл бар учымда.
Көзләр...¹¹*

*Осень.
Желтая кружится
над землей листва.
Ни жива и ни мертва.
Осень. Лето миновало.*

*Улетело
на крылах
диких уток и гусей
в даль туманную полей.
Осени пора настала.*

*Бьется
на ветру листок.
На березовую ветку
напоровшись, набок кепку
сбил, но мне и горя мало¹².*

(Перевод В. Салимона)

¹¹ Антология новой татарской поэзии = Яңа татар поэзиясе антологиясе. М.: Журнал «Октябрь», 2015. С. 180.

¹² Там же. С. 181.

Осень...

День русоволосый

*в поисках лета, растерян, прозрачен и тих,
листья ссыпает в сияньи лучей золотых...*

Осень.

Лето

растаяло где-то:

*дикие гуси его унесли на крылах,
белые ветры умчали его на конях...*

Лето...

Просит

листочек берёзы

ветку родную его удержат на ветру.

*Жёлтый цветок осторожно в ладони беру —
осень...¹³*

(Перевод Г. Булатовой)

Два перевода совершенно разные по своей внутренней наполненности. Мы специально не станем проводить сравнительный анализ переводов, потому что они несут в себе разные творческие установки. Нам важнее сказать, что русский поэт (не будем сейчас говорить о его собственной поэтической манере) создает произведение по мотивам, в котором нет той мысли, той внутренней гармонии, которая звучит в совершенно простых, на первый взгляд, строках татарского поэта. Что ни строфа — подмена поэтической мысли, нарушение ритмической организации стиха. В этом отношении перевод Г. Булатовой можно назвать зеркальным (термин Е.И. Зейферт), так как он выполнен с учетом национальной идентичности оригинала.

Заключение

В переводах возможно сохранение национальной идентичности оригинала как на уровне содержания, так и формы стиха. Как показывает анализ, в тех случаях, когда русскоязычные переводчики подчиняют идентичность переводимого автора собственным установкам, идет полное нивелирование национального. В переводах билингвов идентичность не растворяется в содержании знаковой памяти, а обретает новую форму в знаках переводящего языка. Как правило, и в этом случае чаще всего мы видим воспроизведение этнической составляющей на смысловом уровне, а не на формальном.

¹³ Булатова Г.И. Сильнее меня: стихотворения, поэтические переводы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. С. 270.

Список литературы

1. Аккалиева А.Ф., Амалбекова М.Б. Роль языка-посредника в художественном переводе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 533–539. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-533-539>
2. Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А. Марийский национальный текст в русских переводах: на материале стихотворений Геннадия Ояра // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 283–297. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-283-297>
3. Зейферт Е.И. Национальная идентичность в художественном переводе: диалектика «своего» и «чужого» // Другой в литературе и культуре: сб. науч. тр.: в 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2019. Т. 1. С. 214–229.
4. Amineva V.R., Ibragimov M.I., Nagumanova E.F., Khabibullina A.Z. G. Tukay's poetry: the Aspects of National Identity [Поэзия Г. Тукая: аспекты национальной идентичности] // XLIinguae European Scientific Language Journal. Vol. 8. Iss. 1, January 2015. P. 79–87. <https://doi.org/10.18355/XL.2015.08.01.79-87>
5. Кужугет Ш.Ю., Сувандии Н.Д., Ламажаа Ч.К. Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 405–420. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
6. Бахтикиреева У.М. Особенности русского художественного текста писателя-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2004. № 1. С. 43–49.
7. Аминева В.Р. Перевод как форма репрезентации культурного пограничья // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 6. С. 84–92.
8. Загидуллина Д.Ф. Татарская литература XX — нач. XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань: ИЯЛИ, 2020. 256 с.
9. Смирнов А.В. Можно ли строго говорить о непереводаемости? // Гуманитарные чтения РГГУ-2009: теория и методология гуманитарного знания. Гуманитарное знание и образование: сборник материалов. М.: РГГУ, 2010. С. 37–54.
10. Нагуманова Э.Ф. Творчество Алены Каримовой в контексте русскоязычной поэзии Татарстана // Филология и культура. 2023. № 2. С. 161–166. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-161-166>

References

1. Akkaliaeva, A.F., and M.B. Amalbekova. 2022. "The Role of the Intermediary Language in Artistic Translation." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 3, pp. 533–539. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-533-539>
2. Starygina, N.V., and R.A. Kudryavtseva. 2023. "Mari National Text in Russian Translations: Based on the Poems of Gennady Oyar." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 283–297. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-283-297>
3. Seifert, E.I. 2019. "National identity in literary translation: the dialectic of 'one's own' and 'someone else's'." *Other in Literature and Culture: Collection of Scientific Papers: in 2 vols.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ, vol. 1. pp. 214–229. Print. (In Russ.)
4. Amineva, V.R., Ibragimov, M.I., Nagumanova, E.F., and A.Z. Khabibullina. 2015. "G. Tukay's poetry: The Aspects of National Identity." In *XLIinguae European Scientific Language Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 79–87. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2015.08.01.79-87> Print. (In Russ.)
5. Kuzhuget, Sh.Yu., Suvandii, N.D., and Ch.K. Lamazhaa. 2021. "The Problems of Translating Cultural Concepts into Another Language: On the Example of Tuvan Cultural Concepts." In *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18., no. 4., pp. 405–420. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

6. Bakhtikireeva, U.M. 2004. “Features of the Russian literary text of a bilingual writer.” In *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Methods of Teaching Them*, no. 1, pp. 43–49. Print. (In Russ.)
7. Amineva, V.R. 2022. “Translation as a Representation Form of the Cultural Frontier.” In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, pp. 84–92. Print. (In Russ.)
8. Zagidullina, D.F. 2020. *Tatar literature XX — beginning XXI century: the “softness” of modernism-avant-garde-postmodernism (to pose the problem)*. Kazan: IYALI publ. Print. (In Russ.)
9. Smirnov, A.V. 2010. “Is it Possible to Speak Strictly about Untranslatability?” In *Humanitarian Readings of RSUH-2009: Theory and Methodology of Humanitarian Knowledge. Humanitarian Knowledge and Education: Collection of materials*. Moscow: RSUH publ., pp. 37–54. Print. (In Russ.)
10. Nagumanova, E.F. 2023. “The Work of Alena Karimova in the Context of Russian-language Poetry of Tatarstan.” *Philology and culture*, no. 2, pp. 161–166. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-161-166> Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. eLibrary SPIN-код: 8305-9540. ORCID: 0000-0003-3103-103X. E-mail: ehlviran@yandex.ru

Bio note:

Elvira F. Nagumanova is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature and Methods of its Teaching, Kazan Federal University; 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 8305-9540. ORCID: 0000-0003-3103-103X. E-mail: ehlviran@yandex.ru

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

CULTURE AND ART

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-547-557

EDN: PDHVSL

Научная статья / Research article

Зарубежная классика на татарской сцене

Е.Н. Шевченко

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ elenachev@inbox.ru

Аннотация. Процесс становления татарского театра был связан как с формированием национальной драматургии, так и с освоением русской и зарубежной классики. Татарский театр обращался к мировой драматургии с первых лет своего существования. Она являлась важной школой режиссерского и актерского мастерства, способствовала формированию профессиональных навыков и художественного вкуса деятелей молодого татарского театра. В зависимости от характера эпохи, режиссёрских предпочтений и особенностей труппы в пьесах зарубежных драматургов подчёркивалось социальное звучание, героическое или романтическое начало, психологизм или универсальный характер человеческих отношений. И хотя основной упор в татарском театре всегда делался на национальную драматургию, пьесы зарубежных классиков неизменно входили в его репертуар. В исследовании рассматриваются особенности рецепции татарским театром наследия Шекспира, Мольера и Шиллера.

Ключевые слова: татарский театр, зарубежная классика, мировая драматургия, сценическая интерпретация, Шекспир, Мольер, Шиллер

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Шевченко Е.Н. Зарубежная классика на татарской сцене // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 547–557. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-547-557>

© Шевченко Е.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Foreign Classics on the Tatar Stage

Elena N. Shevchenko

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russian Federation
✉ elenachev@inbox.ru

Abstract. The process of formation of the Tatar theater was associated with both the formation of national drama and the development of Russian and foreign classics. The Tatar Theater turned to world drama from the first years of its existence. It was an important school of directing and acting, contributed to the expansion of cultural horizons, the formation of professional skills and artistic taste of the young Tatar theater figures. Depending on the nature of the era, the director's preferences and the characteristics of the troupe, the plays of foreign playwrights emphasized social sound, heroic or romantic beginnings, psychologism or the universal nature of human relations. And although the main emphasis in the Tatar theater has always been on national drama, plays by foreign classics have always been included in its repertoire. The article examines the peculiarities of the Tatar theater's reception of the legacy of Shakespeare Moliere and Schiller at different stages of its development.

Key words: Tatar theatre, foreign classics, World drama, stage interpretation, Shakespeare, Moliere, Schiller

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Shevchenko, E.N. 2024. “Foreign Classics on the Tatar Stage.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 547–557. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-547-557>

Введение

Зарубежная драматургия на протяжении всей истории татарского театра являлась важной составляющей его репертуара. Уже в трёх дореволюционных труппах «Сайяр», «Нур» и «Ширкат» ставились пьесы Мольера, Шиллера, Гейне, Бриё. Три корифея мирового театра — Шекспир, Мольер и Шиллер — стали абсолютными лидерами как по числу постановок, так и по их значимости для татарской театральной культуры. К их наследию татарские театры Казани и других городов Татарстана многократно обращались на протяжении XX и первых десятилетий XXI в., демонстрируя различные подходы и интерпретации. В афишу татарских театров входили также пьесы Бомарше, Гольдони, Гоцци, Лопе де Веги, Кальдерона, Ибсена, Лорки, Вольфа, Брехта, Пристли, Мюллера, Мрожека, Фоссе и др.

Исследователи единодушно отмечают значение этого факта для художественной эволюции татарского театра. Так, театровед А. Салихова пишет: «В разные исторические эпохи зарубежная драматургия выполняла разные

задачи. До революции у неё была не только развлекательная, но и просветительская функция, она способствовала воспитанию эстетического вкуса, расширению культурного кругозора. В советское время она несла революционные лозунги, идеи свободы, равенства и братства, обличала господствующие классы. В новых условиях мировая классика на татарской сцене заиграла новыми красками» [1. С. 273].

Это мнение разделяет известный театровед И. Илялова: «Мировая драматургия всегда значилась в репертуаре татарских театров. В ней режиссёры, актёры находили ответы на жгучие вопросы современности, касающиеся отдельного человека, его природы и общества в целом. Мировая классика была и прекрасной школой режиссёрского и актёрского мастерства» [2. С. 149].

Целью настоящей работы является исследование характера взаимодействия татарской и западной сценической традиции на примере спектаклей театров Татарстана.

Материалы и методы

Методология исследования включает в себя литературоведческие и театроведческие методы и подходы: историко-культурный, биографический, сравнительно-сопоставительный, семиотический.

При работе над данной темой автор опирался на архивные материалы, монографические труды по истории театра, статьи и рецензии в коллективных научных сборниках, научных и специализированных театральных журналах.

Результаты и обсуждение

Самым востребованным представителем мировой драматургии на татарской сцене, начиная с 1920-х гг. и до наших дней является Уильям Шекспир. Хотя татарский театр обратился к его пьесам позже, чем к трагедиям Шиллера и комедиям Мольера, английский драматург стал его абсолютным «фаворитом».

Образованный в 1921 г. Татарский государственный театр (с 1939 г. Татарский государственный академический театр им. Г. Камала) неоднократно включал в свою афишу трагедии Шекспира: «Отелло» (1921, 1922, 1933, 1953), «Гамлет» (1922, 1926), «Ромео и Джульетта» (1940, 1991), «Король Лир» (1941, 1956), «Антоний и Клеопатра» (1989), «Ричард III» (2014). Не остались без внимания и комедии драматурга: «Мера за меру» (1967) и «Укрощение строптивой» (1986). Дважды обращался к наследию Шекспира Татарский театр драмы и комедии им. К. Тинчурина, поставив комедию «Много шума из ничего» (1984) и трагедию «Гамлет» (2013). В репертуаре Казанского татарского театра юного зрителя им. Г. Кариева Шекспир был представлен тремя пьесами: «Король Лир» (2006), «Укрощение строптивой» (2011) и «Ромео и Джульетта»

(2022). Альметьевский татарский драматический театр в 2013 г. поставил спектакль «Ромео и Джульетта», а в 2020-м — «Укрощение строптивой». В 2021 г. на сцене Мензелинского татарского драматического театра им. С. Амутбаева дебютировал «Макбет». Как видим, список весьма внушителен.

Открытие Шекспира татарским театром связано, прежде всего, с именем Мухтара Мутина. Яркий режиссёр, виднейший деятель дореволюционного национального искусства, выдающийся актёр, он стал одной из самых значительных фигур послереволюционного татарского театра. Мутин считал, что национальный театр поначалу должен расти на произведениях русской и мировой классики, а национальная драматургия — стремиться достичь планки классических произведений, чтобы в будущем занять равное место в репертуаре театра [3. С. 162]. Будучи представителем романтической школы, он тяготел к созданию крупных, сильных характеров, героических образов, что было созвучно духу революционной эпохи и соответствовало его творческой индивидуальности. Классика предоставляла для этого богатые возможности. Исключительно ярко его талант проявился в шекспировской репертуаре — в трагедиях «Отелло» (1921, 1922) и «Гамлет» (1922), где он играл заглавные роли. И. Илялова отмечает, что в его исполнении это были «активные, целеустремлённые пламенные герои, хотя именно эта активность делала шекспировские образы несколько прямолинейными, лишая их сложности и многогранности» [4. С. 45]. Но как раз такие герои отражали бурный характер эпохи, а идеи справедливости и борьбы с тиранией находили живой отклик у тогдашнего зрителя. Образ страстного, волевого Гамлета воспринимался в 1920-е гг. как начало новой исполнительской традиции, отвечающей принципам соцреализма [5. С. 41–42].

Среди последующих постановок Шекспира на сцене театра Камала особое место занимает «Король Лир» 1944 г. (реж. В. Бебутов, худ. П. Сперанский). В этом выдающемся спектакле заглавную роль исполнял замечательный актёр Х. Абжалилов, создавший образ «добротного Лира». Сделав Лира прежде всего любящим отцом, «создатели спектакля, не погрешив против оригинала, приблизили его к национальной традиции с её приоритетом семейных ценностей, сделав трагедию глубоко эмоционально понятной национальной аудитории» [5. С. 44]. Забегая вперёд, отметим, что тема семьи станет главной и в талантливой работе режиссёра Рашида Загидуллина, поставившего на сцене театра Тинчурина свою авторскую версию «Гамлета» (2013).

Вошёл в историю и легендарный спектакль «Ромео и Джульетта» Фарида Бикчантаева. Созданный в 1991 г., на сломе времён, он как нельзя более точно отражает дух эпохи. Представленный на сцене мир сер, жесток и не располагает к любви. Ключевой метафорой является каменная стена, которую не в силах преодолеть герои. В сознании зрителя всплывают ассоциации с Берлинской стеной, со «Стеной» Pink Floyd и другие образы. В этом мире любящие дети обречены. Вот почему Ромео (И. Габдрахманов) и Джульетта (Л. Хами-

това) сосредоточенно серьёзны и скупы на ласки даже в минуты, казалось бы, самой счастливой близости.

Тридцать лет спустя юные герои Шекспира вернутся в татарский театр, теперь уже на сцену ТЮЗа им. Г. Кариева (реж. И. Казакбаев). Но это будет уже совсем иное прочтение. Казакбаев создаст пусть спорный, но живой, яркий и динамичный молодежный спектакль, в котором заключено стремление, открывая своего Шекспира сегодня, говорить с юным зрителем на языке, ему понятном и интересном.

Уникальным опытом стала совместная постановка театра Камала и русского драматического театра Качалова «Шейлок» по пьесе «Венецианский купец» (1993/94, реж. М. Али-Хусейн).

Значительным событием явился спектакль «Ричард III» в постановке режиссёра Ильгиза Зайниева (2014). На сцене искусно создана мрачная атмосфера крушения основ и морального разложения. Но самой большой удачей спектакля стал образ Ричарда в исполнении Искандера Хайруллина. Его Ричард — испорченный ребёнок, маленький садист, который не научился отличать хорошее от плохого и для которого на первом месте стоят его желания [5. С. 55].

Нельзя не упомянуть и современный, неординарный спектакль «Макбет» Мензелинского татарского драматического театра им. С. Амутбаева в постановке С. Потапова, ставший заметным явлением татарстанской шекспириады.

Шекспировские постановки последних лет в татарских театрах подтверждают правоту казанских исследователей, характеризующих ситуацию рубежа XX–XXI вв. следующим образом: «Оказалось, что даже достаточно традиционные татарские театры не только не остались в стороне, но в чём-то даже опередили русские театры в смелости и яркости трактовок классических пьес» [5. С. 5].

Самые первые обращения татарского театра к западноевропейской драме связаны с именем великого французского комедиографа Мольера. Ещё в дореволюционный период в репертуар труппы «Сайяр» входили две его комедии — «Скупой» (1914) и «Лекарь поневоле» (1916). Они вернутся на татарскую сцену лишь много лет спустя — в 2017 г. «Лекарь поневоле» будет поставлен в Альметьевском татарском драматическом театре, а в 2022-м — оригинальная версия «Скупого» появится в Набережночелнинском театре кукол.

Интересен сам путь пьес Мольера на татарскую сцену. В становлении татарского сценического искусства большую роль сыграл турецкий театр. А тот, как отмечает А. Салихова, в свою очередь, «формировался под сильнейшим влиянием французского, и основу его репертуара поначалу составляли переработки произведений зарубежных авторов (особенно Мольера). Таким образом, — делает вывод автор, — татарский театр, хоть и опосредованно, но имеет в своей родословной французские корни» [1. С. 288]. В этой связи показателен следующий факт: Г. Камал впервые познакомился с творчеством Мольера

в Турции, посмотрев переделку его комедии «Скупой». Он перевёл её на татарский язык, будучи уверен, что речь идёт о турецкой пьесе. Соответственно на татарской сцене её поначалу ставили в турецком антураже.

Фарсы и «высокие» комедии Мольера с их мастерски закрученной интригой, яркими характерами, буффонадой и сочным языком оказались родственны татарскому театру, которому была близка стихия комического. В результате французская классическая комедия, достигшая в творчестве Мольера своей вершины, повлияла на формирование жанра комедии в национальной драматургии и театре.

Самой популярной пьесой драматурга на татарской сцене являлся «Тартюф». К ней театр Камала обращался трижды — в 1936, 1978 и 2010 гг. Она входила и в репертуар Казанского татарского ТЮЗа им. Г. Кариева (2001). Трижды татарские театры включали в свою афишу комедию «Жорж Данден»: 1951 — театр Камала, 1958 — театр Тинчурина, 2001 — Альметьевский татарский драматический театр. Дважды сцену увидела комедия «Плутни Скапена»: 1924 — театр Камала, 1936 — театр Тинчурина, и по одному разу — «Господин де Пурсоньяк» (1999) в театре Тинчурина, «Дон Жуан» (2016) в театре Камала и «Мещанин во дворянстве» (2019) в Атинском татарском драматическом театре им. Г. Тукая.

Однако, какой бы благополучной с первого взгляда ни казалась картина взаимодействия татарского театра с творчеством Мольера и других классиков западноевропейской драматургии, обращение к зарубежному материалу для него всегда сопряжено с риском и является определённым вызовом. Так, несмотря на безупречно выдержанный жанр, динамику, лёгкость и удачные актёрские работы, очень быстро сошёл с афиши осовремененный «Тартюф» 2010 г., поставленный французским режиссёром Николя Струве. Причинами подобных неудач могут быть как эстетические различия, чужеродность сценического материала, так и консервативная порой реакция публики национального театра.

Остановимся на двух последних спектаклях по Мольеру, удачных с точки зрения рецепции зарубежной драматургии.

Ярким новаторским явлением в истории татарского театра стал «Господин де Пурсоньяк» (1999/2000) театра Тинчурина в постановке Рашида Загидуллина. Следует отметить, что до Загидуллина этот театр к зарубежной драматургии практически не обращался. Талантливый режиссёр со смелым, современным мышлением обогатил его репертуар пьесами Шекспира, Мольера, Беранже, Брехта, Лорки, Мрожека и др. «Господин де Пурсоньяк», поставленный им в жанре буффонадной комедии, представлял собой, по свидетельству И. Иляловой, «совершенно небывалое доселе шутовское, карнавальное, ярко зрелищное представление» [6. С. 158]. Автор отмечает фантазийные костюмы и декорации, бешеный темп действия, смелую актёрскую импровизацию и общее впечатление стремительно крутящейся карусели [6. С. 158].

Для труппы это был бесценный опыт приобщения к мировому театру и освоения новых форм актёрского существования.

Выдающимся событием стал «Дон Жуан» (2015/2016), поставленный в театре Камала главным режиссёром Фаридом Бикчантаевым. Ф. Бикчантаев, стремясь освободить Дон Жуана от сценических штампов, создал сложный, многослойный интеллектуальный спектакль с использованием брехтовского «эффекта очуждения» и других приёмов передовой режиссуры XX–XXI вв. Радик Бариев, исполнитель заглавной роли, трактует образ своего героя с позиций нашего современника, знакомого с трагическим опытом человечества предыдущих эпох, пережившего кризис гуманистических ценностей. Неординарность режиссёрского решения, условная сценография, подчеркнутая театральность, мощный актёрский ансамбль делают этот спектакль одновременно глубоким и зрелищным. В нём режиссёру удалось выработать универсальный театральный язык, понятный всякому думающему зрителю, независимо от его национальной принадлежности.

Хочется надеяться, что татарский театр продолжит освоение континента под названием «Мольер», по образному выражению казанского искусствоведа Ю. Благова.

Немецкая классическая драматургия была представлена в татарском театре почти исключительно пьесами Фридриха Шиллера. Лишь дважды на татарской сцене шла трагедия Г. Гейне «Альманзор»: в 1917 г. («Сайяр») и 1919 г. («Нур»). Зато пьесы Шиллера прочно вошли в репертуар татарского театра. По популярности и частоте обращения Шиллер уступил только Шекспиру, обойдя Мольера и других выдающихся западных драматургов. При этом татарский театр проявлял интерес лишь к двум драмам Шиллера — «Разбойники» и «Коварство и любовь». Состоявшийся 29 марта 1913 г. спектакль театральной труппы «Сайяр» «Коварство и любовь» в постановке русского актёра и режиссёра А. Загорского принято считать самым первым обращением татарского театра к западноевропейской классике. Как отмечает историк театра М. Арсланов, знаменитое произведение Шиллера тогда ещё не полностью соответствовало возможностям труппы [7. С. 56]. Трудности при постановке пьесы были как материального, так и творческого характера. «Сайяр» впервые взялся за такой сложный и непривычный драматургический материал, в актёрском коллективе отсутствовали исполнители на некоторые роли, не было необходимых декораций, париков, грима и пр. Пьеса была сокращена и адаптирована к возможностям труппы. Тем не менее М. Арсланов отмечает её значение для дальнейшего развития татарского театра: это был ценный опыт для актёров, многие из которых раскрылись по-новому (В. Муртазин-Иманский — Фердинанд, А. Кулалаев — Миллер, Г. Кариев — Президент, К. Тинчурин — Вурм и др.); спектакль стал плодотворным примером взаимодействия «Сайяра» с русским режиссёром, мастером постановочного дела, раскрывшим перед труппой важность всего комплекса выразительных средств; постановка

А. Загорского стала важным шагом в развитии оформительского дела в татарском театре [7. С. 56]. Отныне переводные произведения составят довольно значительную часть репертуара труппы.

В дальнейшем Татарский государственный театр будет неоднократно включать в свою афишу трагедию «Коварство и любовь»: в 1923, 1932, 1937 и 1950 гг. В 1994 г. к ней обратился Казанский татарский государственный молодёжный театр, ныне Казанский татарский государственный театр юного зрителя имени Г. Кариева. А в 1999 г. трагедия «Коварство и любовь» появилась на подмостках Альметьевского татарского государственного драматического театра.

Не меньшей популярностью пользовались шиллеровские «Разбойники». Впервые трагедию Шиллера в 1918 г. в Труппе татарских драматических артистов ставит Мухтар Мути́н. Он обратится к ней ещё дважды — в 1920 и 1925 гг. После Мутина «Разбойники» будут трижды поставлены в татарском государственном театре: в 1927, 1934 и 1997 гг. Обращались к пьесе и татарские труппы Астрахани и Оренбурга [8. С. 427, 472, 475].

В освоении татарским театром драматургии Шиллера можно выделить несколько этапов.

Дореволюционные постановки представляли собой первые подступы к художественному миру немецкого драматурга и ещё носили в какой-то степени «ученический» характер.

Новая волна интереса к драмам Шиллера пришлась на годы Октябрьской революции и советскую эпоху, особенно первые послереволюционные десятилетия. Идея борьбы за социальную справедливость, звучащая в пьесах драматурга, была в это время востребована советским обществом, что нашло отражение и в репертуаре татарского театра. На фоне его идеологизации формировался новый подход к пьесам Шиллера. Он был связан с идеями революции, классовой борьбы и социалистического строительства. Одним из самых репертуарных произведений тех лет были «Разбойники», созвучные духу времени. Популярностью в эти годы пользовалась и пьеса «Коварство и любовь», которая, по мнению И. Иляловой, оказалась близкой не только своей романтической приподнятостью, но и утверждением идеи социальной и личной свободы [4. С. 44].

Наиболее показательным спектаклем этих лет по Шиллеру стали «Разбойники» Мухтара Мутина (1918, 1920, 1925). М. Арсланов считает, что именно Мути́н первым из татарских режиссёров применил принцип революционного переосмысления большой классики [9. С. 31]. Его постановка отвечала потребности в героическом, являвшейся важной приметой времени. Соответственно он укрупняет образ Карла Моора, бунтаря, борца против тирании за свободу и справедливость, делает его смысловым и эмоциональным центром спектакля в ущерб другим персонажам. И хотя такая концепция привела к спрямлению идейного рисунка драмы, всё искупалось блистательной игрой

Мутина. «Разбойники» М. Мутина — яркий пример романтической линии татарской режиссуры и актёрского мастерства.

В сезоне 1926/27 гг. режиссёром Ризой Ишмуратовым в очередной раз были поставлены «Разбойники» Шиллера. Это была совершенно иная интерпретация, отразившая укрепление реалистических позиций на татарской сцене: она была выполнена с тщательным соблюдением законов театра прямых жизненных соответствий [9. С. 38].

В начале 1930-х гг. режиссёр Саид Булатов вновь обращается к драматургии Шиллера: в 1932 г. он ставит «Коварство и любовь», а в 1934 г. — «Разбойников». Возрождая романтическую линию Мутина, Булатов, однако, не делает её доминирующей, а соединяет с социальной, бытовой, комедийной и лирической.

Принципиально новый этап рецепции Шиллера татарским театром приходится уже на конец XX в. В этот период все чаще стали появляться постановки, в которых акцент делался на вневременную борьбу добра и зла, на общечеловеческие ценности, возникали смелые параллели с современностью. В этом ряду выделяются «Разбойники» (1997), поставленные в театре Камала Валентином Ярухиным. Спектакль, яркий по форме и глубокий по мысли, представлял собой свежее прочтение знаменитой пьесы. С одной стороны, здесь был создан абстрактный образ времени с порочным кругом вечно повторяющихся человеческих грехов и ошибок, с другой — спектакль содержал аллюзии к современности, в частности, вызывал в сознании зрителя ассоциации с недавней чеченской войной.

Таким образом, можно утверждать, что драматургия Шиллера оказалась созвучной эстетике татарского театра с его экспрессией, тяготением к ярким характерам, сильным чувствам и острым конфликтам.

Дискуссионным представляется вопрос о причинах малой востребованности татарским театром пьес современных западных драматургов. Обсуждение данного вопроса могло бы послужить отправной точкой для дальнейшего исследования эстетических и ментальных особенностей татарского театра, характера его интеграции в мировой театральный процесс и соединения в его художественной практике национальных и западных театральных традиций.

Заключение

Как видим, татарский театр обращался к мировой драматургической классике с первых лет своего существования. Спектакли по пьесам французских, английских, немецких, итальянских, испанских, скандинавских классиков и современных авторов стали пусть не основным, но важным вектором развития татарской театральной культуры. Однако нельзя не отметить и тот факт, что отношения с зарубежной драмой у татарского театра складывались не всегда гладко. Эстетические различия порой приводили к тому, что зару-

бежная пьеса либо «одомашнивалась», переносилась на иную почву и превращалась в подобие национальной драматургии, либо оставалась чем-то чужеродным и не задерживалась в афише театра. Тем не менее прививка иной художественной традиции оказалась весьма плодотворной. Она сыграла немалую роль в становлении татарского театра, расширила его выразительные возможности, способствовала его интеграции в мировой театральный процесс и в значительном ряде случаев привела к ярким художественным результатам. В золотой фонд татарского театра вошли спектакли по пьесам Шекспира, Мольера, Шиллера, Гольдони, Лопе де Веги, Бомарше, Брехта и других корифеев мировой драматургии.

Список литературы

1. Салихова А.Р. Особенности формирования и развития татарского сценического искусства. Казань: ИЯЛИ, 2016. 360 с.
2. Илялова И.И. Современное звучание мировой классики на татарской сцене // *Tatarica*. 2016. № 1 (6) С. 137–162.
3. Саламатова Г. Мухтар Мутин — Отелло XX века // Башкирский государственный академический театр драмы имени Мажита Гафури — 100 лет [Очерки истории и современности]. Уфа: Китап, 2019. С. 152–165.
4. Илялова И.И. Театр им. Камала: очерк истории. Казань: Тат. кн. изд., 1986. 327 с.
5. Мировая классика на провинциальной сцене: русские и татарские театры Казани за два столетия / О.О. Несмелова, В.Б. Шамина, Е.Н. Шевченко и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 178 с.
6. Илялова И.И. Театр имени Тинчурина. Казань: ИДЕЛPRESS, 2002. 280 с.
7. Арсланов М.Г. Татарское режиссёрское искусство (1906–1941). Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 336 с.: ил.
8. Татар совет театры (очерктар) = Татарский советский театр: (очерки) / А. Әхмәдуллин, Х. Гобәйдуллин (сост.). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1975. 494 б.
9. Арсланов М.Г. Режиссёр Ширъязран Сарымсаков. Казань: Тат. кн. изд., 2004. 222 с.
10. Султанова Р.Р. Брехт на казанской сцене (проблемы сценографии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Добролюбова. 2009. № 6 (2). С. 182–187.
11. Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX — нач. XXI вв.). Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2019. 592 с.

References

1. Salikhova, A.R. 2016. Features of the formation and development of Tatar stage art. Kazan: IYALI. Print. (In Russ.)
2. Ilyalova, I.I. 2016. “The modern sound of world classics on the Tatar stage.” *Tatarica*, vol. 1, no. 6, pp. 137–162. Print. (In Russ.)
3. Salamatova, G. 2019. “Mukhtar Mutin — Othello of the twentieth century.” *Bashkir State Academic Drama Theater named after Mazhit Gafuri — 100 years* [Essays on history and modernity]. Ufa: Kitap, pp. 152–165. Print. (In Russ.)
4. Ilyalova, I.I. 1986. *Kamal Theater: an essay on history*. Kazan: Tatar Publishing House. Print. (In Russ.)
5. *World classics on the provincial stage: Russian and Tatar theaters of Kazan for two centuries*. 2018. Edited by O.O. Nesselova, V.B. Shamina, E.N. Shevchenko, etc. Kazan: Kazan University Press. Print. (In Russ.)

6. Ilyalova, I.I. 2002. Tinchurin Theater. Kazan: IDELPRESS publ. Print. (In Russ.)
7. Arslanov, M.G. 1992. Tatar directorial art (1906–1941). Kazan: Tatar Publishing House. Print. (In Russ.)
8. Tatar Soviet theaters (essays). 1975. Composed by A. Akhmadullin, H. Gobeidullin. Kazan: Tatar Publishing House. Print. (In Tat.)
9. Arslanov, M.G. 2004. Director Shiryazran Sarymsakov. Kazan: Tatar Publishing House. Print. (In Russ.)
10. Sultanova, R.R. 2009. “Brecht on the Kazan stage (problems of scenography).” Bulletin of the N.I. Dobrolyubov Nizhny Novgorod University, vol. 6, no. 2, pp. 182–187. Print. (In Russ.)
11. Sultanova, R.R. 2019. The scenography of the Tatar theaters: the main stages and patterns of development (XX — the beginning of the XXI century). Kazan: Publishing house “Kazan real estate.” Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шевченко Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра искусствознания, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Карла Маркса, д. 12/4. eLibrary SPIN-код: 5137-2223. ORCID: 0009-0007-4719-0314. E-mail: elenachev@inbox.ru

Bio note:

Elena N. Shevchenko is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Center of Art Criticism, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 12/4 Karl Marx St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 5137-2223. ORCID: 0009-0007-4719-0314. E-mail: elenachev@inbox.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-558-569

EDN: LHBRKO

Научная статья / Research article

Поиски обновления театрального языка в современном татарском театре: сценографический аспект

Р.Р. Султанова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация
✉ rauzasultan.art@mail.ru

Аннотация. Визуальный мир современного татарского театра — это сложная динамическая и саморазвивающаяся система, в которой, с одной стороны, отражаются элементы традиционной культуры, фольклора, обрядов, а с другой — различные стилистические особенности развития театра в целом. Происходят значительные трансформации, меняющие отдельные черты многолетней традиции. Режиссер и сценограф по-новому прочитывают классические и современные произведения, вступая в сложный диалог с их авторами. Происходит своего рода обновление театра за счет активного обращения к достижениям современной культуры и других искусств. Несмотря на сохранение устойчивых форм и элементов татарской культуры, традиций «интерьерного театра», в постановках преобладают обобщенно-метафорические мотивы, переносящие место действия в современность. Этот прием в театре используется для обострения и актуализации темы спектакля, усиления роли зрителя как интерпретатора увиденного. Современные художники используют эстетические принципы татарского декоративно-прикладного искусства и поэтики народных игр, киноискусства, эстрады и др. в русле постмодернистской игры с традициями. В статье анализируется сценография спектаклей, поставленных в начале нового столетия под руководством художественного руководителя Ф. Бикчантаева в тандеме с современными сценографами (С. Скоморохов, Б. Ибрагимов и др.).

Ключевые слова: татарский театр, драматургия, сценография, зрелищные искусства, театральный костюм, фольклор, сценическая интерпретация, постмодернизм

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Султанова Р.Р. Поиски обновления театрального языка в современном татарском театре: сценографический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 558–569. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-558-569>

Searching the Renewal of the Theatrical Language in the Modern Tatar Theatre: Scenographic Aspect

Rauza R. Sultanova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, *Kazan, Russian Federation*
✉ rauzasultan.art@mail.ru

Abstract. The visual world of the modern Tatar theatre is a complex dynamic and self-developing system, which, on the one hand, reflects elements of traditional culture, folklore, rituals, and, on the other hand, various stylistic features of development of the theatre in general. Significant transformations are taking place that change certain features of the long-standing tradition. Stage managers and stage designers read classical and modern works in a new way, entering into a complex dialogue with the authors. Due to the active appeal to the achievements of modern culture and other arts, a kind of renewal of the theatre is taking place. Despite preservation of stable forms and elements of the Tatar culture, the traditions of the “interior theater”, generalized metaphorical motifs prevail in the productions that transfer the place of action to the present. This technique is used in the theater to sharpen and actualize the theme of the play, to strengthen the role of the viewer as an interpreter of what he saw. In search of ways of a new theatrical language modern artists use the aesthetic principles of the Tatar decorative and applied art and the poetics of folk games, cinematography, pop art, etc. in line with the postmodern game with traditions. The article analyzes the stage design of the performances of the beginning of the new century under the direction of the artistic director F. Bikchantayeva in tandem with modern stage designers (S. Skomorokhov, B. Ibragimov, etc.).

Keywords: Tatar theatre, drama, stage design, theatre costume, folklore, scenic interpretation, post-modernism

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Sultanova, R.R. 2024. “Searching the Renewal of the Theatrical Language in the Modern Tatar Theatre (Scenographic Aspect).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 558–569. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-558-569>

Введение

Нынешний этап в татарском театре связан, прежде всего, с режиссерскими исканиями художественного руководителя Татарского государственного театра имени Г. Камала Ф. Бикчантаева (с 2002 г.), который, прочно утверждая место театра в духовной культуре татарского народа, демонстрирует открытость к переменам. Сегодняшний театр характеризуется многообразием художественного и сценографического языка. В нем взаимодействуют разные стилистические приемы и принципы театрального мышления. В современном театре постоянно происходит поиск новых сценических форм и конструкций, которые дают новый ракурс взгляду зрителя, активно вовлекая в орбиту своего внимания, делая его участником театрального действия.

Этот новый качественный уровень театра обязан прежде всего изменениям привычных подходов к сценической интерпретации драматургии. Как утверждают современные исследователи, произошло «...некое равноправие или по крайней мере отсутствие иерархии между разными проявлениями пьесы и спектакля» [1. С. 38], что связано и с новыми подходами к визуальной образности спектакля.

Современный татарский театр, свободно оперируя разнообразными стилевыми течениями, сочетает реалистические и условные декорации, обращается к художественным достижениям мирового театра, что характеризует особенности художественного сознания постмодернистской эпохи.

Исследователи мирового театра отмечают все возрастающую социальную функцию сценографии, являющейся «общим пространством как для общения, так и для конфликта — это место объединения и место расхождения» [2. С. 6], где присутствие зрителей является важной частью постановки. В основном подобные сценические формы доминировали на престижном фестивале «Пражская квадриеннале», где около шестидесяти стран показывали свои последние достижения в области сценографии и театральной архитектуры¹.

Театр всё больше использует новейшие дизайнерские идеи, элементы и принципы других видов искусств (изобразительное искусство, видеоарт, фотоискусство, кино, цирк, эстрада, телевидение и др.). Как считает Б.П. Голдовский, «такой обмен энергиями между видами искусств является залогом их постоянного обновления... Это не приводит к стиранию видовых границ, так как у каждого из искусств сохраняется собственная пространственно-временная структура, свои художественный язык и выразительные средства» [3. С. 318].

В театре всё более ощутимо нарастание зрелищности. Всевозрастающая роль экранной культуры в повседневной жизни людей, представляющей потоки информации в постоянно меняющихся динамичных образах, порождает новые сценические формы визуальности, которые, сочетаясь со старыми, «демонстрируют большую гибкость, приспособляемость, подчас умеют возрождаться» [4; 5. С. 3].

Рассмотрим преломление этих тенденций на примере сценографических решений современных спектаклей Татарского государственного театра имени Г. Камала в начале нового столетия. Автор при анализе художественных особенностей постановок опирался на теоретические труды, посвященные зрелищным видам искусства (кукольный театр, кино, цирк и др.), рассматривающие процессы самоорганизации в искусстве в синергетическом аспекте. Были использованы рецензии в официальной периодике, труды по этнографии, фольклору, декоративно-прикладному искусству татар. Автор, активно наблюдавший за развитием татарского театра на протяжении многих лет, в основном опирался на собственные впечатления от просмотра спектаклей.

¹ Автор с 2003 года регулярно участвовал в «Пражской квадриеннале» в качестве зрителя.

Обсуждение

Для татарского театра в новом тысячелетии принципиально важным оказалось разрушение стереотипного восприятия классических произведений с обязательным воспроизведением авторского текста.

Последние годы наполнены интересными поисками, в которых режиссер и художники подвергали зрителей экспериментам по восприятию театральных структур, шедших вразрез со всеми нормами драматического действия, традициями татарского театра. Показателен эксперимент Ф. Бикчантаева (совместно с И. Зайниевым) со студентами Казанского института культуры и искусств по созданию собственного сценария по сюжетам произведений народного художника Ахсана Фатхутдинова (музыкально-пластическая композиция по мотивам знаменитой серии «Ияләр» — «Обереги» с использованием писем поэту Р. Файзуллину), в котором актер становится одним из выразительных средств наряду с музыкальным и световым оформлением. Здесь зритель погружается в пространство перформанса, где актерские тела становятся ведущим «изобразительным» элементом.

Эстетические принципы современного пластического авангарда активно использовались в творчестве художников старшего (С. Скоморохов, Р. Газеев) и молодого поколений (Б. Ибрагимов, Г. Скоморохов). В структуру сценографии они оригинально включали фотографии, снятые во время репетиций («Бабайлар чуагы» — «Запоздалое лето», И. Зайниев, 2010) или кинокадры, записанные вне театра до премьеры: на природе, в деревне и т.д. («Ак калфак гым төшердем кулдан» — «Мой белый калфак», А. Юзеев, 2017).

В практике современного татарского театра можно обнаружить присутствие приемов живописи, скульптуры, цирка, элементов кинематографического мышления. Благодаря этому современный татарский театр становится менее сюжетным и статичным, однозначно иллюстративным и повествовательным. Всё популярнее становятся спектакли с выходом актеров в зрительный зал, мини-спектакли в фойе с использованием помещений самого театра (балкон, коридоры, оркестровая яма, подвал) в максимальной близости с публикой («Дәрсе гыйбрәттер театр...» — «Будить сердца людей», 2017). Удачно прошли эксперименты по созданию такого типа сценографии, как «окружающая среда» («энвайронмент»)², создаваемая не на сцене, а в реальной жизненной среде, как это было в ритуально-обрядовом предтеатре. Подобные спектакли демонстрировались во время творческой лаборатории молодой режиссуры в Доме актера им. М. Салимжанова (2014–2015), когда сценические действия воплощались на лестничной площадке, в подвальном помещении, библиотеке, в кабинетах сотрудников и т.д.

² Энвайронмент (англ. environment – «окружение», «среда»).

На нынешнем этапе усилия театра всё более направлены на выстраивание взаимоотношений сцены и зала, на вовлеченность зрителей. Активизируя зрительское восприятие, современные постановщики чаще ставят спектакли с акцентом на пластическую и звуковую режиссуру, когда пластика подчиняется музыкальному ритму. При этом в разных постановках доминирует то один, то другой компонент структуры действия: сценографический, музыкальный, пластический.

На пути переосмысления эстетики современного татарского театра в начале нового столетия рубежным стал спектакль «Ненаглядная моя» («Галиябану, сылуым-иркэм») Т. Миннуллина, поставленный накануне столетнего юбилея театра Ф. Бикчантаевым (2005). Постановщиков волновал очень актуальный на тот момент вопрос: как нужно играть сегодня национальную классику, как стать современным, оставаясь верным традициям своего театра?

В этом спектакле, в контексте музыкальной драмы М. Файзи «Галиябану», полемизируя с традициями, театр показывает один из путей отхода от устаревших форм, «высвобождаясь и как бы „вытряхивая“ их из арсенала сценической практики, нацеливаясь на поиск новых приемов» [6. С. 176]. Происходит своего рода рефлексия за счет активного обращения к достижениям современной культуры и других искусств, выстраивание по их образу сценического пространства и мизансценического рисунка.

Действие спектакля происходит на двух уровнях. Начинающие артисты, студенты института культуры и искусств, исполняющие роли из фрагментов легендарной пьесы «Галиябану» М. Файзи, находятся на авансцене. Налицо формат кукольного театра: справа, на зеленой поляне — родник с постоянно льющейся водой, на пригорке — игрушечный деревянный домик в цветущем саду. Слева — фрагменты интерьера традиционного татарского дома: миниатюрные нары («сәке»), покрытые лоскутным одеялом («көрпә»), сундук, маленькое окошко с узорными наличниками.

Актеры старшего поколения, «щепкинцы», находятся на арьерсцене на протяжении всего спектакля в полупрозрачном стеклянном павильоне, в котором присутствуют знаки спектаклей труппы «Сайяр» начала XX в.: белые напольные часы, в центре стол, накрытый скатертью, над дверью — небольшой шамаиль, в стиле модерн диван, кресла, стулья. Монохромные костюмы «стариков» — бледных тонов с налетом старины (оранжевого, сиреневого, бежевого, салатного цветов), с минимальной декоративной отделкой — переключаются с мебелью. Здесь присутствуют и признаки современной жизни: чайник Tefal, телевизор на тумбочке, в котором якобы показывают современный спектакль «Галиябану» в исполнении молодых артистов.

На этом бело-сером фоне контрастно выступают яркие полихромные костюмы молодежи, тяготеющие к фольклорному, одновременно условному решению: светло-малиновое платье Галиябану с оборкой на подоле и желтая

рубашка Халила, сшитые из современных синтетических тканей, но относящиеся по крою к сельскому костюму второй половины XIX в.

Для создания эффекта документальности художник С. Скоморохов использовал принцип стилизации, применявшийся П.Т. Сперанским в оформлении татарской классики в 1920–1950-е гг. [7. С. 152–169]. В театральные костюмы в виде цитат были включены подлинные этнографические артефакты — накосники (чулпы), войлочные чулки (тула оек), сюртук, кружевные накидки из костюмерной театра.

Одновременно и поочередно при помощи света «высвечиваются» в более ускоренном темпе, нарочито условно и примитивно в стилистике немого кино эпизоды спектакля «Галиябану» в исполнении молодых и показы-комментарии к ним аксакалов в традициях добротного психологического театра. Объединяющим началом, разрешающим спор поколений, послужили музыканты, которые сидели на высокой площадке почти у колосников как ди-джеи, исполняя при игре старших народную мелодию «Галиябану», а при игре молодых — джазовые композиции.

Через десять лет своеобразным ответом на эту постановку стал спектакль «Галиябану» М. Файзи ученика Ф. Бикчантаева И. Зайниева (сценограф Б. Ибрагимов), поставленный как суфийский театр: «не позитивистский вербально-психологический, а музыкально-символический, интуитивистский» [8. С. 4].

Действие начинается с пронзительно нежной мелодии. Зал постепенно заливается светом. На пригорке возникают очертания ночной деревни, которые медленно начинают подниматься, передвигаться в глубь сцены, создавая эффект «наезда камеры». Вертикально свисающие холщевые полотна принимают форму то крыш разновеликих домов, то покосившихся изгородей, то лесного массива. Сцена утопает в рябиновых кустах с крупными ягодами. Звуковая «декорация», которая постоянно присутствует в спектакле (пение птиц, скрип телеги, мычание коров, лай собак и т.д.), расширяет границы сценического пространства и создает живую атмосферу деревенской жизни.

Исходя из режиссерской концепции, сохраняется семантика элементов традиционного быта, которые становятся также основой для построения мизансцен и средством характеристики персонажей.

По центру сцены на невидимых тросах висит огромное окно с орнаментированным наличником (цитата из спектакля Ф. Бикчантаева), обозначая родительский дом Галиябану. Визуальными знаками, соединяющими девушку с внешним миром, кроме окна, являются нары, покрытые лоскутным одеялом, которые по традиции многофункциональны. Здесь имеются еще другие атрибуты татарского дома, олицетворяющие тепло домашнего очага: тканые полотенца, сундук с приданым девушки, медный самовар.

В костюмах героев сохраняются пропорции и силуэт, элементы традиционного татарского костюма (платье с оборками, вышитый фартук, камзол, тюбетейка, ичиги), решенного в цветовой гамме природных тонов.

Специфически используется свет, который выхватывает фигуры из темноты крупным планом, как в кинематографе. Так, из полумрака, походкой циркового медведя, появляется колоритная старуха (Ф. Акберова) — «архетип свахи», персонаж из обряда свадебного ритуала. Она одета в длинное, свободное, украшенное оборками и нагрудником («изу») ситцевое платье и бархатный камзол. На голове — кашемировый с кистями платок, поверх которого надета шапка («камчат бүрек») с плоским верхом, опушенная мехом. На ногах — узорные ичиги. Как знак свахи одна штанина выпущена из ичига.

Создается эффект замедленной съемки, когда Галиябану (Г. Гульвердиева), сидя на авансцене, плавными движениями достает из сундука свои украшения и, любуясь ими, наряжается перед выходом на улицу к своим подругам.

Важная составляющая спектакля — музыкальные эпизоды с участием молодежи. Актеры сидят «на берегу», на авансцене, свесив ноги в оркестровую яму. От авансцены в глубь сцены протянута белая «лента» — речка, по обе стороны которой стоят парни и девушки, соревнуясь в остроловии: так песенная перебранка «айтыш» («эйтеш») превращается в веселую ин-термедию.

Этнографизм, достоверность элементов костюмов, использование атрибутов старого «интерьерного театра» наблюдаются и в спектаклях «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца») Ф. Бурнаша (худ. С. Скоморохов), «Кью кызлар» («Смелые девушки») Т. Гиззата (худ. Б. Ибрагимов). Но несмотря на использование цитат из «интерьерного театра», в художественном оформлении современных спектаклей: «Банкрот» Г. Камала, «Гульжамал» Н. Исанбета (худ. С. Скоморохов), «Тимер борчак» («Железная горошина») Р. Бухараева, «Курчак туге» («Кукольная свадьба») Г. Исхаки (худ. Б. Ибрагимов) и др. — доминируют обобщенно-метафорические мотивы, переносящие место действия в современность. Этот прием все чаще и многообразнее используется в театре для остранения, обострения и актуализации темы спектакля, о чем свидетельствует и практика мирового театра [9. С. 46]. На Квадриеннале в Праге в 2015 г. в павильонах разных стран доминировал именно этот тип театра, активно обращающий особое внимание зрителя к процессу разрушения иллюзии и барьера между сценой и залом.

Современный татарский театр своими спектаклями доказал, что владеет кодом «высокой культуры» и активно ищет другие пути к сегодняшнему зрителю, прежде всего молодому, то играя спектакль как балаган («Банкрот»), эстрадное шоу («Диляфруз-Remake»), то встраивая героев в структуру радиошоу («Махаббат-FM»), все чаще прибегая к эстетике циркового искусства («Бармы ришвәттән дэва» — «Чудо-таблетка»). В подобных спектаклях зритель вводится в особый тип восприятия, часто становясь активным участником постановки. И самое главное, происходит обогащение театрального языка, передаваемого не словами, а движением, жестом, пластикой тела актера:

«Актер освобождается от плена подмостков и рампы, отчуждающих его от зрителя, и становится в условия совершенно другие в смысле внешних пластических задач и внутренних переживаний» [10. С. 151].

В спектакле «Диляфруз-Remake» Т. Миннуллина использование сценографом С. Скомороховым архитектурных особенностей самого театрального здания как «театра-арены» давало необычайное богатство планировочных мест, органически связывая зрительный зал и место действия в единое целое. Художник, «продолжая» на сцене стены существующего зрительного зала, создавал в сценическом пространстве атмосферу «райского сада», олицетворением которого стали свисающие с колосников огромные корзины с красными яблоками. По ходу действия актеры время от времени располагались на первом ряду и вместе со зрителями созерцали происходящее на сцене. Оригинально были использованы принципы игровой природы цирка, аттракциона (езда на велосипеде, мотоцикле), эстрады. Здесь все было психологически оправданно, диалоги естественно переходили в вокальные дуэты.

Аналогичные приемы были использованы М. Салимжановым в 1995 г. в спектакле «Зятя Григория» Т. Миннуллина (сценограф Т. Еникеев), в котором впервые на сцене были театрализованы обычаи и обряды татар-кряшен. В этом спектакле потенциальные зятя на импровизированных подмостках демонстрировали силу и ловкость в борьбе («көрәш»), в танцах и пении, разыгрывали пантомимы. Сценограф Т. Еникеев создал декорации с учетом основных особенностей структуры дома татар-кряшен, с соблюдением характерных черт декорировки [11. С. 46]. Спектакль до сих пор успешно идет в этом оформлении.

Своеобразно использование приемов цирка на современном этапе в спектаклях Ф. Бикчантаева, превращающего сцену в искрящуюся буффонаду. Своей яркостью, любовью к игре он напоминает зрителям о балагане, ярмарке и цирке. Он вдохнул в современный национальный театр энергию фарса, добиваясь этого введением элементов абсурда, фривольности, клоунады. Всевозможные трюки, передевания, раскрашивание лиц, использование кинохроники, эклектические костюмы и, наконец, детали сценографии, вызывающие к артистизму, усиливали игровую стихию в спектакле «Банкрот» Г. Камала (сценограф С. Скоморохов). Здесь игровое пространство, организованное по-брехтовски остраненно, обогащало игру актеров новым жестопластическим содержанием [7. С. 522].

Сценография спектакля «Игра с монстриком» («Кечтүкле уен») по пьесе И. Зайниева в постановке Р. Бариева стала важной вехой в диалоге театра с детской аудиторией. Сценограф Геннадий Скоморохов здесь не только проектирует и оформляет пространство, но и сочиняет визуальную концепцию спектакля — маски-шоу с элементами кукольного театра и цирка. В едином виртуальном пространстве встречаются современные студенты, герои компью-

терных игр и персонажи татарских сказок (Шурале, Су анасы — Русалка). На стене с черными силуэтами домов, исписанных граффити, большими буквами начертано слово «урман» (лес). Вместо окон — плазменные экраны, которые в разных картинах показывают горы, лесные чащобы, реки. Стена эта из мягкой ткани, поэтому вплотную стоящие за ней персонажи проявляются на ее поверхности рельефно, как маски-фантомы. Вся стена окутана светодиодными шнурами. Разыгрывается настоящий «цирк на воде»: улитки выводят русалок в лодках-ванночках, Шурале рассекают волны на джамперах. Герои выглядят как ростовые куклы и рукодельные мягкие игрушки различной конфигурации, например, Малявка — воздушный шар, а Король — разноцветный цветок. Когда эти причудливые, фантастические фигуры застывают неподвижно, мы воспринимаем их как сценографические персонажи (т.е. «тело-сценография»).

В сценографии молодежного мюзикла «Дитя» («Бэби») по пьесе И. Зайниева, воспринятого многими критиками как симбиоз притчи «Черная бурка» и осовремененной «Вестсайдской истории» (сценограф Р. Газиев, 2008) наблюдается проникновение эстетики рекламы и индустрии моды.

Действие начиналось с суперзанавеса — баннера-растяжки городской рекламы, которым закрывают разрушающиеся дома в целях безопасности. Вся сценографическая среда, состоявшая из фрагментов коммунального дома, создавала атмосферу обособленности, осколочности бытия. Пространство началось двумя разделенными между собой мирами, соединенными некоей диагональю, состоящей из арочных сводов заброшенного дома: верхнее горизонтальное пространство принадлежало кошкам, а нижний уровень — собакам. Эти два враждебных пространства «пронизывает» вертикаль — Попугай Алехандро, спускающийся с небес для примирения сторон.

В костюмах художник использовал элементы современной молодежной моды (куртки и плащи, топики, футболки, юбки, сетчатые колготки, лосины, гетры, обувь хай-тек) и аксессуары (ремни, перчатки, кулоны, цепочки). Длинный плащ Ялкына (Э. Талипов) определял его как лидера стаи, боевого и справедливого Дога. У его сподвижников по иерархии плащи различной длины и по-разному декорированы. Попугай Алехандро — путешествующий бомж в начале спектакля — в финале превращается в уважаемого денди из Южной Америки.

Так ярко и зрелищно сквозь призму сознания животных ставятся серьезные проблемы, волнующие общество: что есть добро и зло, в чем смысл жизни, существует ли ответственность перед слабыми и природой. Своей экспрессивностью, эмоциональностью, предельной выразительностью образов этот спектакль стал событием не только для детской аудитории, но и для взрослых. Актеры драматического театра существовали в жанре мюзикла естественно и органично.

Однако следует отметить, что взаимодействие зрелищных (драматических) и визуальных форм не всегда восторженно воспринимается зрителем, особенно представителями старшего поколения. Задается вопросом и искушенный зритель из театральной среды: не происходит ли увлечение внешней формой, спецэффектами в ущерб содержанию, не теряется ли глубина авторского текста? Известный драматург, общественный деятель, выпускник Щепкинского училища Туфан Миннуллин (1935–2012), считавший Ф. Бикчантаева талантливым, прекрасным режиссером, в 2010 г. в прессе подвергает серьезной критике методы его работы. Он заявляет, что сегодняшний татарский театр, подражая европейскому, увлекается новомодными приемами и теряет свое самобытное национальное лицо. Он ратует за драматический театр, где главным является слово. Считает, что сегодня театр развивается не в том направлении: «...мы идем, может, не назад, но неправильным путем» [12. С. 2]. Это замечание одного из ярких представителей татарской культуры является принципиально важным для понимания того, какой татарский театр начали создавать в новом тысячелетии и как сегодняшний театр соотносится с тем, который существовал ранее.

Заключение

Сегодня татарский театр, отвечая на изменившиеся требования новой культурной среды, активно ищет новые пути обновления и обогащения театрального языка. Как видно из вышеприведенных примеров из практики, театр черпает новые силы, обращаясь к разным сферам жизнедеятельности общества, используя художественный язык и выразительные средства других видов искусств (изобразительного искусства, кино, телевидения, театра кукол, цирка и др.). Благодаря этому возникает дополнительный смысловой пласт: все происходящие на сцене события приобретают общечеловеческое, вневременное звучание. Таким образом, театр преодолевает узкие рамки традиций и тем самым доказывает, что постоянно находится в развитии. Анализ сценографии позволяет утверждать эффективность синергетического подхода в татарском театре, который приводит к качественному преобразованию и формированию принципиально новой художественной системы. Раскрытие механизмов взаимодействия игрового драматического действия и зрелищности и на этой основе создание целостной картины современного театрального процесса и определение в целом специфических особенностей, характеризующих пути развития татарского театра, — тема будущих исследований.

Список литературы

1. Якубова Н.О. Театр эпохи перемен в Польше, Венгрии и России, 1990-е — 2010-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

2. *Sodja Lotker*. Shared Spase. Music. Weather. Politics // Prague Quadrennial of Performance Design and Space. Praha. Arts und Theatre Institute. 2015. P. 010–011.
3. *Голдовский Б.П.* Режиссерское искусство театра кукол России XX века: очерки истории. М.: ВАЙН ГРАФ, 2013. 320 с.
4. Экранная культура: теоретические проблемы / авт.-сост. В.О. Чистякова, Я.Б. Иоскевич; отв. ред. К.Э. Разлогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 752 с.
5. *Рыжакова С.И.* Все зеркала мира // Зрелищные искусства: контакты и контексты: сборник статей и эссе / отв. ред. С.И. Рыжакова; сост. и ред. С.И. Рыжаковой и Р.Р. Султановой; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань: ИЯЛИ, 2020. С. 3–14.
6. *Синцова С. В.* Художественное предвидение новых искусств. М.: Издательство Нобель Пресс, 2013. 200 с.
7. *Султанова Р.Р.* Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX — нач. XXI вв.). Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2019. 592 с.
8. *Ахметов Р.Р.* Галиябану // Звезда Поволжья. 2015. 8–14 окт. С. 4.
9. *Березкин В.И.* Прага 2003 // Сцена. 2003. № 24. С. 45–47.
10. *Дехтерева А.В.* Цирк как особая форма театрального пространства (примеры российского опыта первой трети XX века) // Пути и перепутья: материалы и исследования по отечественному искусству XX века. М.: Редакционно-издательский отдел НИИ Российской академии художеств, 2001. С. 147–165.
11. *Султанова Р.Р.* Тан Еникеев в пространстве татарского театра // Тан Еникеев. Эскизы / авт.-сост. Р.Р. Султанова, коллектив авторов. Оренбург, 2018. С. 68–79.
12. *Ахметов Р.Р.* Слово писателя // Звезда Поволжья. 2010. 1–7 апреля. С. 1–2.

References

1. Yakubova, N.O. 2014. Theatre of the era of changes in Poland, Hungary and Russia, 1990s – 2010s. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye publ. Print. (In Russ.)
2. Sodja, L. 2015. “Shared Spase. Music. Weather. Politics.” Prague Quadrennial of Performance Design and Space. Praha. Arts und Theatre Institute, pp. 010–011. Print.
3. Goldovsky, B.P. 2013. The directorial art of the puppet theater of Russia of the 20th century. Essays on history. Moscow: Publishing house “VINE GRAF”. Print. (In Russ.)
4. Screen culture: theoretical problems. 2012. Composed by V.O. Chistyakova, Ya.B. Ioskevich; Editor-in-chief K.E. Razlogov. St. Petersburg: Dmitry Bulanin publ. Print. (In Russ.)
5. Ryzhakova, S.I. 2020. “All the mirrors of the world.” Spectacular arts: contacts and contexts: A collection of articles and essays. Composed and edited by S.I. Ryzhakova and R.R. Sultanova. Kazan: IYALI publ. Print. (In Russ.)
6. Sintsova, S.V. 2013. Artistic foresight of new arts. Moscow: Nobel Press Publishing House. Print (In Russ.)
7. Sultanova, R.R. 2019. The scenography of the Tatar theaters: the main stages and patterns of development (XX — the beginning of the XXI century). Kazan: Publishing house “Kazan real estate”. Print. (In Russ.)
8. Akhmetov, R.A. 2015. “Galiyabanu.” Zvezda Povolzhya. October 8–14. Print. (In Russ.)
9. Berezkin, V.I. 2003. “Prague 2003.” The stage, vol. 24, pp. 45–47. Print. (In Russ.)
10. Dekhtereva, A.V. 2001. “Circus as a special form of theatrical space (examples of the Russian experience of the first third of the XXth century).” In Paths and crossroads: materials and research on the Russian art of the XXth century. Moscow: Publishers Editorial and Publishing Department of the Russian Academy of Arts Research Institute, pp. 147–165. Print. (In Russ.)

11. Sultanova, R.R. 2018. “Tan Yenikeev in the world of the Tatar theater.” In Tan Yenikeev. Sketches. Composed by R.R. Sultanova, pp. 68–78. Orenburg. Print. (In Russ.)
12. Akhmetov, R.A. 2015. “The writers word.” Zvezda Povolzhya. April 1–7. Print (In Russ.).

Сведения об авторе:

Султанова Рауза Рифкатовна — доктор искусствоведения, заведующая Центром искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Карла Маркса, д. 12/4. eLibrary SPIN-код: 3032-1985. E-mail: rauzasultan.art@mail.ru

Bio note:

Rauza R. Sultanova is a Dr. Habil. in Art History; Director of Art History Center, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Republic of Tatarstan Academy of Sciences, 12/4 Karl Marx St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 3032-1985. E-mail: rauzasultan.art@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-570-582

EDN: QRNBVTI

Научная статья / Research article

Пересечение восточных и западных художественных традиций в графических сериях Баки Урманче

О.Л. Улемнова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ oulemnova@mail.ru

Аннотация. В исследовании рассматриваются вопросы взаимовлияния европейских и азиатских художественных традиций, важных для становления и развития татарского национального изобразительного искусства, на примере творчества его основоположника Баки Идрисовича Урманче (1897–1990). Раскрываются способы и пути преодоления религиозного запрета на изображение человека и животных, строго соблюдавшегося некоторыми мусульманскими народами России, в том числе татарским, что ограничивало развитие их художественной культуры. Отмечается роль русского авангарда в понимании важности восточных художественных традиций для развития русского искусства в целом, для Б.И. Урманче и татарского искусства в частности. Автор анализирует несколько графических серий, созданных Б.И. Урманче преимущественно в последний казанский период творчества (1958–1990 гг.), представляющих собой интерпретацию пейзажа, татарского орнамента, театральных масок, иллюстраций к произведениям выдающихся татарских писателей и поэтов начала XX в. (Г. Тукая, Дэрдменда). Автор показывает, как в графике Б.И. Урманче выражается его художественная индивидуальность, происходит поиск национального характера искусства, соединяются западноевропейские изобразительные традиции, приемы восточной миниатюры, китайской живописи гошуа, арабской каллиграфии и орнаментальной системы татарского декоративного искусства.

Ключевые слова: графика, иллюстрация, пейзаж, выразительные средства, серия и цикл, национальное искусство, оппозиция Восток–Запад, синтез художественных традиций

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Улемнова О.Л. Пересечение восточных и западных художественных традиций в графических сериях Баки Урманче // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 570–582. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-570-582>

© Улемнова О.Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Intersection of Eastern and Western Artistic Traditions in Baki Urmanche's Graphic Series

Olga L. Ulemnova^{ORCID}

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

✉ oulemnova@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of mutual influence of European and Asian artistic traditions important for the formation and development of the Tatar national fine art on the example of the work of its founder Baki Idrisovich Urmanche (1897–1990). Ways and means of overcoming the religious ban on the depiction of man and animals are revealed. The religious ban strictly observed by some Muslim peoples of Russia, including the Tatars, restricted the development of their artistic culture. Russian avant-garde is noted for its role in understanding the importance of Oriental artistic traditions for the development of Russian art in general, for B.I. Urmanche and Tatar art in particular. The author analyzes several graphic series created by B.I. Urmanche mainly in the last Kazan period of life (1958–1990), representing interpretations of landscape, Tatar ornament, theatrical masks, illustrations to the works of outstanding Tatar writers and poets of the early twentieth century. (G. Tukai, Deardmand). The author shows how B.I. Urmanche expresses his artistic individuality in graphics, searches for the national character of art, combines Western European visual traditions, techniques of Oriental miniature painting, Chinese Guohua painting, Arabic calligraphy and the ornamental system of Tatar decorative art.

Key words: graphic art, illustration, landscape, expressive means, series and cycle, national art, East-West opposition, synthesis of artistic traditions

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Ulemnova, O.L. 2024. "The Intersection of Eastern and Western Artistic Traditions in Baki Urmanche's Graphic Series." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 570–582. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-570-582>

Введение

Вопросы взаимовлияния восточных и западных традиций в искусстве России находятся в центре внимания самих художников и исследователей их творчества на протяжении нескольких исторических периодов. Особую остроту они приобрели в XX в., когда происходил активный процесс формирования национальных школ изобразительного искусства у народов России, осуществлявшийся в условиях «не только коренного выхода за рамки собственной культурной традиции, но и отказа от конфессиональной принадлежности, от всех традиционных форм жизни» [1. С. 41]. На современном этапе, в новых социально-политических условиях, эта проблематика стала еще более актуальной в связи с усилившимися процессами самоидентификации народов России, возрождения религиозной жизни, формирования новых концепций этнокультурной самобытности. Особую значимость эти вопросы имеют для

искусства тех мусульманских народов, у которых исторически сложились строгие запреты на изображение человека и животных, ограничивавшие развитие художественной культуры в ущерб изобразительным видам искусства. К таким народам относятся и татары, художественное творчество которых осуществлялось в формах каллиграфии и декоративно-прикладного искусства.

Основоположником татарского изобразительного искусства по праву считают Баки Идрисовича Урманче (1897–1990), с одинаковой силой таланта проявившего себя в живописи, скульптуре, графике. Стремясь к обновлению татарской культуры и вместе с тем к сохранению национальной самобытности, Б.И. Урманче осваивал помимо основ русского и европейского искусства художественные приемы и методы близких ему по религиозным и духовным воззрениям восточных культур, что особенно ярко проявилось в графике.

Графика всегда занимала особое место в творчестве Б.И. Урманче и как неременный подготовительный этап при создании живописных и скульптурных произведений, монументальных росписей, театральных костюмов и декораций, и как самоценный вид искусства, наиболее полно выражающий художественную индивидуальность мастера. Графическое наследие Б.И. Урманче насчитывает около пяти тысяч листов, представляя собой широкие возможности для изучения, интерпретации, экспозиционной и выставочной работы.

В данной статье на примере нескольких графических серий Б.И. Урманче, созданных в основном в последний казанский период жизни (1958–1990 гг.), мы попытаемся показать многообразие взаимодействия в его творчестве восточных и западных художественных традиций, определивших художественную индивидуальность мастера и наметивших пути развития татарского изобразительного искусства.

Обсуждение

Интересно проследить, как художники-мусульмане из разных регионов России решали проблему изобразительности в начале XX в. Например, дагестанский художник, ровесник Б.И. Урманче, Халилбек Мусаясулов на ранних этапах своего творчества, не отказываясь от изобразительности, но стремясь остаться в рамках религиозных канонов, по совету одного из своих учителей прибегал к шаткому, но единственно возможному для него на тот момент компромиссу: «...я проводил по шеям изображенных мною фигур тонкую, невидимую черту, как бы отсекая им головы. Так как они были мертвы и не могли требовать от меня, своего создателя, душу и привлечь меня к ответственности за то, что я, второй Прометей, вмешиваюсь в дела бога» [2. С. 183]. Примечательно, что подобным образом вплоть до XIX в. поступали мусульмане и в Казани с иллюстрированными книгами, привозимыми из Турции, Средней Азии и других исламских стран с развитыми традициями миниатюрной живописи: в них «люди тщательно обведены пером (духовно уничтожены)» [3. С. 90].

В среде казанских татар отсутствие изобразительности многими просвещенными деятелями культуры было осознано как тормоз для развития общества уже в конце XIX — начале XX в. Благодаря движению джадидизм, направленному на модернизацию, духовное обновление, возрастание интеллектуального потенциала татарского общества, происходило сближение с русской и европейской культурой, в том числе в области искусства, проводилась реформа мусульманского образования. В таком новометодном медресе «Мухаммадия» учился и Баки Урманче. Атмосфера свободомыслия начала XX в., расцвет татарской литературы, активное развитие национальной периодики, книгоиздательства, первые опыты иллюстрирования татарских книг и журналов утверждали молодого шакирда в его желании рисовать, причем этому желанию в глубоко религиозной семье Б.И. Урманче не препятствовали [4. С. 13]. Тем не менее художник возвращался к размышлениям о религиозных запретах на изображение человека, об их причинах, о правомерности для мусульманина, каковым был Б.И. Урманче, занятий изобразительным искусством. И на исходе своей жизни он так ответил самому себе и татарскому обществу: «Чтобы ответить на вопрос, запрещал ли Коран искусство, я дважды прочитал Священную Книгу и ясно понял: нет, не запрещал. Если бы был запрет, то откуда бы взялись такие чудесные шедевры архитектуры, как мечети, и такая удивительная музыка макама? Это не отстает от нас призрак нашего бывшего страха перед иконой и другими изображениями, запрещаемыми невежественными клерикалами» [5. С. 98]. Подобные дискуссии идут и сегодня. Наиболее объективной представляется позиция, артикулированная Д.В. Мухетдиновым: «...уже никто не видит в умении создать реалистическое фигуративное изображение „магический“ акт, отражающий претензию самого Творца. Произошедшая смена аспекта — объективный факт нашей культуры, который не зависит от предпочтений и склонностей отдельных личностей» [6. С. 17].

Б.И. Урманче повезло в том, что время его вступления в профессию художника пришлось на 1910–1920-е гг.¹, время расцвета русского и советского авангарда, когда русские художники, устав от академических догм и при этом опираясь на полученную школу и на широкий спектр экспериментов и достижений мирового искусства, искали новый художественный язык, вырабатывали новый взгляд на цели и задачи искусства. Важным источником этого обновления было искусство Востока, воспринимаемое не только с историко-этнографической точки зрения, как это было в предыдущие века, но осознаваемое как естественная часть своей истории и культуры. Один из лидеров русского авангарда А.В. Шевченко, который во ВХУТЕМАСе стал одним из наиболее авторитетных для Б.И. Урманче педагогов, прямо провозглашал:

¹ Художественное образование Б.И. Урманче получал в Казанских государственных свободных художественных мастерских в 1919–1920 гг. и во ВХУТЕМАСе в Москве в 1920–1926 гг.

«Да, мы — Азия и гордимся этим, ибо „Азия — колыбель народов“, в нас течет добрая половина татарской крови, и мы приветствуем Грядущий Восток, первоисточник и колыбель всей культуры, всех искусств» [7. С. 19]. Таким образом, практически с первых шагов в искусстве Б.И. Урманче получил подтверждение ценности художественной культуры собственного народа, поддержку своего стремления осваивать новые для татар виды изобразительного искусства, не отказываясь от национальной самобытности.

Серийность, имея богатые исторические корни в искусстве и Западе, и Востока, стала одной из важных характеристик современного искусства. Работа сериями и циклами, как одна из особенностей художественного метода Б.И. Урманче, ярко проявилась в графике художника в последний его казанский период (1958–1990 гг.).

С одной стороны, работа сериями была обусловлена иллюстрированием национальной литературы, в первую очередь, выдающихся татарских поэтов начала XX века — Г. Тукая и Дэрдменда. При этом собственно иллюстрации к их произведениям, создаваемые художником, крайне редко обретали полиграфическое воплощение и трансформировались в самостоятельные произведения, большие или малые серии, несущие в себе как непосредственную интерпретацию поэтического слова, так и выстраданные художником собственные откровения и прозрения.

С другой стороны, работа сериями позволяла Б.И. Урманче шире и глубже раскрыть ту или иную тему. В своих графических сериях он интерпретировал определенный сюжет, какое-либо явление, собственное переживание, раскрывал фабулу литературного произведения. При этом серии не всегда создавались художником специально, осознанно, а возникали спонтанно, обусловленные поисками композиции и наиболее выразительной художественной формы. Некоторые серии Б.И. Урманче складывались в большие циклы, над которыми он работал на протяжении многих десятилетий.

В серии акварельных пейзажей Б.И. Урманче, имеющих условное название «Улица в Ленинском районе» (1960-е)², изображен практически один и тот же вид, открывавшийся перед ним из окна мастерской, — квартал частных коттеджей, окруженных садами, вклинившийся в городскую многоэтажную застройку (художник иногда немного менял точку зрения, выбирал фрагменты этого пейзажа). В основе серии лежит импрессионистический прием³ — в листах серии этот вид запечатлен в разное время суток, в разное время года. При этом Б.И. Урманче увлечен не только передачей изменчивой

² В списке произведений Б.И. Урманче, составленном М.И. Мингалеевым и Ф.В. Ахметовой-Урманче, приводится 27 листов, связанных с этим сюжетом [5. С. 286]. Часть этих листов в настоящее время хранится в собраниях Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан (ГМИИ РТ), Фонда Марджани (Москва).

³ Сам прием был заимствован французскими импрессионистами у японских ксилографов.

световоздушной среды, мимолетными атмосферными эффектами, как французы, но и изменчивостью ритмов человеческой жизни: в листах серии почти всегда присутствуют люди — стремительные девушки в развевающихся платьях, неспешные семьи с маленькими детьми, осторожно передвигающиеся по заснеженным улицам дамы, размеренно скользящие по дороге сани с копной сена. В преходящей красоте природы, постоянной в цикличности своих изменений, в солнечном свете, заполняющем всё пространство и обретающем сакральный характер, художник воплощает божественную гармонию мироздания.

Серия «Белотелая» (1960-е)⁴ — это иллюстрации к стихотворению Дэрмента «Портрет (Из Навои)», в котором заключена формула женской красоты. Вслед за поэтом художник при помощи туши, пера и кисти ищет свою визуальную формулу, соответствующую «замыслу Творца», воплощенному в четверостишии. На всех листах серии изображена практически одна и та же композиция — сидящая или стоящая обнаженная молодая женщина в полуобороте. Художник меняет позу девушки, расположение рук и ног, поворот головы, способы изображения густой волны волос, добиваясь наибольшей выразительности, отталкиваясь от канонов изображения молодых женщин в восточной миниатюре.

Два подписных листа, датированных 1968 г., представляют основные варианты, на которых остановился художник: девушка сидит, согнув ноги в коленях, закинув назад руки, грациозно выгнув тонкий стан, ниспадающая волна темных волос не столько скрывает обнаженное тело, сколько подчеркивает его изящество и хрупкость. В одном листе⁵ женский образ более конкретен, национален — бусы, браслеты, надетые на девушку, окружающие ее растительно-орнаментальные формы, подчеркивающие плоскость листа, выявляют тесную связь с татарской культурой. В другом листе⁶ художником создан универсальный образ, воплощающий идеал женской красоты и молодости: каллиграфически точная линия выводит абрис изящной девичьей фигурки, пластически выверенный, доведенный до знакового совершенства, которое подчеркивает разомкнутое пространство чистого листа бумага. «Белотелая» — это тип серии, выросший из поиска наиболее совершенной художественной формы, что сближает его с восточной каллиграфией (и китайской, и арабской), которая шире утилитарной функции передачи текста и является выражением эстетических, моральных, эмоциональных и духовных переживаний.

Серия «Маски» (1968) состоит более чем из 50 листов разной степени законченности — от карандашных набросков до проработанных акварелью⁷.

⁴ Более 14 листов серии представлены в собраниях семьи художника, ГМИИ РТ, Фонда Марджани (Москва).

⁵ В собрании семьи художника.

⁶ В собрании ГМИИ РТ.

⁷ Выявлены нами в собрании семьи художника, которое мы описывали в 2010 г.

Как это часто бывало у Б.И. Урманче, замысел серии связан с прикладной, но нереализованной задачей, — они создавались как эскизы оформления Татарского дома актера [8. С. 26]⁸. На наш взгляд, в них художник заложил идею синтеза театральных традиций русского народа и народов Востока как той основы, на которой начал формироваться татарский театр. Зарождение татарского театра относится к концу XIX в. и связано со спектаклями, ставившимися учащимися Казанской татарской учительской школы и шакирдами медресе, которые в известной степени подражали русскому театру, а также использовали бытовавшие в народной среде приемы и способы игры чичянов, шамакаев – певцов-импровизаторов и народных шутов, известных со времен Волжской Булгарии, а также кызыкчи и масхарабозов – актеров-комиков площадного узбекского театра [9. С. 601]. Вероятно, Б.И. Урманче как учащийся медресе «Мухаммадия» знал об этих традициях не понаслышке и считал их важным фактором развития татарского театра.

Отсутствие изобразительных свидетельств об истоках татарского народного театра, очевидно, побудило художника искать образы в национальных театрах других стран Востока — Китая и Японии. Все эскизы можно разделить на пять основных групп, как в японском театре Но: маски мужчин, женщин, старцев, сверхъестественных существ и конкретных персонажей. Маски мужчины воплощают татарского батыра, маски женщины — татарскую лунолицую красавицу в стилизованном калфаке, маски старцев — беззубого двуличного старика. Группа масок сверхъестественных существ наиболее многочисленная. В одних (маски-солнце с веселыми антропоморфными чертами) прослеживается связь с праздничной культурой русской Масленицы, в других — с принципами грима, принятыми в традиционной китайской опере или в японском театре Кабуки: многослойная обводка красками разных цветов основных черт лица, превращающая его в орнаментальную композицию. При этом Б.И. Урманче по-своему трансформирует линии, опираясь на татарскую орнаментальную систему, и применяет более разнообразную цветовую палитру, соотносимую с полихромией татарского народного искусства. Также выделяются маски с определенными эмоциями, которые можно отождествить с конкретными персонажами (например, маска смеющейся женщины). В них, как верно подметил М.И. Мингалеев, художник «обращает внимание на мимическую игру, которая передает различные душевные настроения персонажей» [10. С. 115].

Кроме того, национальный характер своим маскам Б.И. Урманче придает, активно используя стилизованный татарский орнамент из традиционных сердечек, тюльпанов, ромашек, трилистников и др. Он включает его в элементы одежды, вписывает в композицию ликов. Некоторые маски трансформируются в орнаментальный мотив настолько, что воспринимаются как узор,

⁸ В настоящее время Дом актера им. М. Салимжанова. Был построен в 1968 г. по проекту архитекторов А.А. Спорису, В.А. Петрова, М.Г. Хайруллина.

в котором зашифрован лик. Такие маски можно рассматривать как некую логическую связку с другой важной серией Б.И. Урманче «Фантазии на тему татарского орнамента» (1964–1968).

Татарский орнамент для Б.И. Урманче являлся одним из основных маркеров национального в искусстве, и он внедрен во многие его графические, живописные, скульптурные, монументально-декоративные произведения. Планомерная работа по изучению и интерпретации татарского орнамента была начата художником еще в 1939 г.⁹ и продолжалась вплоть до середины 1980-х¹⁰. Замысел серии «Фантазии на тему татарского орнамента», вероятно, также связан с прикладной, но опять не реализованной задачей — созданием альбома татарского народного орнамента. На такую мысль наталкивают сохранившиеся в собрании семьи художника варианты эскизов обложки, титула и форзацев альбома, хранящиеся в одной папке с листами серии.

В серии фантазий на тему татарского орнамента Б.И. Урманче подходит к орнаменту творчески, следуя логике народного формотворчества, осознавая орнамент не как застывший исторический феномен, а как живую и развивающуюся традицию. Он интерпретирует особенно любимый татарами цветочно-растительный орнамент, стремясь в устоявшихся формах выявить его природные истоки, в то же время осовременить его, обобщив и стилизовав узоры прошлого, придав им динамичность. При этом художник опирается на основные типологические признаки татарского орнамента — асимметрию и полихромью.

В листах серии можно выделить три типа композиций: первый воплощает ромбовидные арабесковые узоры, которые по классификации Ф.Х. Валеева можно отнести к четвертому комплексу орнаментов казанских татар, связанных «по происхождению с общевосточным искусством... со стилевыми признаками „восточной барочности“» [11. С. 136]. В основе второго типа лежит выделение главного мотива — трилистника (тюльпана), аранжированного небольшими розетками, восточными огурцами, пальметтами. Эти композиции выполнены широкими движениями кисти с использованием древнего приема вписывания однотипных фигур друг в друга, свойственного тюркскому искусству, который характерен для техники татарской кожаной мозаики, аппликации по войлоку [11. С. 55]. Примечательно, что в листах второго типа полихромью татарского народного искусства, пресловутая яркость которой обусловлена распространением с середины XIX в. анилиновых красителей, вытеснивших природные [12. С. 36], художник замещает ограниченной

⁹ В собрании семьи художника сохранились листы из альбома с проработкой различных элементов татарского орнамента, вероятно, связанные с работой над эскизами татарских костюмов для Татарской государственной филармонии, которой Б.И. Урманче был занят в 1939–1941 гг.

¹⁰ Лист с орнаментальной композицией 1984 г., выполненный тушью, из собрания семьи Б.И. Урманче.

и сдержанной по тону цветовой палитрой, в которой преобладают коричневато-охристые и зеленоватые краски, подчеркивающие связь с природой. Третий тип представляет собой цветочно-букетные композиции, иногда дополненные ленточными узорами. Он связан с широко распространенной у татар тамбурной вышивкой, которая применялась в бытовом текстиле и одежде. В этих листах красочное многообразие тонких линий, свивающихся в прихотливые узоры, смягчается прозрачностью акварели и объединяется цветным фоном (синим, черным), играющим роль регулятора цветоотношений [12. С. 17].

Эволюция взаимовлияний и соотношений западных и восточных художественных традиций в графических сериях Б.И. Урманче особенно ярко прослеживается в сериях иллюстраций к поэме-сказке Г. Тукая «Шурале», над которыми он работал на протяжении нескольких десятилетий и которые складываются в большой цикл. Шурале — олицетворение природной стихии, лесной дух, восходящий к доисламской мифологии. По-видимому, Шурале в определенной степени являлся альтер эго самого Б.И. Урманче — для него не могла не иметь значения связь его фамилии с другим вариантом наименования шурале — урман иясе (дух леса), а также то, что Шурале был псевдонимом и самого Г. Тукая, глубоко чтимого художником [13. С. 25].

Первая серия цикла связана с оформлением книги для казанского издательства «Шарык» в 1923 г. В ней осуществлена первая в татарском книгопечатании 1920-х гг. профессиональная попытка решения книги как целостного художественного произведения, в котором продуманы практически все элементы оформления — цветные обложка и страничная иллюстрация, черно-белые заставки-иллюстрации, декоративные линейки, выполненные в технике литографии, передающей индивидуальный почерк художника. В общем ансамбле книги сказывается очевидное влияние стиля модерн и русской детской книги начала XX в. При этом художник стремится выявить национальную суть произведения не только в этнических образах героев и узнаваемом силуэте татарской деревни с минаретом мечети, но и в каллиграфичности линий и ритмике заставок, в очевидной связи декоративных элементов с характерной для татар деревянной домовой резьбой, цветочным орнаментом рукописных татарских книг. Уже здесь найдены многие образные и композиционные решения, которые Б.И. Урманче будет развивать в дальнейшем [14. С. 98].

В рисунках к «Шурале» 1934 г. из собрания Фонда Марджани прослеживаются поиски Б.И. Урманче новой образности и художественной манеры. Шурале обретает антропоморфные черты, закрепившиеся в дальнейших работах художника. Все рисунки выполнены черной тушью: один — в линейно-штриховой манере, в другом линейный абрис сочетается с размывкой тушью, моделируя фигуры и создавая «картинное» пространство листа. Обе эти манеры, реалистические в своей основе, получают развитие в сериях иллюстраций к произведениям Г. Тукая в 1940-е и 1950-е гг., соответствуя господствовавшему в советском книжном искусстве тех лет «большому стилю».

Особенно интересен третий рисунок, выполненный сухой кистью. Художник уверенной рукой создает выразительные фигуры персонажей, доводя их до знаковой завершенности. Мастерски используя белый цвет бумаги и размещение персонажей и предметов в разных планах, художник создает залитое призрачным лунным светом пространство. Здесь явственно ощущается влияние традиционной китайской живописи гохуа, с ее тонким чувством природы, умением в обобщенном образе передать наиболее характерные ее черты, с удивительным сочетанием чистого фона листа с гибкой линией и точно положенным пятном, с ее рассеянной перспективой и разомкнутой композицией, создающей ощущение неограниченного пространства [15. С. 137].

В серии «Шурале» 1960-х гг. Б.И. Урманче вновь возвращается к традициям китайской живописи, соединяя их с приемами татарского декоративно-прикладного искусства. Листы из собрания ГМИИ РТ выполнены тушью и пером, которое позволяет проводить линию разной толщины, придавая ей особую выразительность, а также размывкой тушью, что дает тональное разнообразие. В одних листах художник передает глубину пространства размещением фигур на разных планах и противопоставляет масштабы разной степени проработанности деталей и объемов. В других он подчеркивает плоскость листа, уподобляя его орнаментальному ковру. Изящные линии туши на фоне разнообразных градаций серого цвета, намечающих контуры лесного мира, и редкие пятна зеленой туши придают этим листам изысканную декоративность, подчеркнутую вкраплениями татарских узоров, в которые он трансформирует лесные цветы и травы изящными, каллиграфическими росчерками пера.

В нескольких сериях «Шурале», созданных в 1960–1970-е гг., Б.И. Урманче перебирает варианты композиций, пробует разнообразные графические материалы и техники, многократно неуловимо видоизменяет композиционные решения, добиваясь, как в каллиграфии, совершенства формы.

Апофеозом поисков образа Шурале для Б.И. Урманче стала серия 1980 г., выполненная цветной китайской тушью, из собрания ГМИИ РТ. В этой серии линия рисунка обретает поразительную свободу и динамичность, свиваясь в причудливые узоры, напоминающие петли арабской вязи, расцвеченные пятнами цветной туши, чистые цвета которой вторят россыпи самоцветов татарского ювелирного искусства, яркой раскраске татарского дома. Удивительная поэтичность образов, мягкий юмор сочетаются с природной естественностью и откровенностью нагих тел лесных существ, которых художник представляет во всем многообразии половой и возрастной принадлежности. В этой серии в полной мере проявился синтетический талант Б.И. Урманче, сплавляющего в совершенно оригинальной манере европейскую изобразительность, базирующуюся на реалистическом восприятии мира, и традиции восточных искусств — китайской живописи, арабской каллиграфии с полихромией и орнаментальностью татарского народного искусства.

Заключение

В графических сериях Баки Урманче, созданных в последний казанский период жизни, — пейзажных, на темы татарского орнамента и театральных масок, а также созданных по мотивам национальной литературы (Г. Тукая, Дәр-дмента), которая имела для художника существенное значение как выражение национального самосознания, исторической памяти народа, — особенно ярко и наглядно проявилась его художественная индивидуальность, формировавшаяся на сознательном синтезе европейской и азиатской художественных культур.

В основе творчества Баки Урманче — усвоенные им в 1920-е гг. в ведущих художественных учебных заведениях России русская академическая школа, реалистическое восприятие действительности, обогащенные художественными достижениями и открытиями русского авангарда, видевшего важнейший источник своего развития в традиционных искусствах Востока. Этот взгляд на Восток русского авангарда поддержал художника в поисках путей решения основной сверхзадачи своего искусства — формирования и развития на национальных основах нового для татарской культуры, многие века развивавшейся в условиях религиозного запрета на изображение человека и животных, изобразительного искусства.

Баки Урманче обращается к художественным традициям других восточных народов, близких ему в религиозном и ментальном отношениях, имевших богатый опыт изобразительности. Это восточная миниатюра с ее плоскостностью, изысканной линейной структурой, метафоричностью и лиризмом, тесной связью с литературой, книгой. Плодотворным для графики Баки Урманче стало освоение китайской традиционной живописи гошуа во всем историческом многообразии ее стилей. У китайцев он перенял основные приемы работы тушью, особое понимание пространства и времени, любовь к белой плоскости листа, к лаконичности и изысканности линий, философскую и символическую наполненность обыденных сюжетов.

Все эти влияния непротиворечивым образом накладывались на почти тысячелетнюю традицию арабской каллиграфии, свойственную татарскому народу и его предкам, на метафоричность национального художественного мышления, органично сочетались с полихромией и орнаментальной системой татарского декоративного искусства. Для Баки Урманче понятие национального не ограничивалось выбором сюжета и темы, но обогащалось поисками общих для разных видов татарского искусства — декоративно-прикладного, каллиграфии, — методов и приемов, привнесением в структуру произведения традиционных принципов формообразования, колорита, ритма, мелодики, воплощения того, что называют национальным духом.

Список литературы

1. *Ахмедова Н.Р.* Живопись Центральной Азии XX века: традиции, самобытность, диалог. Особенности формирования и развития. Ташкент, 2004.
2. *Султанов К.К.* Последний дагестанский европеец: ностальгический миф в прозе и живописи Халилбека Мусаясула // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 175–192. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-2-175-192>.
3. *Шагиева Р.Г.* Мәңгелек гөлләре = Шагеева Р.Г. Розы вечности: сб. ст. Казань: Заман, 2015. 464 с. (На рус., татар. яз.).
4. Новицкий А.И. Баки Урманче. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 192 с.
5. *Ахметова-Урманче Ф.В.* На музу нанизаны молитвы // Духовный мир Баки Урманче / сост. Ф.В. Ахметова-Урманче. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 88–104. (На рус., татар., англ. яз.).
6. *Мухетдинов Д.В.* Восток близкий и живой // Взгляд на Восток в российском изобразительном искусстве XIX–XXI веков / сост., отв. ред. Р.Р. Сулейманов. М.: Фонд Марджани, ИД «Медина», 2023. С. 11–19.
7. *Шевченко А.В.* Нео-примитивизм. Его теория. Его возможности. Его достижения. М., 1913. 36 с.
8. *Баки Урманче.* Юбилейная художественная выставка: каталог / сост. кат. Н. Саттарова. Казань, 1970.
9. *Благов Ю.А., Илялова И.И.* Театр // Татарская энциклопедия: в 6 томах. Т. 5. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2010. С. 600–601.
10. *Мингалеев М.И.* Искусство графики Баки Урманче. Истоки, традиции и новаторство. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021.
11. *Валеев Ф.Х.* Орнамент казанских татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1969.
12. *Гулова Ф.Ф.* Татарская национальная обувь: искусство кожаной мозаики. Казань: Татар. кн. изд-во, 1982.
13. *Улемнова О.Л.* Графика Баки Урманче // Баки Урманче. Живопись. Графика. Скульптура. Декоративно-прикладное искусство. Каталог выставки «Баки Урманче. Арабески судьбы. К 115-летию со дня рождения художника». Казань: Заман, 2012. 160 с. (На рус., татар., англ. яз.). С. 24–25.
14. *Улемнова О.Л.* Казанская графика 1920–1930-х годов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2018.
15. Традиционное искусство Востока: терминологический словарь / Виноградова Н.А., Каптерева Т.П., Стародуб Т.Х. М.: Эллис Лак, 1997.

References

1. Akhmedova, N.R. 2004. Painting of Central Asia of the twentieth century: traditions, identity, dialogue. Features of formation and development. Tashkent. Print. (In Russ.)
2. Sultanov, K.K. 2022. “The Last Dagestan European: Nostalgic Myth in Prose and Painting by Khalilbek Musayusul.” Polylinguality and transcultural practices, vol. 19, no. 2, pp. 175–192. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-2-175-192>. Print. (In Russ.)
3. Shageeva, R.G. 2015. Roses of eternity. Kazan: Zaman publ. Print. (In Russ, Tatar)
4. Novitsky, A.I. 1994. Baki Urmanche. Kazan: Tatar book publ. Print. (In Russ.)
5. Akhmetova-Urmanche, F.V. 2005. “Prayers are threaded on the Muse.” In Baki Urmanche’s spiritual world. Kazan: Tatar book publ. Print. (In Russ., Tatar, Eng.)
6. Mukhetdinov, D.V. 2023. “Close and Living East.” A Look at the Orient in Russian fine art of the 19th–21th centuries. Edited by R.R. Suleimanov. Moscow: Fond Mardzhani, Medina Publ., pp. 11–19. Print. (In Russ., Eng.)
7. Shevchenko, A.V. 1913. Neo-primitivism. Its theory. Its capabilities. Its achievements. Moscow. Print. (In Russ.)

8. Baki Urmanche. Anniversary art exhibition. Catalog. 1970. Edited by N. Sattarova. Kazan. Print. (In Russ.)
9. Blagov, Yu.A., and I.I. Ilyalova. 2010. "Theatre." Tatar encyclopedia. In 6 vols. Vol. 5. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia publ., pp. 600–601. Print. (In Russ.)
10. Mingaleev, M.I. 2021. The art of graphics by Baki Urmanche. Origins, traditions and innovation. Kazan': IIYALI named after G. Ibragimov publ. Print. (In Russ.)
11. Valeev, F.Kh. 1969. The ornament of the Kazan Tatars. Kazan: Tatar book publ. Print. (In Russ.)
12. Gulova, F.F. 1982. Tatar national shoes: the art of leather mosaic. Kazan: Tatar book publ. Print. (In Russ.)
13. Ulemnova, O.L. 2012. "Baki Urmanche's Graphic Art." In Baki Urmanche. Painting. Graphic Arts. Sculpture. Arts and Crafts. Exhibition Catalogue "Baki Urmanche. Destiny Arabesques. 115th Birthday Anniversary of Artist." Kazan: Zaman Publ., pp. 24–25. Print. (In Russ., Tatar, Eng.)
14. Ulemnova, O.L. 2018. Kazan Graphic Arts of the 1920s and 1930s. Kazan: IIIYALI named after G. Ibragimov publ. Print. (In Russ.)
15. The traditional art of the East. Terminology Dictionary. 1997. Edited by N.A. Vinogradova, T.P. Kaptereva, T.Kh.Starodub. Moscow: Ellis Lak publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Улемнова Ольга Львовна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Центра искусствоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Карла Маркса, д. 12/4. eLibrary SPIN-код: 8301-7158. ORCID: 0000-0003-1379-2986. E-mail: oulemnova@mail.ru

Bio note:

Olga L. Ulemnova is a Candidate of Art History, Leading Researcher at the Center for Art History of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 12/4 Karl Marx St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 8301-7158. ORCID: 0000-0003-1379-2986. E-mail: oulemnova@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-583-590

EDN: PMXXBU

Научная статья / Research article

Иляхи и мунаджат в духовной музыкально-поэтической культуре турок и татар: к вопросу общности традиций

Г.Г. Гилемьянова^{ORCID}

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ golnaz-kazan@mail.ru

Аннотация. В исследовании поднимаются вопросы общности духовных песнопений татар и турок — *мунаджатов* и *иляхи*. Обозначенные проблемы рассматриваются в контексте религиозных музыкально-поэтических традиций двух тюркских народов. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена необходимостью изучения татарской культуры как неотъемлемой части исламской цивилизации. Изучение общих и локальных особенностей бытования этих жанров помогает проследить преемственность и эволюцию традиций в разных историко-культурных условиях. В настоящей работе впервые изучаются аспекты, связанные с пониманием места и роли *иляхи* и *мунаджатов* в духовной культуре турок и татар, выявления общих черт в бытовании этих жанров. Исследование проводилось на основе сравнительно-исторического и компаративного метода. Прослеживаются параллели между турецкими *иляхи* и *мунаджатами* татар, которые определяются посредством символического понимания божественного, молитвы и любви к Богу через выражение их посредством музыкально-поэтических средств, функций, тематики, сюжетов, форм и особенностей бытования. Совокупность общих черт позволяет в дальнейшем как сопоставить эти жанры в ракурсе общих традиций духовной культуры двух тюркских народов, так и выявить их локальные особенности.

Ключевые слова: духовные песнопения, духовная музыкально-поэтическая культура, исламская культура, иляхи, мунаджаты, средневековая татарская поэзия, суфизм

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Гилемьянова Г.Г. Иляхи и мунаджат в духовной музыкально-поэтической культуре турок и татар: к вопросу общности традиций // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 583–590. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-583-590>

© Гилемьянова Г.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

***Ilahi* and *Munajat* in the Spiritual Musical and Poetic Culture of Turks and Tatars: On the Issue of Common Traditions**

Gulnaz G. Gilemyanova^{ORCID}

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*

✉ golnaz-kazan@mail.ru

Abstract. The paper raises the issues of the commonality of the spiritual chants of the Tatars and Turks — *munajats* and *ilahi*. These problems are considered in the context of the religious musical and poetic traditions of the two Turkic peoples. The relevance of the study of this issue is due to the need to study Tatar culture as an integral part of Islamic civilization. The study of the general and local features of the existence of these genres helps to trace the continuity and evolution of traditions in different historical and cultural conditions. This study for the first time examines aspects related to understanding the place and role of *ilahi* and *munajats* in the spiritual culture of Turks and Tatars, identifying common features in the existence of these genres. The study was conducted on the basis of a comparative historical and comparative method. The article traces the parallels between the Turkish *ilahi* and the *munajats* of the Tatars, which are determined through a symbolic understanding of the divine, prayer and love for God through their expression through musical and poetic means, functions, themes, plots, forms and features of existence. The combination of common features makes it possible to further compare these genres both from the perspective of the common traditions of the spiritual culture of the two Turkic peoples, and to identify their local features.

Key words: spiritual chants, spiritual musical and poetic culture, Islamic culture, *ilahi*, *munajats*, medieval Tatar poetry, Sufism

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Gilemyanova, G.G. 2024. “*Ilahi* and *Munajat* in the Spiritual Musical and Poetic Culture of Turks and Tatars: On the Issue of Common Traditions.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 583–590. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-583-590>

Введение

Татарский народ, являясь частью тюркского и исламского мира, на протяжении столетий развивается в тесной взаимосвязи с культурой мусульманских народов. Особое место занимает пласт духовной культуры, представленный религиозными обрядами, литературными и поэтическими произведениями и традицией мелодизированного исполнения поэтических текстов, являющейся неотъемлемой частью этого наследия. Воспевание божественного, любовь к Богу и мольба есть те основы, на которых развивается музыкально-поэтическая культура исламского мира, представленная разными жанрами и формами.

В данной работе рассматриваются феномены турецкой и татарской культуры, отражающие духовные чаяния этих народов, воплощенные в жанрах турецких *ильяхи* и татарских *мунаджатов*. В современной культуре татар

и турок эти виды духовных песнопений получили большую популярность. Изучение истории бытования *ияхи* и *мунаджатов* в традиционной культуре татар и турок и их понимания в современной культуре, рассмотрение этих явлений в рамках общей музыкально-поэтической традиции проливает свет на многие процессы в культурах родственных народов.

Затронутая тема охватывает самый широкий спектр вопросов, связанных со средневековой общемусульманской культурой, суфизмом, музыкальными и поэтическими традициями разных народов.

В данном исследовании впервые исследуются аспекты, связанные с пониманием места и роли *ияхи* и *мунаджатов* в духовной культуре турок и татар, выявлением общих черт в бытовании жанров, формах и сюжетах.

Обсуждение

Взаимосвязи между татарским и турецким народами уходят в глубокую историю. Близость языков, религии, культуры и традиций обусловили тесные политические, экономические и культурные взаимоотношения двух народов в разные периоды их истории. Литературные и культурные связи татар и турков неоднократно освещались в трудах И. Тагирова, Х. Миннегулова, Н. Хисамова, Ф. Сайфуллиной, А. Сибгатуллиной, И. Мухаметова и др. Общность литературного языка обусловила широкое распространение разных явлений мусульманской культуры и литературы в рамках всего тюркского мира [1]. В этом едином пространстве еще с периода средневековья развивалась духовная музыкально-поэтическая культура¹, в которую входят рецитация религиозных текстов — священной книги мусульман Корана, азан, суфийские обряды, мелодизированное исполнение поэтических текстов различных форм и жанров.

Среди общих для мусульманского мира явлений, форм и жанров выделяются *ияхи* и *мунаджаты*. Они были распространены во всех мусульманских культурах, но у отдельных народов — в частности у турок и татар — получили особую популярность.

Слово *мунаджат* происходит от арабского *najv*, что означает «шептать» и «делиться секретом». Обычно оно употребляется в значении «умолять, просить и молиться». Как литературный термин он в основном относится к стихотворным и прозаическим произведениям, написанным с целью обращения к Аллаху.

Мунаджат — как жанр поэтической молитвы² является одним из самых распространенных в тюркской религиозно-мистической поэзии, что обусловлено «самой его спецификой, поскольку свободная молитва, наряду с молитвой ритуальной, составляет один из наиважнейших аспектов мусульманской

¹ В отношении распеваемых поэтических текстов было бы более уместно говорить о *поэтико-музыкальных* традициях. Однако в данной работе эти традиции используются в общепринятом в отечественной науке обозначении как *музыкально-поэтические*.

² Так характеризует мунаджат Н.Р. Абдульвапов [2].

духовной жизни», — пишет исследователь крымско-татарской культуры Н. Абдульвапов [2].

В турецкой религиозной музыке *мунаджатами* называются стихи, читаемые вместе с прославлениями на минарете перед утренним призывом к молитве в течение месяца Рамадан [3. С. 562–564]. Но особую популярность у турок приобрели *ияхи* — букв. с араб. «божественный».

Понятие *ияхи* относится к широкому кругу музыкально-поэтических текстов религиозного содержания, бытующих у разных народов, и обозначает «общее название стихотворений религиозно-мистической поэзии» [4. С. 64–68]. Если изначально так называли любые тексты религиозной тематики, позже название *ияхи* перешло в категорию текстов суфийских авторов и они стали частью суфийских ритуалов.

Сегодня в турецкой культуре *ияхи* является одним из наиболее популярных жанров турецкой религиозной музыки. Исследованию этого пласта культуры посвящено большое количество литературы турецких авторов. Среди них труды В. Фельдмана [5], Э. Атеша [6], М. Демирджи [7] и других ученых.

Как отмечает автор книги «*Самі musikisi*» («*Музыка мечети*») Э. Атеш, «основная функция *ияхи* — поминание Аллаха в суфийских зикрах» [6. С. 117]. *Иляхи* сопровождают мусульманина от рождения до смерти и исполняются по поводу любых событий и в любых условиях — рождение, смерть, суннат, свадьба, проводы солдат, поминки и других общественных мероприятиях.

В турецкой культуре исследователи делят их на два вида — *ияхи мечетей* и *ияхи текке*. В суфийских традициях *ияхи* являются основной формой музыки и составной частью суфийских ритуалов. Они могут иметь различные названия в зависимости от тематики, которой посвящены, — *ияхи Рамадана*, *ияхи хаджа*, *ияхи Мубаррама*, *ияхи Таухида*, *ияхи благодарности* и др. [7. С. 158; 9. С. 117]

При разнообразии форм и тематики основным философским стержнем *ияхи* является воспевание божественного, любовь к Богу, Пророку, молитва, мольба.

*“Binlerce ağızdan bir ilahi gibi engin
Sesler denizin ufrunu uçtan uca sardı.”*

«Словно иляхи из тысяч уст

Могучие голоса охватили горизонт моря от начала до конца».

Пер. Г. Гилемьяновой [7. С. 27].

Иляхи как жанр традиционной музыкально-поэтической культуры сегодня распространен у крымских татар, башкир и других тюркских народов³. Но в современной традиции поволжских татар *ияхи* не практикуются. Тем не менее сохранилось большое количество текстов *ияхи* в поэзии татар XVIII в.,

³ Об этом, в частности, писала Г.Р. Туймова [9].

по которым мы можем судить о существовании этой традиции у татар в прошлом. Так, в сборнике «XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия» («Татарская литература XVIII века. Поэзия») [10], наряду с жанрами *мунаджата*, *касыды*, *рубайи*, наибольшее количество текстов составляют *илаһи баиты*. Они представляют собой поэтические тексты разной тематики — от любовной лирики до религиозно-назидательной поэзии, проникнутые традициями суфизма. Сохранившаяся в названии текстов категория *илаһи* свидетельствует о некогда чисто религиозном понимании жанра, что отмечает и исследователь средневековой музыкальной культуры татар Г. Макаров [11].

Когда и почему термин *илаһи* перестал бытовать в культуре татар? Этот аспект истории татарской культуры еще ждет дальнейших исследований.

Основополагающие постулаты суфийского мира, такие как любовь к Богу, мольба и воспевание божественного в современной духовной культуре татар, отразились в другой категории духовных песнопений — *мунаджатах*, получивших у татар широкое распространение. В XX в. *мунаджаты* «становятся едва ли не главной формой выражения религиозных чувств и религиозной информации для мусульман на родном языке» [12].

В татарской культуре *мунаджат* также имел значение мольбы к Аллаху и понимался как религиозный жанр⁴. В арабско-татарско-русском словаре заимствований *мунаджат* трактуется как «мольба к Аллаху, славословие; религиозный гимн, псалом» [13. С. 370]. Исследователь татарского фольклора М. Бакиров характеризует мунаджат как «своеобразный жанр мусульманской культуры, занимающий промежуточное положение между фольклором и письменной литературой» [14. С. 326]. При этом М. Бакиров, как и многие другие исследователи мунаджатов в татарской культуре [15, 16, 12] подчеркивает их глубокую связь с суфизмом.

Обусловленные социополитическими условиями, в XX в. круг поэтических текстов, относимый к *мунаджатам*, значительно расширяется. Процессы трансформации жанра изучались в работах Г. Сайфуллиной, которая отмечает, что «в XX веке в репертуар мунаджатов (как текстовый, так и музыкальный) попадают формы и жанры изначально других функций и содержания, и под этим словом начинают пониматься разные музыкально-поэтические формы, так или иначе связанные с религиозной тематикой, вне зависимости от структуры и функционального предназначения. Это могут быть прославления Пророка Мухаммада (*мадхия*, *салаваты*), «приветствия Рамазану» и прощание со священным месяцем (*Элvidaг*), тексты, представляющие по своей структуре *зикры* и др.» [12. С. 230].

Мунаджаты занимают большое место в современной религиозной обрядовости татар-мусульман. Как элемент современной ритуальной практики (и в том числе ритуальной музыкальной) они изучались А. Софийской [17].

⁴ Вопросы религиозных музыкально-поэтических традиций татар затрагивались в работах Г. Исаковой-Вамбы, Г. Сайфуллиной, А. Софийской, Г. Туймовой и др.

В категориях турецких *ияхи* и *мунаджатах* татар мы видим множество пересечений, которые прежде всего определяются через символическое понимание божественного, молитвы и любви к Богу и выражением их посредством общих для всего исламского мира музыкально-поэтических традиций. Жанровые параллели обнаруживаются и в функциях *ияхи* и *мунаджатов* в духовной культуре народов, тематике, сюжетах, формах и особенностях бытования. Совокупность общих черт позволяет сопоставить эти жанры в ракурсе общих традиций духовной культуры двух тюркских народов.

О схожести татарских *мунаджатов* с турецкими *ияхи* писали исследователи суфийских традиций и музыкально-поэтической культуры татар А. Сибгатуллина, Г. Сайфуллина, Г. Туймова. Так, А. Сибгатуллина отмечает: «Мөнажәтләр белән илаһилар арасындагы тышкы охшашлыклар булу белән беррәттән, уртақ эчтәлекле һәм формалы әсәрләр дә күп очрый». *Наряду с внешней схожестью мунаджатов и ияхи, встречаются много произведений, схожих по содержанию и форме* (пер. Г. Гилемьяновой) [16. С. 320].

В современной практике *ияхи* турок и *мунаджатов* татар можно отметить большое количество образцов, близких по сюжетам, образам и функциям — «Амина ханум», «Мархаба», «Элвидаг» и др. Один из ярких примеров таких культурных параллелей — *мунаджата* татар «Вайсекарани» с *ияхи* турецкого мистика Ю. Эмре описан в статье Г. Сайфуллиной «Вайсел-Карани на казанской земле» [18].

Среди общих тенденций в развитии этих жанров является и их близость в современной культуре к песням. Турецкие авторы отмечают схожесть *ияхи* с песнями, от которых они отличаются содержанием, мелодией, ритмикой, стилем и манерой исполнения [6. С. 117; 8. С. 158]. Тенденции в бытовании *мунаджатов* в татарской среде также показывают их постепенное сближение с жанром песни, что проявляется как в тематике, так и в мелодике *мунаджатов* [12].

Заключение

Берущие свое начало в культуре средневекового Востока традиции духовных мусульманских песнопений продолжают развиваться на почве разных этносов, в разных социально-политических условиях. В культуре каждого народа они обретают свое неповторимое звучание, однако продолжают быть носителями единого пласта мусульманской культуры, отражают общие истоки и историю развития музыкально-поэтических традиций татар и турок.

Затронутые в данной статье вопросы общности турецких *ияхи* и татарских *мунаджатов* показали наличие многих параллелей в контексте их бытования, происхождения, природы этих явлений, общности текстов и жанровых составляющих, а также тенденций развития в современной культуре.

Дальнейшие исследования как музыкально-поэтической, так и содержательной стороны *ияхи* и *мунаджатов* могут привести к интересным откры-

тиям, способствующим более глубокому пониманию культурно-исторических процессов как отдельного народа, так и взаимосвязей родственных народов в истории мировой культуры.

Список литературы

1. Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.) / под ред. Н.Ш. Хисамова. Казань: Фэн, 1999.
2. *Абдульванов Н.Р.* Особенности жанра поэтической молитвы «мунаджат» на примерах из крымскотатарской поэзии XV–XIX вв. // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. № 6. С. 62–71.
3. *Muhsin Macit.* Mûnâcat // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm ansiklopedisi. 31 C. İstanbul: TDV İslam Araştırmaları Merkezi, 2000. 581 s. S. 562–564. = *Мухсин Мажит.* Мунаджат // Исламская энциклопедия Турецкого религиозного фонда. Т. 31. Стамбул: Центр исламских исследований TDV, 2000. 581 с. С. 562–564.
4. *Uzun M.İ.* İlahi // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm ansiklopedisi. 22 C. İstanbul: TDV İslam Araştırmaları Merkezi, 2000. 586 s. S. 64–68. = *Узун М.И.* Иляхи // Исламская энциклопедия Турецкого религиозного фонда. Т. 22. Стамбул: Центр исламских исследований TDV, 2000. 586 с. С. 64–68.
5. *Feldman W.* ‘The Musical ‘Renaissance’ of Late Seventeenth Century Ottoman Turkey: Reflections on the Musical Materials of Ali Ufki Bey (ca. 1610-1675), Hafız Post (d. 1694), and the ‘Maraghi’ Repertoire // Writing the History of Ottoman Music / ed. by M. Greve. Würzburg: Ergon Verlag, 2015. No. 87. 138 p.
6. *Ateş E.* Cami musikisi. İstanbul, 2018. = *Атеиш Е.* Музыка мечети. Стамбул, 2018.
7. *Demirci M.* Türk din musikisinin 200ü. Ankara, 2017. 320 s. = *Демирджи М.* Двести лет из турецкой религиозной музыки. Анкара, 2017. 320 с.
8. *Türk din musikisi* / ed. by A.H. Turabi. Ankara, 2021. 352 s. = Турецкая религиозная музыка / под ред. А.Х. Тураби. Анкара, 2021.
9. *Туймова Г.Р.* Религиозные музыкально-поэтические жанры в традиционной музыке крымских татар: мавлид и иляхи: дис. ... канд. иск. Казань, 2008. 209 с.
10. *Вәлиуллина Ф.* XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия. Казан: «Дом печати» нәшрияты, 2006. 363 б. = *Вәлиуллина Ф.* Татарская литература XVIII века: поэзия. Казань: Издательство «Дом печати», 2006.
11. *Макаров Г.М.* Музыка старотатарской письменной поэзии как составная часть средневековой элитарной культуры Волго-Камского региона // Музыка. Искусство, наука, практика: научный журнал Казанской государственной консерватории имени Н.Г. Жиганова. 2016. № 1. С. 29–40.
12. *Сайфуллина Г.Р.* Татарский мунаджат: трансформация жанра // Музыка народов мира. Проблемы изучения. Вып. 2. 2017. С. 219–234.
13. *Мәхмүтов М.И.* Татарча-гарәпчә-русча алынмалар сүзлеге. Т. 1. Казань: Иман, 1993. 448 б. = *Махмүтов М.И.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Т. 1. Казань: Иман, 1993.
14. *Бакиров М.Х.* Татарский фольклор: монография. 2-е изд. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018.
15. *Хәснүллин К.М.* Мөнәжәтләр һәм бәетләр. Казан: Раннур, 2001. = *Хуснуллин К.М.* Мунаджаты и байты. Казань: Раннур, 2001.
16. *Сибгатуллина А.Т.* Суфизм в татарской литературе (истоки, тематика и жанровые особенности): дис. ... д-ра фил. наук. Елабуга, 2000.
17. *Софийская А.Б.* Музыкальные аспекты религиозных праздников татар-мусульман Поволжья: дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 2007.
18. *Сайфуллина Г.Р.* «Вайсел-Карани на казанской земле» // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2007. № 1. С. 197–201.

References

1. Khisamov, N.Sh. eds. 1999. Medieval Tatar literature (VIII–XVIII centuries). Kazan: Fan publ. Print. (In Russ.)
2. Abdulvapov, N.R. 2018. “Features of the genre of poetic prayer “munajat” on examples from Crimean Tatar poetry XV–XIX centuries.” *Issues of Crimean Tatar philology, history and culture*, no 6, pp. 62–71. Print. (In Russ.)
3. Muhsin, M. 2000. “Münacat.” In *Encyclopedia of Islam of the Religious Foundation of Turkey*. Vol. 31. Istanbul: TDV Islam Araştırmaları Merkezi. Print. (In Turkish)
4. Uzun, M.İ. 2000. “İlahi.” In *Encyclopedia of Islam of the Religious Foundation of Turkey*. Vol. 22. Istanbul: TDV Islam Araştırmaları Merkezi. Print. (In Turkish)
5. Feldman, W. 2015. “The Musical ‘Renaissance’ of Late Seventeenth Century Ottoman Turkey: Reflections on the Musical Materials of Ali Ufki Bey (ca. 1610–1675), Hafiz Post (d. 1694), and the ‘Maraghi’ Repertoire.” In Greve, M. (eds.), *Writing the History of Ottoman Music*. Würzburg: Ergon Verlag. Print.
6. Ateş, E. 2018. *Cami musikisi [Music of the mosque]*. İstanbul. Print. (In Turkish)
7. Demirci, M. 2017. *Türk din musikisinin 200ü. [Two Hundred Years of Turkish Religious Music]* Ankara. Print. (In Turkish)
8. Turabi, A.H. eds. 2021. *Türk din musikisi [Turkish religious music]* Ankara. Print. (In Turkish)
9. Tuimova, G.R. 2008. *Religious musical and poetic genres in the traditional music of the Crimean Tatars: mavlid and İlahi: Cand. of Art History Thesis*. Kazan: Print. (In Russ.)
10. Valiullina, F. 2006. *XVIII Gasyr Tatar әдәбияты. Poetry [Tatar literature of the 18th century. Poetry]*. Kazan: Dom pechati publ. Print. (In Tatar)
11. Makarov, G.M. 2016. “Music of Old Tatar written poetry as a component part of the medieval elite culture of the Volga-Kama region.” *Music. Art, Science, Practice: Scientific Journal of the Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganov*, no. 1, pp. 29–40. Print. (In Russ.)
12. Sayfullina, G.R. 2017. “Tatar munajat: transformation of the genre.” *Music of the peoples of the world. Problems of study*, vol. 2, pp. 219–234. Print. (In Russ.)
13. Makhmutov, M.I. 1993. *Arabic-Tatar-Russian dictionary of loanwords*. Vol. 1. Kazan: Iman publ. Print. (In Tatar)
14. Bakirov, M.H. 2018. *Tatar folklore*. Kazan: Publishing of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Print. (In Russ.)
15. Khosnullin, K.M. 2001. *Munazhaty and baity*. Kazan: Rannur publ. Print. (In Tatar)
16. Sibgatullina, A.T. 2000. *Sufism in Tatar literature (origins, themes and genre features): Dr. of Philol. Sciences Thesis*. Elabuga. Print. (In Russ.)
17. Sofiyskaya, A.B. 2007. *Musical aspects of the religious holidays of the Tatar-Muslims of the Volga region: Cand. of Art History Thesis*. Kazan. Print. (In Russ.)
18. Sayfullina, G.R. 2007. “Vaisel-Karani on the Kazan land.” *Gasyrlar avazy [Echo of centuries]* no. 1, pp. 197–201. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Гилемьянова Гульназ Гилфановна — научный сотрудник Центра искусствоведения академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12/4. SPIN-код: 2620-8286. ORCID: 0009-0000-5228-0540. E-mail: golnaz-kazan@mail.ru

Bio note:

Gulnaz G. Gilemyanova is a Researcher at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 12/4 K. Marksa St, Kazan, 420111, Russian Federation. SPIN-code: 2620-8286. ORCID: 0009-0000-5228-0540. E-mail: golnaz-kazan@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-591-600

EDN: POMCPM

Научная статья / Research article

Джинны в турецкой и татарской культуре: невидимое соседство

Л.Х. Давлетшина^{ORCID}

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Республики Татарстан, Российская Федерация
✉ leyla.davletshina@yandex.ru

Аннотация. Джинн как мифологический персонаж, восходящий своими корнями к мусульманской традиции, находит широкое распространение в культуре народов, исповедующих ислам, и не теряет своей актуальности по сей день. В настоящей статье рассмотрены модели взаимоотношений джиннов и людей в турецкой и татарской культуре в аспекте категории соседства. Основные задачи: обобщить имеющийся репрезентативный материал о джиннах в турецком и татарском фольклоре, сопоставить комплекс представлений об основных характеристиках джинна в обеих культурах, рассмотреть практику взаимоотношений между джиннами и людьми. В результате проведенного исследования выявлено, что модели взаимоотношений между представителями людей и их невидимых соседей в турецкой и татарской культуре во многом базируются на похожих семантических элементах: джинны вездесущи, легко нарушают границы и проникают в человеческий мир, вредят людям, что приводит к возникновению системы запретов и ритуальных практик, которые перекликаются с социокультурными моделями коммуникации в обществе. Однако степень регламентации поведения между джиннами и людьми имеет свою национальную специфику в каждой рассматриваемой культуре.

Ключевые слова: ислам, верования, ритуал, фольклор, джинны

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Давлетшина Л.Х. Джинны в турецкой и татарской культуре: невидимое соседство // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 591–600. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-591-600>

© Давлетшина Л.Х., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Djinn in Turkish and Tatar Culture: The Invisible Neighborhood

Leila Kh. Davletshina^{ORCID}

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation*
✉ leyla.davletshina@yandex.ru

Abstract. The jinn as a mythological character, whose roots go back to the Muslim tradition, is widely spread in the culture of the peoples professing Islam, and does not lose its relevance to this day. This article examines the models of the relationship between jinn and humans in Turkish and Tatar culture in the aspect of the neighborhood category. Main tasks: to summarize the available representative material about jinn in Turkish and Tatar folklore, to compare a set of ideas about the main characteristics of the jinn in both cultures, to consider the practice of relationships between jinn and humans. As a result of the conducted research, it was revealed that the models of relationships between representatives of people and their invisible neighbors in Turkish and Tatar culture are largely based on similar semantic elements: jinns are omnipresent, easily violate borders and penetrate into the human world, harm people, which leads to the emergence of a system of prohibitions and ritual practices that echo sociocultural models of communication in society. However, the degree of regulation of behavior between djinn and humans has its own national specifics in each culture under consideration.

Key words: Islam, beliefs, ritual, folklore, jinn

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Davletshina, L.Kh. 2024. “Djinn in Turkish and Tatar Culture: The Invisible Neighborhood.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 591–600. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-591-600>

Введение

Соседство как социальное явление возникает в рамках выстраивания отношений между индивидами в ходе повседневной деятельности и случайных взаимосвязей. В социально-культурной антропологии под соседями подразумеваются те, кто «связан единой территорией, материальностью, идентичностями, вовлекающими индивидов в чувственные и эмоциональные переживания» [1. С. 140]. Границы соседства могут как расширяться, так и сужаться в зависимости от того, в какой социальной ситуации находятся соседи: многоквартирные дома, где это понятие может концентрироваться на соседних квартирах, этажах, в домах; деревенский социум, который полностью пронизан взаимоотношениями соседства, а также соседние регионы, государства и т.д. Структура «соседства» строится на близости и в связи с этим необходимо учитывать и управлять различиями, которые существуют между соседями, на основе которых выстраивается регламент поведения не только между представителями одной этнической группы, но и между представителями

иного народа, иной этнической культуры, иного языка и иной религии. В то же время понятие соседства распространяется не только на взаимоотношения между людьми, но и на представителей нечеловеческого происхождения (мифологические персонажи как положительные, так и отрицательные), с которыми человек соседствует с незапамятных времен.

Выстраивание взаимоотношений между представителями видимых и невидимых миров находит свое отражение в языке, фольклоре, ритуальных практиках, повседневном регламенте взаимодействия и базируется на определенных социальных механизмах. «Подобное соседство может быть непосредственным или опосредованным, но сам факт такого сосуществования и соприсутствия рождает целый пласт культуры взаимодействия с живущими рядом людьми и не-людьми. Соседа принято знать — и люди развивали свои практики познания нечеловеческих соседей, структуры их сообществ, их обычаев, привычек, особенностей поведения» [2. С. 8]. В зависимости от религиозно-мифологической традиции жители иных миров могут представлять собой самых разных персонажей как многочисленных, так и немногочисленных, определенным образом влияющих на людей и в то же время зависимых от представителей человечества.

Одним из таких наиболее узнаваемых мифологических персонажей являются джинны, широкое распространение верований о которых связано с мусульманской культурой. Ислам дает исчерпывающий ответ на вопрос о происхождении джиннов и территории их обитания, которая находится рядом с человеком в параллельном мире. Специфика отношений между людьми и джиннами напрямую связана с категорией соседства, так как именно джинны находятся рядом с человеком постоянно, периодически проникают в его жизненное пространство, организуют похожие социальные связи в своем иномирном существовании, что обуславливает возникновение текстуальных репрезентаций этих взаимоотношений и возникновение ритуальных практик и превентивных мер в национальных культурах, которые представляют собой «совокупность материальных и духовных ценностей, сложившихся <...> на основе традиций, обычаев и обрядов, поведенческих норм, социальных взаимоотношений и др.» [3. С. 628].

Исследованию специфики взаимоотношений людей и джиннов в различных культурах посвящены многочисленные работы как зарубежных, так и отечественных исследователей¹ [4–6]. Однако в большинстве случаев речь идет об образе джинна в арабской мифологии и мусульманской магии в целом; о регламенте взаимоотношений с этим персонажем, пространственном сосуществовании людей с ним в мифологиях народов, исповедующих ислам, которое в том числе проецируется на социальные отношения. В то же время вопрос

¹ В библиографии представленных в списке литературы работ можно посмотреть ключевые публикации по исследованию как доисламских, так и мусульманских верований о джиннах.

о вариативности или постоянстве комплекса представлений о взаимоотношениях с джиннами в близких культурах до сих пор в науке не ставился.

Ввиду этого в фокус нашего внимания включены мифологические представления о джиннах в турецкой и татарской культурах. Причина подобного выбора кроется в следующем: во-первых, и турецкий, и татарский народы относятся к одной языковой семье и имеют много общего в духовной культуре; во-вторых, оба народа исповедуют ислам и обе культуры являются принимающими для мусульманской мифологии; в-третьих, они территориально расположены достаточно далеко друг от друга, что послужило причиной для формирования специфических традиций и обычаев этих народов, обусловленных историческими реалиями существования, их взаимоотношениями с соседями и другими факторами; в-четвертых, между татарским и турецким народами исторически сложились очень тесные связи, которые нашли отражение в различных областях социальной и духовной жизни. Сравнение двух культур с генетически схожим комплексом первоначальных верований и принципиальной разницей в среде обитания и исторического развития, на наш взгляд, позволит выявить ядро мифологических представлений о джиннах и в то же время определить особенности взаимоотношений людей с мифологическими соседями. В связи с этим в настоящей статье будут рассмотрены модели соседства джиннов и людей в турецкой и татарской культурах и ответить на следующие вопросы. Как выглядит мифологический сосед, где обитает и чем занимается? Какие границы проходят между соседями и как они сосуществуют в рамках этих границ? Как строятся взаимоотношения между соседями и какие ритуальные практики являются преваляющими в их общении? В качестве материала для исследования привлекаются опубликованные источники по турецкому и татарскому фольклору, а также отдельные научные работы в этой области [7; 8].

Обсуждение

Джинны были известны в Аравии еще «в доисламскую эпоху как неперсонифицированные божества, которых мекканцы считали родственными Аллаху (Коран 37:158) и ставили рядом с ним (6:100). Для жителей Внутренней Аравии VI–VII вв. весь окружающий их мир — пустыни, горы, камни и деревья был населен джиннами; они считались в основном враждебными людям, но их можно было задобрить, поклоняясь им и принося жертвы, у них можно было искать помощи (Сура Аль Анаам, аят 100, 128; Сура Ас Саффат, аят 158; Сура Аль Джин, аят 6)» [9. С. 374]. Согласно мусульманской традиции, джинны созданы Аллахом из бездымного огня и представляют собой воздушные или огненные тела, обладающие разумом и принимающие любую форму. Некоторые из них приняли ислам и уверовали в Аллаха, поэтому в народном сознании возникло их разделение на джиннов-мусульман и джиннов-неверных. Проникновение представлений о джиннах в мифологию тюркоязыч-

ных народов связано с распространением мусульманской религии. Но в то же время амбивалентность и многофункциональность этого персонажа в различных культурах обусловлена синтезом локального комплекса мифологических верований о нечистой силе в принимающей культуре и религиозными представлениями, воспринятыми вместе с исламом.

1. Номинации джиннов

Турки: Cinler (джинны), İyi Saatte Olsunlar (да пребудут они в добрый час), Bizden İyiler (те, кто лучше нас), Üç harfliler (те, кого называют тремя буквами), Gaipdenler (Исчезнувшие), İfrit (Ифрит), İbliz (Иблис), İsmi Lazım Değiller (Те, кому не нужны имена), Arap (арап), Öcü (олицетворение зла), Umacı (олицетворение зла), Niyazi, Abdurezzak, Ali, Таууibe, Muhbet Hanım (имена людей).

Татары: Жен (джен), шайтан, зэхмэт (пер. ‘болезнь, хворь, страдание’), жен-зэхмэт, жен-шайтан, пэри (пери), жен-пэри, гыйлем женнэре (пер. ‘ученый жен’), мөселман женнэре (пер. ‘жен мусульманин’), шэйтани женнэр (пер. ‘джен-шайтан’), начар женнэр (плохие джен), усал (злой), йөзе кара (черный лицом) и др.

Возможная опасность, которая может исходить от джиннов, привела к тому, что в турецкой культуре их имена табуированы, поэтому джиннов часто не называют отдельным именем, а используют для этого абстрактные понятия или же имена людей. В частности, если разговор о джиннах происходит после полудня, т.е. во время активизации нечистой силы, говорящего предупреждают, что он не должен называть их по имени, так как джинны, которые могут оказаться поблизости, предпримут действия, наносящие вред рассказчику.

В татарской культуре такого табуирования нет, джиннов называют общепринятыми именами, в то же время используются синонимичные пары джен-шайтан, джен-пери, которые восходят к мусульманской и иранской мифологии соответственно.

В других названиях персонажа у обоих народов превалирует акцент на функционал этого персонажа, основным действием которого является насыление болезней на людей, а также его внешний вид, ассоциирующийся с темным началом.

2. Внешний вид

Турки: Невидимое демоническое существо, принимающее вид человека (мужчина, женщина, ребенок), предмета, огненного объекта, атмосферного явления (вихрь), животного или птицы (кот/кошка, собака, козел/коза, осел, мышь, паук и т.д.).

Татары: Невидимое демоническое существо, принимающее вид человека (мужчина, женщина, ребенок), предмета, огненного объекта, атмосферного явления (вихрь, ветер), животного (собака, свинья).

Все эти ипостаси перевоплощения джиннов иллюстрируют тот факт, что в обеих культурах джинны могут принимать любую форму, какую захотят. Они могут маскироваться под людей и животных, неодушевленных существ; обманывать людей, переодеваясь в разные одежды, вредить человеку вплоть до наступления смерти последнего. Ввиду этого все подозрительные явления и люди, возникающие в ограниченном социуме или в освоенном пространстве человека, могут быть опознаны им как джинны, поэтому в лексике обоих языков функционируют такие лексемы, как *жен хатыны* (женщина джен: о злой, сварливой женщине), *жен кебек* (как джен: о некрасивом человеке или о человеке, который все успевает), *жене сөйми* (его джен этого не любит: не по душе) / *сiпине гитмек* (уйти к его джинну: ненавидеть), *сiнлери аyaға kalkmak* (его джинны встали на ноги: разозлиться), *сiп gibi* (как джинн: об очень умном человеке) и т.д.

3. Место и время появления

По вероучению ислама джинны обитают в параллельном мире, создавая семьи аналогично людям, проживают в своих городах и остаются невидимыми до проникновения в человеческий мир. Джинны вездесущи, но больше всего их привлекают загрязненные, нечистые, оскверненные места или пограничные пространства, которые в народной традиции воспринимаются как особо уязвимая контактная зона с потусторонним миром. Местами проникновения джиннов в человеческий мир считаются заброшенные дома, баня, туалет, колодец, мельница, кладбище, загрязненные места (мусор, грязь, кровь, нечистоты, испражнения и т.п.), пограничные пространства (подоконник, матица, порог, печная труба, мосты, перекрестки, развилки дорог и др.). Время появления – темное время суток, послеобеденный период, на закате, на рассвете, чаще всего в полночь или полдень. Появившись в указанных местах джинны обычно окликают человека голосом соседа, матери, отца, брата или других близких людей, таким образом обманывают человека и вызывают у него страх, потерю психического равновесия, обморок, insult или смерть и т.д. В обеих традициях комплекс представлений о местах появления джиннов во многом схож, что определяется самой сутью данного персонажа, т.е. его нечистой природой в религиозном понимании. Различия же по большей части обусловлены природными условиями существования турецкого и татарского народов.

4. Действия и функции джиннов

Награждают или одаривают человека (турки: одаривают хозяев тех домов, которые не содержат хозяйство в порядке и чистоте; человека, который им нравится, избавляют от горба; турки/татары: награждают повивальную бабу за помощь при родах; дают религиозные знания благочестивым людям).

Вступают в брак с людьми (турки: после того как кто-то поженится с джином, все его дела идут на лад).

Охраняют подземные клады, не допуская до них людей (турки/татары: требуют человеческую жертву за то, чтобы забрать клад).

Искушают человека соблазнами, подталкивают к дурным делам, ссорят людей между собой (турки/татары).

Насылают болезни и смерть (турки/татары: человек может потерять дар речи и впоследствии умереть или же остаться бесплодным, если встретится с джинном в неурочный час, попадет на их свадьбу, упадет в нечистом месте; зайдет в баню в полночь или после двенадцати).

Вселяются в человека (турки/татары: джинн может вселиться в человека, чем вызовет помутнение рассудка).

Вселяются в тело умершего и ходят под видом покойника (татары: джинн вселяется в тело умершего мужа и ежедневно приходит в гости к вдове, чем навлекает на нее смертельную болезнь).

Подменяют ребенка (турки/татары: крадут ребенка из чрева матери или же забирают младенца из колыбели, если оставить его одного в течение 40 дней после родов).

Сбивают человека с пути, заводят в непроходимые места (турки/татары).

Вредят домашнему скоту (турки/татары).

Проникают в жилище (турки/татары: если не соблюдать регламент поведения, джинн может проникнуть в жилище и вызвать беспокойство, ссоры и болезни среди домочадцев).

Справляют свою свадьбу (турки/татары: случайный путник оказывается на свадьбе).

Устраивают совместные трапезы (татары: путники могут случайно наступить на джиннов, которые расположились на дороге).

В фольклоре обоих народов сюжетные мотивы, связанные с джиннами, в целом выстраиваются в единую стройную систему, где джинны оказывают отрицательное воздействие на человека при нарушении регламента поведения или же могут наградить в случае сотрудничества. Однако более пристальный анализ сюжетных вариантов, который не может быть приведен здесь ввиду ограниченности формата данного научного исследования, показывает, что взаимоотношения с турками у джиннов намного разнообразнее и вариативнее. Джинны в данной культуре не только выступают полноправными хозяевами, защищающими свои границы, но и могут активно участвовать в жизни людей, наносить им вред и награждать, даже если человек полностью соблюдает все правила. В то же время между джиннами и людьми могут возникать брачные союзы и другие виды взаимосвязей не только в рамках религиозных отношений, но и в повседневной деятельности. У татар же взаимоотношения с невидимыми соседями более регламентированы, главное, не нарушать общие границы и правила поведения, хотя, конечно, от случайных встреч никто не защищен. А положительное влияние джиннов чаще ограничивается действиями их правоверных видов, которые дают своим благочестивым соседям знания в области ислама.

5. Регламент поведения

В обеих культурах регламент поведения основан на единых принципах: содержание дома и всего хозяйства в чистоте, соблюдение религиозного образа жизни, периодическое чтение специальных молитв, закрывание дверей, окон, печных заслонок, открытых поверхностей еды, воды внутри дома с произнесением слов «бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим»², запрет на выливание грязных вод и нечистот в местах, где ходят люди, на оставление новорожденного ребенка одного в течение первых 40 дней после родов, на посещение кладбищ, бань, заброшенных домов по ночам и в целом запрет на ночные прогулки и др. Все запреты строятся на сюжетобразующих характеристиках джинна и в своей основе предполагают соблюдение границ и сохранение добропорядочных отношений, которые никому не принесут вреда.

6. Средства защиты и способы изгнания джиннов

В целом основные средства защиты образуют единую систему представлений, которая претерпевает некоторые изменения в соответствии с географическими и культурными особенностями регионов. Среди средств защиты выделяют следующие группы: чтение разнообразных мусульманских молитв, произнесение слов «бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим» при любом начинании, использование железных предметов и элементов мужской одежды, обращение за помощью к религиозным деятелям, ношение амулетов и др. Коварство джиннов, их способность насылать болезни и вселяться в человека привела к возникновению определенных ритуалов взаимодействия между ними. Одним из таких широко распространенных ритуалов является изгнание джинна — процесс излечения одержимости с помощью чтения Корана.

Рассмотрев основные характеристики джиннов и особенности их взаимоотношений со своими соседями в человеческом мире, можно сделать предварительные выводы.

Во-первых, джинны ведут такой же образ жизни, как и люди (рождаются, создают семьи, строят взаимоотношения со своими соседями) и проживают с ними в параллельных пространствах, границы между которыми проницаемы. По этой причине люди вынуждены с ними общаться, пытаясь при этом всеми возможными способами обезопасить себя от невидимых соседей, что отражается в турецкой культуре в табуировании имен персонажа, а в татарской — акценте на соблюдении границ взаимососедства.

Во-вторых, образ джиннов является проекцией демонизированных образов людей-незнакомцев — представителей иного этноса или же враждебно настроенных соседей, что приводит к формированию в обеих культурах ком-

² Бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим — фраза «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», с которой начинаются почти все суры Корана. Ее произносят во время молитвы, перед началом любого важного дела и т.п.

муникативных моделей с окружающим социумом посредством разграничения личных и общественных пространств. Однако в татарской культуре эти связи более размыты, строгая регламентация поведения считается самым безопасным способом контакта с соседями из иного мира.

В-третьих, прагматическая направленность этих верований, основанная на страхе перед действиями джиннов, в обеих культурах конструирует многомерные общественные отношения: необходимость заботиться о здоровье рожениц и младенцев, содержать в чистоте окружающее нас пространство, не бродить допоздна по пустынным местам и не общаться с первыми встречными в этих местах, не выполнять какую-либо опасную работу ночью, не проявлять высокомерия по отношению к людям и др.

Заключение

Невидимое соседство людей и джиннов, основанное на мусульманской мифологии, послужило причиной возникновения разнообразных верований и их текстуальных репрезентаций, а также оформления ритуальных практик в культуре народов, исповедующих ислам. Сопоставительный анализ комплекса представлений об этих персонажах в турецкой и татарской культуре показал, что и джинны, и люди являются полноправными жителями нашего мира. Ислам не опровергает, а, наоборот, логично объясняет их генезис; они обитают в параллельных пространствах, но при этом мир людей открыт джиннам и они в определенные промежутки времени и в определенных локусах могут свободно проникать в человеческое пространство, тогда как человеку путь в мир джиннов открывается только по желанию последних. Взаимоотношения людей и джиннов строго регламентированы, так как основные действия джиннов направлены на причинение вреда человеку. Однако степень регламентации отличается: если в турецкой культуре джинн, действительно, вездесущ и нарушает границы, несмотря на средства защиты, то в татарской культуре соблюдение правил поведения позволяет разграничить пространства соседей. При этом в обеих культурах джинны являются привычными соседями, с которыми по возможности не следует контактировать, что приводит к формированию коммуникативных моделей между невидимыми соседями и людьми, которые переносятся и на социокультурные модели коммуникации в обществе.

Список литературы

1. Богданова Е., Бредникова О., Запорожец О. Как понимать и исследовать соседство? // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2021. № 13 (2). С. 139–171. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-139-171>.
2. Трофимова К.П., Ярлыкапов А.А. Невидимые соседи и видимое соседство: джинны и люди в мусульманских культурах (введение к специальной теме номера) // *Сибирские исторические исследования*. 2022. № 3. С. 6–13. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/1>.
3. Гринберг С.А. Амбивалентность образа огня в белорусской национальной культуре // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2023. Т. 20. № 4. С. 627–635. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-627-635>.

4. Башарин П.В. Образ джиннов в мусульманской магии // In *Umbrа: демонология как семиотическая система: альманах*. Вып. 8 / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2019. С. 106–141.
5. Налич Т.С. Ангелы и другие сверхъестественные существа в исламе. М.: Знак, 2009. 440 с.
6. Günther S., Pielow D. *Magie in arabischen Quellen und in der Forschungsliteratur*. Leiden; Boston; Köln: E.J. Brill, 2018.
7. Küçükyıldız Gözelce D. Türkiye sahası efsane ve memoraatlarında cin tasavvuru // *Kafkas Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2022. Sayı 30. S. 719–757. <https://doi.org/10.56597/kausbed.1165458>
8. Татар халык ижаты: 25 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. Т. 1: Мифология / [төз., иск. һәм аңл. эзерл., кереш сүз авт. Л.Х. Дәүләтшина]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 511 б.
9. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 томах. Т. 1 / под ред. С.А. Токарева. М.: Большая рос. энциклопедия, 2003. 671 с.

References

1. Bogdanova, E., Brednikova O., and O. Zaporozhets. 2021. “How to understand and explore the neighborhood?” *Laboratorium: Journal of social research*, vol. 13, no. 2. pp. 139–171. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-139-171>.
2. Trofimova, K.P., and A.A. Yarlykapov. 2022. “Invisible neighbors and visible neighborhood: jinn and people in Muslim cultures (introduction to the special topic of the issue).” *Siberian Historical Research*, no. 3, pp. 6–13. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/1>.
3. Grinberg, S.A. 2023. “Ambivalence of the image of fire in Belarusian national culture.” *Polylinguality and Transcultural practices*, vol. 20, no. 4. pp. 627–635. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-627-635>.
4. Basharin, P.V. 2019. “The image of jinn in Muslim magic.” In *Umbrа: demonology as a semiotic system: almanac*. Composed by O.B. Antonov. Moscow: RSUH publ., pp. 106–141. Print. (In Russ.)
5. Nalich, T.S. 2009. *Angels and other supernatural beings in Islam*. Moscow: Znak publ. Print. (In Russ.)
6. Günther, S., and D. Pielow. 2018. *Magie in arabischen Quellen und in der Forschungsliteratur*. Leiden; Boston; Cologne: E.J. Brill.
7. Küçükyıldız Gözelce, D. 2022. “Türkiye sahası efsane ve memoraatlarında cin tasavvuru” *Kafkas Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, vol. 30, pp. 719–757. <https://doi.org/10.56597/kausbed.1165458>
8. Татар халык ижаты: 25 томда. 2021. Казан: Татар. whale. нәшр. 1 volume: *Mythology*. Kazan. Print. (In Tat.)
9. *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: In 2 volumes*. 2003. Vol. 1. Edited by S.A. Tokarev. Moscow: Great growth publ.

Сведения об авторе:

Давлетшина Лейла Хасановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, Республика Татарстан, ул. Баумана, д. 20. eLibrary SPIN-код: 6333-5552. ORCID: 0000-0002-1222-957X. E-mail: leyla.davletshina@yandex.ru

Bio note:

Leila Kh. Davletshina is a Doctor of Philology, Leading Researcher of Folk Art Department of G. Ibragimov’s Institute of Language, Literature and Arts, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 6333-5552. ORCID: 0000-0002-1222-957X. E-mail: leyla.davletshina@yandex.ru

ИНТЕРВЬЮ

INTERVIEW

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-601-608

EDN: QGFSES

Интервью / Interview

Интервью с Кимом Мугаллимовичем Миннуллыным

М.И. Ибрагимов^{ORCID}

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация
✉ mibragimov1000@mail.ru

Для цитирования: *Ибрагимов М.И.* Интервью с Кимом Мугаллимовичем Миннуллыным // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 601–608. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-601-608>

Interview with Kim Mugallimovich Minnullin

Marcel I. Ibragimov^{ORCID}

G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*
✉ mibragimov1000@mail.ru

For citation: Ibragimov, M.I. 2024. "Interview with Kim Mugallimovich Minnullin." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 601–608. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-601-608>

© Ибрагимов М.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

В преддверии юбилея Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова своими взглядами на прошлое института, его современное состояние, перспективы развития академической науки в Татарстане в области гуманитарных наук поделился доктор филологических наук, профессор, ученый, на протяжении последних 18 лет руководивший институтом, **Ким Мугаллимович Миннуллин**.

Предлагаем читателям интервью с ученым. Интервьюер — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения ИЯЛИ АН РТ **Ибрагимов Марсель Ильдарович**.

— Ким Мугаллимович, 85 лет — солидный возраст. Какие чувства вы испытываете в связи с такой юбилейной датой?

— Если речь идет об академической науке в Татарстане, то ее возраст еще более почтенный: Академцентр Татнаркомпроса, учреждение, которое осуществляло руководство и координацию научно-исследовательской деятельности в республике, был создан в 1921 г. Таким образом, образованный в 1939 г. Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории возник не на пустом месте: ко времени его создания академическая наука в Татарстане насчитывала уже без малого 20 лет.

Это были очень продуктивные в научном отношении годы. Достаточно указать имена ученых (лингвистов, литературоведов, историков, этнографов), которые принимали участие в деятельности Академцентра, чтобы понять уровень научных исследований, которые велись в то время: Дж. Валиди, Г. Ибрагимов, М. Курбангалеев, Г. Рахим, Г. Шараф, В.А. Богородицкий, Г. Губайдуллин, Н. Воробьев, М. Худяков, А. Самойлович, Н.Н. Фирсов, Г.Ф. Линцер, П.М. Дульский, Х. Бадиги, Г.Х. Алпаров и др. В Академцентре ежегодно издавались десятки книг (на русском, татарском языках, языках проживавших на территории ТАССР народов: чувашей, мари, мордвы, удмуртов и др.), учебников и учебных пособий; было создано Татарское бюро краеведения, активно развернулась деятельность Научного общества татароведения, объединившего ученых, которые работали в области изучения языка, литературы, фольклора, искусства татар; организовывались этнографические экспедиции. Отмечу, что многие из этих ученых были связаны с традициями университетской науки.

Именно в Академцентре закладывались основы научных школ, которые затем на протяжении многих десятилетий развивались учеными нашего института: языковедами (В.Н. Хангильдин, Л. Залая, Л. Махмутова, Г. Ахунзянов, Ф. Ганиев, Р. Ахметзянов, Д. Рамазанова и др.), литературоведами (Г. Халит, М. Гайнуллин, Х. Хайри, Н. Юзеев, Р. Башкуров, А. Ахмадуллин, Н. Хисамов), фольклористами (Х. Ярмухамметов, И. Надиров, Ф. Урманчеев, Х. Махмутов, Л. Замалетдинов, Ф. Ахметова), историками (М.К. Мухарьямов, Р.Г. Фахрутдинов, А.Х. Халиков, С.Х. Алишев и пр.), этнографами (Н.И. Воробьев,

Х. Гимади, Н.Ф. Калинин, А.П. Смирнов), искусствоведами (И. Илялова, П. Дульский, Ф. Гиззатуллин, М. Арсланов, Д. Гимранова, Д. Валеева, Г. Валеева-Сулейманова и др.).

Когда в 2006 г. мне предложили возглавить институт, то первое чувство, которое я испытал, — сомнение. Смогу ли я достойно продолжить то дело, которому посвятили свои силы и жизни эти ученые? С некоторыми из них (И. Надировым, Х. Махмутовым, Л. Замалетдиновым, Ф. Урманчеевым) мне довелось общаться лично, когда, окончив аспирантуру при ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, я начал работать в отделе народного творчества. Это осознание причастности к большой истории института, академической науки рождает чувство ответственности, ведь о твоих делах будут судить, соотнося их с достижениями предыдущих времен. Сможешь ты достойно сохранить сделанное предшественниками и развивать созданные ими научные школы в соответствии с современными научными реалиями или нет? Думаю, такой вопрос задавал себе каждый, кто был руководителем нашего института.

— Ким Мугаллимович, вы в качестве научного сотрудника работали в институте в 1990-е гг. В это время ИЯЛИ изменяет свой статус: долгое время функционировавший в составе Казанского филиала Академии наук СССР с образованием в 1991 г. Академии наук Республики Татарстан институт вошел в ее состав. Как вы оцениваете эти годы и последующие 30 лет жизни института?

— 1990-е гг., как известно, были временем государственного строительства в республике. Важнейшей задачей на тот момент было повышение статуса татарского языка, создание законодательной базы для развития языков народов Татарстана. Здесь невозможно было обойтись без участия ученых, научно обоснованных подходов к языковой политике, трудов, обеспечивающих реализацию принимаемых в области сохранения и развития языков законов. Говорю это как непосредственный участник этих процессов: в конце 1990-х — начале 2000-х гг. я работал в Аппарате Кабинета Министров РТ в должности начальника отдела по развитию языков народов РТ, и мне приходилось много общаться с руководителями вузов, научно-исследовательских учреждений. Наверное, имеющийся у меня опыт в совокупности с научным бэкграундом стал весомым обстоятельством в принятии решения о моем назначении на должность директора института в 2006 г.

На коллектив института в этот период возлагались большие надежды. При поддержке руководства республики ученые ИЯЛИ вели значительную работу в области фундаментальных и прикладных исследований по языкознанию, литературоведению, фольклористике, искусствоведению. Невозможно перечислить все реализованные проекты. Назову только ряд знаковых фундаментальных трудов, увидевших свет в последнее десятилетие.

В области языкознания это трехтомная «Лексикология татарского языка», трехтомная «Татарская грамматика», четырехтомная «История татарского

литературного языка», шеститомный «Толковый словарь татарского языка», «Атлас народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» (первые два тома были изданы в 1989 г., третий том — в 2008), «Этимологический словарь татарского языка» (в 2 томах).

В области литературоведения — восьмитомная «История татарской литературы», трехтомное двуязычное издание «Габдулла Тукай: жизнь и творчество», сопоставимая с «Лермонтовской энциклопедией» энциклопедия «Габдулла Тукай».

По фольклористке — татароязычный и русскоязычный 25- и 15-томные собрания татарского фольклора.

— *Институт ведет большую работу по подготовке и изданию собраний сочинений классиков татарской литературы. Насколько они востребованы современным читателем?*

— Отдел текстологии появился в нашем институте в 1977 г. За почти полувековую историю отдела в нем были реализованы крупные проекты по подготовке и изданию сочинений татарских классиков: Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Камала, Г. Ибрагимова. Речь в первую очередь идет об академических изданиях, дающих читателям наиболее полную информацию о текстах, снабженных подробными комментариями. Они необходимы для исследователей, занимающихся изучением татарской литературы. Но одновременно они интересны и рядовому читателю, который благодаря развернутым комментариям получает большую информацию об отдельных личностях, социальной и культурной жизни татар в различные исторические периоды.

За последние 10–15 лет в институте было реализовано несколько таких масштабных проектов: 15-томное издание сочинений Гаяза Исхаки, 6-томное академическое издание произведений Г. Тукая, 15-томное собрание трудов Г. Ибрагимова. Сейчас идет работа над шеститомником Ф. Амирхана.

Возможно, кто-то задаст вопрос: «В советский период уже были изданы сочинения этих классиков. Нужны ли их переиздания?». Безусловно, нужны. Во-первых, издания советского периода не являются полными, в них зачастую не включались произведения, не вписывавшиеся в идеологические каноны, или же в текстах вымарывались подобного рода контексты. Так, на протяжении многих десятилетий существовало табу на упоминание имени писателя-эмигранта Г. Исхаки в положительном контексте. Соответственно, и подобного рода тексты не включались в собрания сочинений классиков. Таковой была и участь отдельных произведений религиозной тематики. В новых академических изданиях все эти лакуны устранены.

— *Все эти проекты ориентированы на татароязычного читателя. Готовятся ли в институте издания, предназначенные для широкой аудитории читателей, не знающих татарского языка?*

— Основной миссией нашего института является развитие татарского языка, литературы, искусства. Поэтому большая часть наших научных изданий на татарском языке. Вместе с тем важной задачей мы считаем популяризацию татарской культуры в русскоязычной среде. В последние годы работа в этом направлении активизировалась: увидели свет двуязычные книги, посвященные творчеству Г. Тукая (трехтомник «Габдулла Тукай: жизнь и творчество»), Г. Ибрагимова (книга «Наше имя — татары», включающая избранные статьи писателя по вопросам языка, литературы, национальной истории), Г. Исхаки (собрание публицистических статей «Есть сила в нации...»), посвященных осмыслению роли нации в культуре). Сейчас ведется работа над шеститомным изданием произведений Г. Тукая на русском языке.

— *Казань известна как место пересечения культур разных народов. Какая работа ведется в этом направлении? Реализуются ли совместные с коллегами из других республик, регионов проекты?*

— Казань во все периоды истории являлась известным во всем мире центром просвещения. Многие деятели национальных культур (прежде всего народов Поволжья) учились в Казани. У нас сложились хорошие отношения с учеными из всех республик Урало-Поволжья. Мы стараемся совместно работать по разным научным направлениям. Сейчас, например, в рамках государственной программы по сохранению и развитию языков реализуется проект по литературам народов Урало-Поволжья, в рамках которого проводятся научные семинары, издаются коллективные монографии с участием ведущих литературоведов Татарстана, Чувашии, Мордовии, Марий Эл, Башкортостана, Удмуртии. Мы находим возможности организовывать совместные комплексные экспедиции в районы республики, где компактно проживают представители этих народов.

Это направление должно стать одним из приоритетных в деятельности института, всей академии. Для его развития в институте недавно была создана лаборатория сопоставительного татароведения. Нам необходимо не только видеть нашу литературу, культуру изнутри, но и включать в широкие ряды сопоставлений, что позволит увидеть те особенности, которые, может быть, незаметны при изолированном изучении.

— *В продолжение предыдущего вопроса: взаимодействует ли институт с другими академическими учреждениями, ведущими вузами?*

— Современную науку в принципе невозможно представить без постоянного научного диалога. Мы всегда к нему открыты. Недавно, в апреле этого года, в институте прошел семинар по литературам народов Урало-Поволжья, приуроченный 95-летию со дня рождения Георгия Гачева. Этот семинар открыл серию мероприятий, которые проводятся по всей России, в различных вузах и научных организациях (ИМЛИ, РУДН, Кабардино-Балкарский государствен-

ный университет). Есть идеи о других совместных проектах с Российским университетом дружбы народов, Институтом мировой литературы.

Ученые ИЯЛИ принимают участие в проектах Международной тюркской академии, находятся в коммуникациях с академиями, научными центрами тюркских стран (Казахстана Азербайджана, Турции), зарубежными исследователями.

В институте проводятся мероприятия, приуроченные к юбилейным датам писателей тюркского мира: Абая, Махжана Жумабаева, Махтумкули, Ч. Айтматова и др.

Ведется сотрудничество и в рамках действующего при Академии наук Республики Татарстан диссертационного совета, большинство членов которого — ученые ИЯЛИ. В совете защищаются диссертации по трем научным специальностям: русская литература и литературы народов России; русский язык и языки народов России; фольклористика. У нас защищаются не только ученые из Татарстана, но и исследователи из других республик. В этом году было защищено три диссертации учеными из Удмуртии, Крыма, Республики Алтай.

— *Находятся ли в поле исследовательского внимания ученых ИЯЛИ татарские диаспоры, проживающие за пределами России?*

— В рамках государственной программы по сохранению национальной идентичности татарского народа институтом был организован ряд экспедиций в Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, результатом которых стало издание совместных с учеными из этих стран книг, посвященных различным аспектам жизни татарских диаспор.

По возможности, мы стараемся приглашать участников этих проектов на наш ежегодный семинар «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика», где одним из ключевых является вопрос об идентичности татар, проживающих за рубежом.

— *Большое внимание в институте уделяется экспедиционной деятельности. Каковы ее результаты?*

— За последние 15 лет нами было организовано около 50 комплексных экспедиций, из них около 30 — в регионы России. География этих экспедиций широка: республики Поволжья, Пермская, Астраханская, Самарская, Омская, Томская, Оренбургская, Иркутская, Тюменская, Новосибирская, Пензенская, Ульяновская, Кировская, Челябинская области, Красноярский край. В этих экспедициях принимают участие фольклористы, диалектологи, археографы, искусствоведы нашего института.

Результаты этих экспедиций публикуются в серии «Из сокровищницы научных экспедиций». Всего за указанное время было издано более 20 книг этой серии.

Отдельным направлением в экспедиционной деятельности является изучение татарской эпиграфики. Ученые Центра письменного наследия нашего института ежегодно исследуют эпиграфические памятники в Татарстане и за его пределами. Их результаты мы также издаем.

— Вы упомянули Центр письменного наследия. Помимо исследования татарской эпиграфики чем занимаются ученые этого центра?

— Изучение эпиграфики — только одно из направлений работы ЦПН. В фондах центра хранится более 50 000 различных источников, в том числе и очень древних. Это наше духовное наследие, требующее бережного отношения, усилий по его сохранению, реставрации. Вместе с тем наследие должно быть доступно ученым, читателям, интересующимся своим прошлым, духовной историей своего народа. Поэтому в Центре организована работа по оцифровке имеющихся материалов с последующим размещением их в сети Интернет на сайте Miras.info.

Многие хранящиеся в Центре источники написаны на арабской графике. Вследствие реформы алфавита в 1920-е гг. лишь единицы сейчас могут читать арабские тексты. Поэтому одной из задач Центра является транслитерация арабских текстов на кириллицу. Работа эта чрезвычайно трудоемкая, ведь приходится иметь дело не только с печатными источниками, но и с рукописными. Сейчас учеными Центра ведется работа над программой распознавания и транслитерации арабских текстов. Это в перспективе может заметно увеличить число транслитерируемых источников.

— Вы сейчас затронули вопрос об использовании информационных технологий в науке. Что делается в институте в этом направлении?

— Современную гуманитарную науку трудно представить без информационных технологий. Мы стараемся идти в ногу со временем. В настоящий момент нами реализовано несколько успешных электронных проектов, в первую очередь в области лексикографии. Речь идет об электронном фонде словарей, в который входит более 40 словарей. Этот фонд размещен на платформе «ТАТЗЕТ». На этой же платформе представлены и другие проекты: интерактивная карта тюркских языков Поволжья и Урала (татарский, башкирский и чувашский языки); атлас татарских диалектов; электронный каталог топонимов Республики Татарстан.

— Не могу обойти вниманием острый вопрос о национальном образовании. Какая работа ведется в этой области?

— Хотел бы начать с небольшого экскурса в историю академической науки в Татарстане. Создание Академцентра в начале 1920-х гг. во многом было продиктовано необходимостью обеспечить школы и другие учебные заведения достойными учебниками и пособиями по изучению татарского

языка и языков других народов, с давних пор проживавших на территории республики.

В 2016 г. по запросу Министерства образования и науки с целью усиления научно-методической работы в республике в структуре института был создан отдел национального образования. За относительно короткий срок отделом подготовлены полная линейка учебно-методических комплектов по обучению татарскому языку и литературе, материалы для электронной образовательной платформы «Сберкласс». Разрабатываются онлайн-уроки, видеопрезентации, методические пособия. Часть учебников уже внесена в федеральный реестр, работа в этом направлении продолжается.

— *Ким Мугаллимович, традиционно в день юбилея виновнику торжества говорят разные пожелания. Что бы вы пожелали своему коллективу?*

— Институт имеет большую историю, хорошие научные традиции, которые сохранялись и развивались на протяжении многих десятилетий. Очень важно бережно относиться к ним и вместе с тем генерировать новые идеи, соответствующие уровню развития современной науки.

Наш институт – единственное в стране академическое научное учреждение, занимающееся изучением татарского языка, литературы, культуры. В его истории были самые разные, подчас сложные, периоды. Уверен, каковы бы ни были коллизии современной жизни, институт имеет хорошую научно-организационную основу для того, чтобы сохранить себя, приумножить имеющиеся достижения.

— *Благодарю вас за интервью и желаю вам и институту новых научных свершений.*

Сведения об авторе:

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. eLibrary SPIN-код: 4217-6864. ORCID: 0000-0002-7805-3167. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Bio note:

Marcel I. Ibraghimov is an Associate Professor, PhD in Philology, Senior Researcher, Head of Laboratory of Comparative Tatar Studies of G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 20 Baumana St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 4217-6864. ORCID: 0000-0002-7805-3167. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONALITIES

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-609-613

EDN: RDOBPX

Персоналии / Personalities

Юбилей Дании Фатиховны Загидуллиной

М.И. Ибрагимов¹, В.Р. Аминова²

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, Институт мировой литературы, им. А.М. Горького, г. Москва, Российская Федерация
 mibragimov1000@mail.ru

Anniversary of Daniya Fatikhovna Zagidullina

Marcel I. Ibragimov¹, Venera R. Amineva²

¹ G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*

² Kazan Federal University *Kazan, Russian Federation*, A.M. Gorky Institute of World Literature, *Moscow, Russian Federation*,
 mibragimov1000@mail.ru

Среди ученых, внесших значительный вклад в развитие гуманитарных наук в Татарстане, особое место принадлежит Дание Фатиховне Загидуллиной. Историк и теоретик литературы, организатор науки, Дания Загидуллина по праву может считаться ученым-пассионарием, научным лидером, чьи идеи и концепции задают горизонты современной академической науки в нашей республике.

В научном творчестве Д. Загидуллиной неизменно присутствует энергия обновления. Наследуя традиции известных татарских ученых (Г. Халита, М. Гайнуллина, М. Магдеева, М. Усманова, Р. Ганеевой, Т. Галиуллина и др.), она постоянно ведет поиск новых смыслов, подходов к изучению татарской литературы и культуры.

В многогранной научной деятельности Дании Фатиховны можно выделить несколько магистральных тем: модернизм в татарской литературе XX в.; становление и развитие литературно-теоретической мысли у татар; современная татарская литература.

Интерес Д. Загидуллиной к модернизму обусловлен не только начавшимся в 1990-е гг. возвращением в историю татарской литературы некогда забытых или вычеркнутых из нее имен. Параллельно с этим в татарском литературоведении шло формирование новых теоретико-методологических подходов к литературе начала XX в. Трудно переоценить роль ученого в этом процессе. Написанные ею в начале XXI в. монографии — «Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы» («Модернизм и татарская проза начала XX века», 2003) и «Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи эсәрләр» («Смена картины мира: философские произведения в татарской литературе начала XX века», 2006) — стали этапными трудами, в которых проблема литературного модернизма рассматривается в широком философском и культурологическом контекстах как одно из проявлений глобальных культурно-цивилизационных сдвигов в истории всей европейской культуры. Последнее представляется особенно важным, ибо свидетельствует о включенности национальной литературы (культуры) не только в пространство восточной культуры, но и в диалог с культурой Запада.

Введенный в оборот материал (неизвестные или малоизвестные современному читателю произведения татарских поэтов и прозаиков начала прошлого столетия), его научно обоснованная эстетическая оценка убедительно доказывают, что молодые татарские авторы (М. Гафури, Н. Думави, Г. Рахим, А. Тангатаров, М. Ханафи и др.) проявляли интерес к европейской философии, искусству, литературе, активно использовали в своем творчестве приемы модернистской поэтики, цитировали европейских писателей, поэтов, философов. Важно и другое: автор монографий не ограничивается исследованием литературных произведений, в поле ее внимания оказывается насыщенная интеллектуальная и общественная жизнь эпохи, которая стала благодатной почвой для формирования модернизма.

Рассматривая модернизм как явление, возникшее преимущественно в результате диалога татарской культуры с европейской, Д. Загидуллина ставит вопрос о его национальных особенностях. Здесь обращает на себя внимание введенное ею понятие «сызлану фэлсэфэсе» (философия страдания), с помощью которого определяется национальное своеобразие экзистенциального сознания.

Другая важная тема научных исследований Д. Загидуллиной — теория литературы у татар. В своей докторской диссертации «Формирование и этапы становления теории татарской литературы (первая треть XX века)» ученый восстанавливает целостную картину становления литературно-эстетического дискурса в татарской литературе. Как и в работах по модернизму, исследователь уделяет большое внимание рецепции татарскими литературоведами первой трети XX в. (Г. Сагди, Г. Батталом, Г. Ибрагимовым и др.) теоретических трудов восточных и европейских авторов, развитие течений и направлений, сложившихся в литературной теории (мифологическая школа, культурно-историческая и духовно-исторические школы и др.).

Неизменный интерес к вопросам литературной теории проявляется в стремлении Дании Фатиховны рассматривать явления татарской литературы сквозь призму современных теоретических категорий и понятий, научных школ, актуальных для современного литературоведения проблем. Именно она в 2000-е гг. стала инициатором работы над новым в татарском литературоведении «Словарем литературных терминов», в который наряду с традиционными терминами и понятиями вошли проективные.

Значительная часть работ Д. Загидуллиной посвящена современной татарской литературе. Ведя в главном татарском литературном журнале «Казан утлары» («Огни Казани») рубрику по литературной критике, она постоянно выступает с рецензиями на новые произведения. В ее публикациях органично сочетаются литературно-критический и научно-аналитический дискурсы.

В своих монографиях («Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015): эстетические ориентиры и художественные поиски», 2017; «Современная татарская проза (1986–2016): основные тенденции историко-литературного процесса», 2017; «Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски», 2018) ученый дает целостную картину развития татарской литературы постсоветского периода, на примере творчества ведущих татарских поэтов и писателей (Р. Зайдуллы, Р. Аймета, Ф. Сафина, И. Иксановой, Ш. Гадельши, Г. Салима, Б. Ибрагима, Л. Гибадуллиной, Ю. Миннуллиной, Р. Мухаметшина, Н. Гиматдиновой, Ф. Байрамовой, Р. Валиева, Т. Миннулина, Ф. Латыйфи, М. Кабирова, Г. Гильманова, З. Хакима, Ф. Садриева, Ф. Сафина, Р. Габдулхаковой и др.) рассматривает судьбы основных направлений: романтизма, неоромантизма, реализма, модернизма, постмодернизма.

С научной деятельностью Дании Фатиховны неразрывно связана ее педагогическая и научно-просветительская деятельность. Многие выпускники Казанского государственного университета, в котором Д. Загидуллина долгие годы работала на кафедре «Истории татарской литературы и методики ее преподавания», с благодарностью вспоминают ее лекции. Готовность всегда делиться своими знаниями, помогать молодым ученым в их научных поисках — одна из отличительных черт Дании Фатиховны. Многие состоявшиеся ученые, доктора и кандидаты наук, благодарны ей за концептуальные идеи, советы.

Дания Фатиховна обладает организаторским талантом. Большинство знаковых для республики научных и образовательных проектов в области гуманитарных наук, реализованных с начала 2000-х гг. осуществлялось по ее инициативе и при непосредственном участии. К числу таких проектов относится, например, серия «Шәхесләребез» («Наши великие личности»), в рамках которой издаются документально-биографические книги, посвященные жизни и творчеству выдающихся деятелей татарской культуры. Дания Фатиховна принимала и принимает участие в подготовке многих книг этой серии.

Другим не менее значимым просветительским проектом, у истоков которого стояла Д. Загидуллина, является серия «Мир татарской литературы». Издаваемые на русском языке книги этой серии знакомят читателя с творчеством классиков татарской литературы.

Нести в мир знания о татарах, татарской литературе, культуре, науке — так понимает Дания Фатиховна высокое предназначение своего творчества, жизни. Именно так понимали свою миссию многие выдающиеся просветители татарского мира, о которых ею написано немало научных и научно-популярных трудов.

Интеллигентность, открытость, щедрость, требовательность к себе — таковы личностные качества Д. Загидуллиной, которые позволили ей стать лидером среди современных татарских ученых-гуманитариев. Впрочем, не только татарских: труды Дании Фатиховны известны ученым России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Ученики, коллеги и друзья Дании Фатиховны Загидуллиной искренне поздравляют ее с юбилеем, желают крепкого здоровья и ждут новых работ, открывающих горизонты понимания татарской литературы и культуры.

Сведения об авторах:

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. eLibrary SPIN-код: 4217-6864; ORCID: 0000-0002-7805-3167. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Аmineва Венера Рудалевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 480008 Казань, Рос-

сийская Федерация, ул. Кремлевская, д. 18; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская академия наук, 121069 Москва, Российская Федерация, ул. Поварская, д. 25а. ORCID: 0000-0003-4016-2242. E-mail: amineva1000@list.ru

Bio notes:

Marcel I. Ibraghimov is an Associate Professor, PhD in Philology, Senior Researcher, Head of Laboratory of Comparative Tatar Studies, G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 20 Baumana St, Kazan, 420111, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 4217-6864. ORCID: 0000-0002-7805-3167. E-mail: mibraghimov1000@mail.ru

Venera R. Amineva is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Methods of its Teaching, Kazan Federal University, 420008, Kazan, 18 Kremlyovskaya Str., Russian Federation; Lead Researcher of Department of Literature of Russia's Ethnicities and the CIS Countries, A.M. Gorky Institute of World Literature, 121069, Moscow, 25a Povarskaya St, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4016-2242. E-mail: amineva1000@list.ru

НОВЫЕ КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

Представляем некоторые книги (на русском языке), опубликованные в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова за последние несколько лет. Ежегодно в ИЯЛИ им Г. Ибрагимова издаются десятки книг: монографий, коллективных трудов, научных сборников, материалов конференций. С их электронными версиями можно ознакомиться на сайте института: <http://www.antat.ru/ru/iyli/publishing/>

Поэтика литератур народов Урало-Поволжья: коллективная монография / под ред. М.И. Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 2024. 304 с.

В коллективной монографии освещаются проблемы поэтики литератур народов Урало-Поволжья. В разделах, посвященных поэтике фольклорного текста, жанровым процессам в литературах Поволжья, исторической поэтике стиха, лингвопоэтике исследуются особенности поэтики произведений марийской, удмуртской, чувашской, башкирской, татарской, мордовской, коми литератур.

Исхакий Г. Милли куэтләр бардыр = Есть сила в нации / Д.Ф. Загидуллина редакциясендә (Под ред. Д.Ф. Загидуллиной). Казан, 2023. 324 б.: ил.

В книге представлены посвященные вопросам национального языка, литературы, культуры статьи (оригиналы и их переводы на русский язык) классика татарской литературы, известного татарского общественного и политического деятеля Гаяза Исхаки.

Мухаметзянова Л.Х. Эпическая культура татар. Дастаны. Казань: ИЯЛИ, 2023. 120 с.: ил. (Серия «Обычай и традиции татарского народа»).

В издании представлено обобщенное изложение ключевых сведений об эпическом творчестве татар (эпос-дастанах), о стиле, образах, сюжетах, мотивах и рукописных списках некоторых популярных образцов жанра. Автор рассматривает влияние тюркского эпоса и письменной культуры Древнего Востока на формирование и развитие татарских эпос-дастанов, раскрывает особенности их поэтики в аспекте выявления фундаментальных основ эпической культуры татар.

Султангалиева Г.С. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII — первая половина XIX в.): монография в документах / под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. Казань: ИЯЛИ, 2023. 300 с. (Серия: Культурно-историческое наследие татар зарубежья. Книга 9).

В монографии представлены научные статьи, документы и архивные материалы, раскрывающие коммуникативные функции татарских письмоводителей и мулл, показана их роль в процессе внедрения административных реформ в Казахской степи в последней четверти XVIII — первой половины XIX в.

Султангалиева Г.С. Татарские переводчики, толмачи в Казахской степи (XVIII — первая половина XIX в.): монография в документах / под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. Казань: ИЯЛИ, 2023. 300 с. (Серия: Культурно-историческое наследие татар зарубежья. Книга 10).

В монографии представлены научные статьи, документы и материалы, раскрывающие коммуникативные функции татарских переводчиков, толмачей, в Казахской степи в XVIII — XIX вв. Определены династии татарских переводчиков и толмачей, служивших в региональных администрациях Оренбурга и Омска.

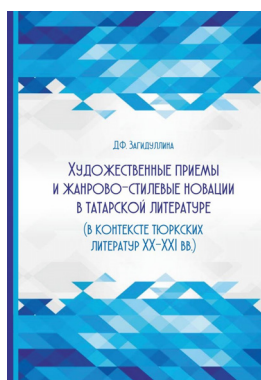
Татарский костюм. Российский этнографический музей / Авторы текстов, авторы-составители альбома-каталога: И.Л. Измайлов, Е.В. Колчина, Л.И. Мишурина, Р.Р. Султанова, В.Г. Холодная. Казань: АО «ИД «Казанская недвижимость», 2023. 320 с.: ил. (на тат., рус., англ. яз.).

Издание знакомит читателя с памятниками этнокультурного наследия татар — образцами традиционного костюма и украшений из собрания Российского этнографического музея. Книга включает очерк об историческом костюме татар, статьи по истории изучения и формирования музейных коллекций, об особенностях костюма различных групп татар. В альбоме-каталоге представлены как полные костюмные комплексы второй половины XIX — начала XX века, так и отдельные предметы одежды, обувь, головные уборы, украшения разных типов.

Давлетшина Л.Х. Современная татарская проза в контексте актуальной мифологической традиции: монография. Казань: ИЯЛИ, 2022. 312 с.

Монография посвящена исследованию татарской прозы конца XX в. и первых десятилетий XXI в. в контексте этнически обусловленных компонентов культуры, а также описанию актуальной народной демонологии татар как многосоставной системы, формирующей живую традицию.

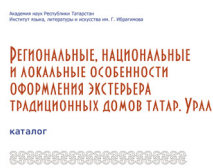
Загидуллина Д.Ф. Художественные приемы и стилиевые обновления в татарской литературе в контексте тюркских литератур XX-XXI вв.: монография. Казань: ИЯЛИ, 2022. 252 с.

Монография посвящена исследованию художественно-эстетических особенностей татарской литературы XX–XXI веков, с учетом механизмов самообновления и усвоения нового. Определяются содержание и объем понятий «поток сознания», «эзопов язык», «полифония», «орнаментализм» и т.д. применительно к национальному историко-литературному процессу. Автор рассматривает их в контексте исторического развития татарской литературы, в контексте других тюркоязычных литератур и мирового художественного процесса.

Ибрагимов Г.Г. Без — татарбыз = Наше имя — татары / Д.Ф. Заһидуллина редакциясендә (Под ред. Д.Ф. Загидуллиной). Казан, 2022. 308 б.: ил.

В книге представлены посвященные вопросам национального языка, литературы, культуры статьи (оригиналы и их переводы на русский язык) классика татарской литературы, известного татарского общественного и политического деятеля Галимджана Ибрагимова.

Региональные, национальные и локальные особенности оформления экстерьера традиционных строений у татар. Урал. Каталог / авт.-сост.: Р.Р. Султанова, Л.М. Шкляева. Казань, 2022. 300 с.: ил.

Каталог является продолжением серии «Региональные, национальные и локальные особенности оформления экстерьера традиционных строений у татар», первый из которых был посвящен Поволжскому региону (2021 г.). В издании представлены образцы типовых жилых застроек татар Урала и Зауралья, собранные авторами во время экспедиций. Краткие тексты, предваряющие каждый раздел, в совокупности с иллюстративным материалом, дают наглядное представление о характерных особенностях экстерьера татарских домов Уральского региона.

Татарская эпитафическая традиция. Булгарские эпитафические памятники XIII–XIV вв. Кн. 1. / авт.-сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. 160 с.; Кн. 2. Авт.-сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. 160 с.

Первые две книги серии «Татарская эпитафическая традиция» посвящены описанию булгарских надмогильных камней XIII–XIV вв., установленных на территории Волжской Булгарии.

Умеров Д.И. Хореографический фольклор астраханских татар как фактор формирования и сохранения культурной идентичности (конец XIX — XX в.). Казань: ИЯЛИ, 2022. 184 с.: ил.

Книга знакомит читателей с хореографическим фольклором астраханских татар, на основе анализа танцевальных форм и существенных черт народной хореографии рассматривается своеобразие малых этнических групп, выявляется влияние хореографического наследия на этнокультурную идентификацию.

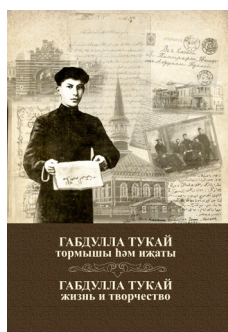
Шарипова А.С. Татарская драматургия XX — начала XXI века: проблема инварианта: монография / А.С. Шарипова. Казань: ИЯЛИ, 2022. 336 с.

Монография посвящена изучению татарской драматургии XX — начала XXI века как целостного и единого национального историко-культурного процесса, выявлению основных тенденций и закономерностей ее развития в аспекте инвариантных особенностей.

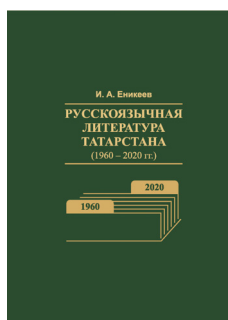
Булатова М.Р. Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект / М.Р. Булатова. Казань: ИЯЛИ, 2021. 136 с.

Монография посвящена вопросам формирования татарских говоров Башкортостана и их этнолингвистической характеристике в ареальном аспекте. Дается описание языковых особенностей этих говоров в сравнении с другими говорами татарского языка, литературным языком, а также тюркскими языками.

Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая: в 3 кн. Кн. 1: 1908–1910; Кн. 2: 1908–1910; Кн. 3: 1911–1913 / под ред. М.И. Ибрагимова, Л.Р. Надыршиной. Казань, 2021 (на тат. и русском языках).

В книге представлены материалы о жизни и творчестве великого татарского поэта Габдуллы Тукая. На основе исследования произведений поэта, воспоминаний его современников, журнальных и газетных публикаций, официальных документов различных организаций и ведомств освещаются жизнь и творчество Г. Тукая в Закавказье, Уральске, Казани в контексте истории, общественной и культурной жизни татарского народа конца XIX — нач. XX века.

Еникеев И.А. Русскоязычная литература Татарстана (1960–2020). Казань: ИЯЛИ, 2021. 160 с.

Монография посвящена исследованию особенностей творчества русскоязычных писателей Татарстана. В книге представлен историко-культурный контекст, в котором формировались этническая идентичность и художественные особенности творчества русскоязычных авторов.

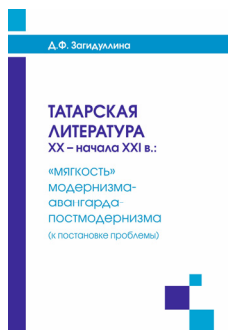
Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур / Я.Г. Сафиуллин; науч. ред. М.И. Ибрагимов; сост.: В.Р. Аминева, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань, 2021. 576 с.

В книге представлены труды Я.Г. Сафиуллина по широкому кругу литературоведческих проблем. В центре внимания автора — проблема национальных литератур, их роли в современной культуре.

Хусаинова А.Я. Татарские говоры Оренбургской области / А.Я. Хусаинова. Казань: ИЯЛИ, 2021. 88 с.

Книга посвящена комплексному исследованию лексики татарских говоров Оренбуржья как части диасистемы татарского языка: лексемы детально исследованы в рамках тематических групп, в семантическом, номинативном, сравнительно-историческом, лингвогеографическом и других аспектах.

Загидуллина Д.Ф. Татарская литература XX — нач. XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы) / Д.Ф. Загидуллина. Казань: ИЯЛИ, 2020. 256 с.

Монография посвящена исследованию эстетической природы классических и неклассических (постнеклассических) парадигм в татарской литературе XX — нач. XXI века. Определяются содержание и объем понятий «модернизм», «авангард», «постмодернизм», «постколониальная литература» применительно к национальному историко-литературному процессу. Автор приходит к заключению, что в татарской культуре процесс формирования новых парадигм происходил не в виде разрыва с традициями, а в форме наслаивания нового — на существующее, привычное, «старое». Такое наслаивание обеспечило «мирное» сосуществование различных художественных систем; взаимосвязь, взаимопроникновение и синтез различных приемов и форм, относящихся к разным художественным парадигмам.

Ибрагимов М.И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки. Казань, 2018. 104 с.

В очерках освещаются вопросы, связанные с национальной идентичностью татарской литературы. На примере широкого круга литературных явлений показывается множественность дискурса идентичности в татарской литературе XX века.

Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX — нач. XXI в.). Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2019. 591 с.

В монографии исследуется развитие сценографии татарского театра в контексте проблем культурогенеза, этнорелигиозных процессов и культурных взаимосвязей. Автор, исследуя творчество ведущих мастеров театрально-декорационного искусства, принадлежащих к разным художественным школам и направлениям, выделяет основные закономерности и ведущие тенденции развития этого вида искусства на разных исторических этапах (с начала XX века по сегодняшний день).